

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БРЯНСКИЙ ФИЛИАЛ

Грибанская Е.Э., Бурдина Е.А.

РИТОРИКА ДЛЯ ЮРИСТОВ

Учебно-методическое пособие

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 030501.65 «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

Брянск 2008

ББК 83.7+67.410.9

Г82

Рецензенты:

Трошина Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского;

Клименко Т.И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Печатается по решению Совета БФ МосУ МВД РФ

Грибанская, Е.Э., Бурдина, Е.А.

Г82

Риторика для юристов: Учебно-методическое пособие для курсантов и студентов, обучающихся по специальности 030501.65 «Юриспруденция» / Е.Э. Грибанская, Е.А. Бурдина. – Брянск: БФ МосУ МВД РФ, 2008. – 316 с.

ISBN 978-5-903077-24-3

Основное внимание в данном пособии уделяется работе по подготовке речей и возможностям импровизации во время выступлений. Ряд рекомендаций и упражнений направлен на то, чтобы преодолеть возможные психологические барьеры, развить в начинающем ораторе чувство свободного владения искусством речи, чувство живого непосредственного контакта со слушателями.

Изучение дисциплины также предполагает необходимость самостоятельной работы курсантов и студентов по подготовке и критическому анализу публичных выступлений, совместные дискуссионные обсуждения результатов выступлений во взводе и группе.

ББК 83.7+67.410.9

ISBN 978-5-903077-24-3

© Грибанская Е.Э., Бурдина Е.А., 2008

© БФ МосУ МВД России, 2008

Введение

Необходимость изучения данного курса обусловлена тем, что весь спектр юридических профессий относится к числу профессий повышенной речевой ответственности, где владение словом, навыками речевого взаимодействия являются жизненно необходимыми. Поэтому будущие юристы должны овладеть основами риторических знаний, умений и навыков с тем, чтобы они могли легко и свободно работать с открытой аудиторией, технологически и творчески грамотно действовать в ситуациях публичного общения.

Цель изучения дисциплины: знакомство курсантов и студентов с основами теоретических знаний в области риторики, т. е. с основами знаний о закономерностях эффективной речевой деятельности и речевого поведения юриста, а также формирование опыта риторической организации коммуникативно-речевого поведения в рамках профессиональной юридической деятельности.

Основные задачи дисциплины: повышение уровня общей культуры обучаемых; развитие коммуникативных способностей личности юриста, умения взаимодействовать с партнером по общению с учетом прагматических параметров коммуникации; овладение основными юридическими речевыми жанрами, создание устных текстов, отвечающих требованиям обеспечения оптимальной коммуникации в различных речевых ситуациях профессиональной сферы общения; овладение основами техники риторической аргументации, полемического мастерства; развитие и совершенствование умений преодолевать различные барьеры, возникающие в юридическом общении, добиваться максимальной эффективности процесса коммуникации.

Предлагаемый курс лекций и практических занятий знакомит курсантов и студентов с основами ораторского мастерства в ракурсе целей и возможностей юриспруденции как публичной профессии и как творческой работы, связанной с профессиональным общением.

Овладение приемами и методами публичного речевого воздействия способствует повышению уровня профессионального мастерства будущих юристов.

Курс лекций и практических занятий является практически ориентированным, т.е. основное внимание уделяется работе по подготовке речей и возможностям импровизации во время выступлений. Ряд рекомендаций и упражнений направлен на то, чтобы преодолеть возможные психологические барьеры, развить в начинающем ораторе чувство свободного владения искусством речи, чувство живого непосредственного контакта со слушателями.

Изучение дисциплины также предполагает необходимость самостоятельной работы курсантов и студентов по подготовке и критическому анализу публичных выступлений, совместные дискуссионные обсуждения результатов выступлений во взводе и группе.

В результате изучения дисциплины курсанты и студенты должны:

знать основные теоретические положения по учебной дисциплине; особенности методов, приёмов и средств словесного воздействия на собеседника и партнёра; функциональные разновидности современного русского литературного языка;

владеть навыками лингвистического анализа, навыками редактирования, правки публичных выступлений; основами техники риторической аргументации, полемического мастерства; основными юридическими речевыми жанрами; навыками публичного выступления;

уметь создавать устные тексты, отвечающие требованиям обеспечения оптимальной коммуникации в различных речевых ситуациях профессиональной сферы общения; преодолевать различные барьеры, возникающие в юридическом общении; добиваться максимальной эффективности процесса коммуникации.

В соответствии с рабочим учебным планом на изучение дисциплины «Риторика» отводится 70 учебных часов, в том числе 40 часов – на аудиторные занятия и 30 часов – на самостоятельную работу курсантов и слушателей.

Обучение по указанной дисциплине завершается сдачей курсантами и студентами зачёта.

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДИСЦИПЛИНЫ «Риторика»
 для курсантов 3 курса очной формы обучения
 (специальность 030501.65 «Юриспруденция»)

№ темы	Название темы	Всего	В том числе				Примечание
			Лекции	Семинары	Прак. зан.	Контр. раб.	
1.	<p>Риторика как наука об ораторском искусстве. Предмет и задачи риторики. Основные этапы развития риторики. Риторические традиции в России:</p> <p>1. Риторика как наука об ораторском искусстве. Специфика судебного красноречия.</p> <p>2. Зарождение ораторского искусства в Древнем мире.</p> <p>3. Русское судебное красноречие.</p>	6	2		4		
2.	<p>Речь как продукт речевой деятельности. Стили и жанры речи:</p> <p>1. Специфика речевого поведения юриста. Основы речевого этикета.</p> <p>2. Логические основы судебной речи.</p> <p>3. Техника речи как средство речевого воздействия.</p> <p>4. Функционально-типичные формы речи юриста.</p>	8	2		6		

3.	Коммуникативные качества речи. Судебная речь как аргументативный текст: 1. Коммуникативные качества речи юриста. 2. Судебная речь как жанр ораторского искусства. 3. Культура устной речи юриста. 4. Судебная речь как аргументативный текст. 5. Богатство и выразительность речи юриста.	10	2		8		
4.	Подготовка судебного оратора к публичному выступлению: 1. Подготовка судебного оратора к выступлению. Принципы и приёмы подготовки. 2. Этические основы судебных прений. 3. Устный характер судебной речи.	6	2		4		
5.	Полемика в судебном следствии: 1. Полемика в судебном следствии. 2. Публичное выступление юриста в массовой аудитории (4 часа). 3. Культура и этика судебных прений.	8	2		6		
6.	Контрольная работа (т. 1–5).	2			2		
	Зачёт						
	Всего:	40	10		30		

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДИСЦИПЛИНЫ «Риторика»
 для студентов 5 курса очной формы обучения
 (специальность 030501.65 «Юриспруденция»)

№ темы	Название темы	Всего	В том числе				Примечание
			Лекции	Семинары	Прак. зан.	Контр. раб.	
1.	<p>Риторика как наука об ораторском искусстве. Предмет и задачи риторики. Основные этапы развития риторики. Риторические традиции в России:</p> <p>1. Риторика как наука об ораторском искусстве. Специфика судебного красноречия.</p> <p>2. Зарождение ораторского искусства в Древнем мире.</p> <p>3. Русское судебное красноречие.</p>	6	6				
2.	<p>Речь как продукт речевой деятельности. Стили и жанры речи:</p> <p>1. Специфика речевого поведения юриста. Основы речевого этикета.</p> <p>2. Логические основы судебной речи. Техника речи как средство речевого воздействия.</p> <p>3. Функционально-типичные формы речи юриста.</p>	10	6		4		

3.	<p>Коммуникативные качества речи. Судебная речь как аргументативный текст:</p> <p>1. Коммуникативные качества речи юриста.</p> <p>2. Судебная речь как жанр ораторского искусства.</p> <p>Культура устной речи юриста.</p> <p>3. Судебная речь как аргументативный текст.</p> <p>Богатство и выразительность речи юриста.</p>	10	6		4		
4.	<p>Подготовка судебного оратора к публичному выступлению:</p> <p>1. Подготовка судебного оратора к выступлению. Принципы и приёмы подготовки.</p> <p>2. Этические основы судебных прений.</p> <p>Устный характер судебной речи.</p>	6	4		2		
5.	<p>Полемика в судебном следствии:</p> <p>1. Полемика в судебном следствии.</p> <p>2. Публичное выступление юриста в массовой аудитории.</p> <p>3. Культура и этика судебных прений.</p>	8	4		4		
	Зачёт						
	Всего:	40	26		14		

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДИСЦИПЛИНЫ «Риторика»
 для студентов заочной формы обучения
 (специальность 030501.65 «Юриспруденция»)

№ темы	Название темы	Всего	В том числе				Примечание
			Лекции	Семинары	Прак. зан.	Контр. раб.	
1, 2.	Риторика как наука об ораторском искусстве. Предмет и задачи риторики. Основные этапы развития риторики. Риторические традиции в России. Речь как продукт речевой деятельности. Стили и жанры речи.	2	2				
3.	Коммуникативные качества речи. Судебная речь как аргументативный текст.	2	2				
4, 5.	Подготовка судебного оратора к публичному выступлению. Полемика в судебном следствии.	4	2		2		
	Зачёт						
	Всего:	8	6		2		

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДИСЦИПЛИНЫ «Риторика»
 для студентов заочной (сокращённой) формы обучения
 (специальность 030501.65 «Юриспруденция»)

№ темы	Название темы	Всего	В том числе				Примечание
			Лекции	Семинары	Прак. зан.	Контр. раб.	
1, 2.	Риторика как наука об ораторском искусстве. Предмет и задачи риторики. Основные этапы развития риторики. Риторические традиции в России. Речь как продукт речевой деятельности. Стили и жанры речи.	2	2				
3.	Коммуникативные качества речи. Судебная речь как аргументативный текст.	2	2				
4, 5.	Подготовка судебного оратора к публичному выступлению. Полемика в судебном следствии.	4	2		2		
	Зачёт						
	Всего:	8	6		2		

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДИСЦИПЛИНЫ «Риторика»
 для студентов 3 курса заочной (сокращённой) формы обучения
 на базе среднего профессионального образования
 (специальность 030501.65 «Юриспруденция»)

№ темы	Название темы	Всего	В том числе				Примечание
			Лекции	Семинары	Прак. зан.	Контр. раб.	
1, 2.	Риторика как наука об ораторском искусстве. Предмет и задачи риторики. Основные этапы развития риторики. Риторические традиции в России. Речь как продукт речевой деятельности. Стили и жанры речи.	2	2				
3.	Коммуникативные качества речи. Судебная речь как аргументативный текст.	2	2				
4, 5.	Подготовка судебного оратора к публичному выступлению. Полемика в судебном следствии.	4	2		2		
	Зачёт						
	Всего:	8	6		2		

ЗАДАНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ

**Тема 1. Риторика как наука об ораторском искусстве. Предмет
и задачи риторики. Основные этапы развития риторики.
Риторические традиции в России**

Практическое занятие 1.1 (2 часа)

Зарождение ораторского искусства в Древнем мире

Цель занятия: познакомить с задачами и чертами ораторской речи в Древней Греции и в Древнем Риме; показать особенности античного судебного красноречия.

Теоретическая часть

1. Предмет риторики и культуры речи. Риторика в профессиональной деятельности юриста.
2. Основные разделы риторики. Общая и частная риторики.
3. Риторический канон (этапы создания текста речи).

Практические задания

1. Познакомьтесь с толкованием слова «риторика» в толковых словарях. Какие значения они выделяют? Какие оттенки имеют вторичные значения и как они связаны с основным? Придумайте предложения на все значения слова «риторика».
2. Подготовьте сообщение на одну из тем:
 - Софисты. Отношение к риторике софистов Платона, Аристотеля.

- «Риторика» Аристотеля. Ее вклад в развитие теории ораторского искусства.
- Выдающийся оратор Древней Греции Демосфен. Демосфен о владении голосом.
- Ораторское искусство Древнего Рима.
- Выдающиеся ораторы Древнего Рима Цицерон, Квинтилиан.
- Ораторское искусство в Средние века и эпоху Возрождения.

Можете предложить свои темы для выступления.

2. Познакомьтесь с отрывком из диалога Платона «Евтидем», посвященным критике софистической «мудрости» и ее методов. В чем сущность спора Платона с софистами?

3. Познакомьтесь с одной из речей античных ораторов (речи Демосфена против Филиппа, диалоги Платона «Пир», «Федр», речи Цицерона против Катилины и др.). Дайте ее анализ с точки зрения содержания (тема речи, ее цель и задачи).

Литература основная:

1. Античные риторика. – М., 1976.
2. Безменова, Н.А. Очерки по теории и истории риторики / Н.А. Безменова. – М., 1991.
3. Михальская, А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М., 2002.
4. Платон. Диалоги / Платон. – М., 1986.
5. Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 1 / Платон. – М., 1968.
6. Сергеев, М.Е. Жизнь Древнего Рима / М.Е. Сергеев. – М.–Л., 1964.
7. Хазагеров, Г.Г., Корнилова, Е.Е. Риторика для делового человека: Учебное пособие / Г.Г. Хазагеров, Е.Е. Корнилова. – М., 2001. – С. 7–11.

8. Хрестоматия по риторике / Автор-составитель С.Ф. Иванова. – Пермь, 1990.

9. Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон. – М., 1972.

10. Материалы фондовой лекции № 1.

Литература дополнительная:

1. Адамов, Е.А. Выдающиеся ораторы древнего мира и средних веков / Е.А. Адамов. – М., 1961. – С. 240.

2. Адамов, Е.А. Из истории ораторского искусства / Е.А. Адамов. – М., 1965. – С. 325.

3. Кузнецова, Т.И., Стрельникова, И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме / Т.И. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – М., 1976.

4. Кохтев, Н.Н. Риторика: Учебное пособие для учащихся 8–11 кл. учебных заведений с углубленным изучением гуманитарных предметов / Н.Н. Кохтев. – М.: Просвещение, 1994. – С. 3–57.

5. Шейнов, В.П. Риторика / В.П. Шейнов. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 8–39, 538–557.

6. Козаржевский, А.Ч. Античное ораторское искусство / А.Ч. Козаржевский. – М., 1980. – С. 520.

7. Смолярчук, В.И. Гиганты и чародеи слова / В.И. Смолярчук. – М., 1984. – С. 120.

8. Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон. – М., 1972.

9. Судебное красноречие русских юристов прошлого / Сост. Ю.А. Костанов. – М.: Знание, 1992.

10. Минеева, С.А., Цицерон, М.Т. Хрестоматия по риторике / С.А. Минеева, М.Т. Цицерон. – Пермь: ЗУУНЦ, 1992.

11. Далецкий, Ч. Риторика: заговоры, и я скажу, кто ты / Ч. Далецкий. – С. 367–382.

12. Кохтев, Н.Н. Риторика: Учебное пособие / Н.Н. Кохтев. Гл. 1, с. 5–24, гл. 2, с. 26–38.

13. Юнина, Е.А., Сагач, Г.М. Общая риторика: Современная интерпретация / Е.А. Юнина, Г.М. Сагач. – Пермь: ЗУУНЦ, 1992. – С. 7–51.

14. Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. Воронеж: Воронежский обл. институт повышения квалификации и переподготовки раб. образования, 1993. – С. 4–11.

15. Тимофеев, А.Г. История красноречия с древнейших времен / А.Г. Тимофеев. – М., 1983.

Методические рекомендации

В первом вопросе раскрыть понятие риторики. Её предмет и задачи изучения. Коммуникация, речь, общение. Сущность общения. Механизм общения. Функции и средства общения. Виды общения. Общение в профессиональной деятельности юриста и его специфика.

Второй вопрос посвящен основным разделам риторики. Необходимо отразить следующие положения: условия эффективного общения; постулаты общения; причины коммуникативных неудач; коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приёмы; значимость общения в юридической практике. А также рассказать о речевой ситуации общения, назвать её основные компоненты. Ситуативные переменные и социальные роли говорящих. Социальный статус, авторитет. Речевые роли юриста.

В третьем вопросе рассказать об истории риторики: античная риторика (судебное красноречие античных ораторов); риторика эпохи средних веков и эпохи Возрождения; западно-европейская риторика XVIII – XIX веков.

Практическое занятие 1.2 (2 часа)

Русское судебное красноречие

Цель занятия: познакомить с развитием риторических идей в России, ролью судебных прений в судебном процессе.

Теоретическая часть

1. Древнерусская риторика.
2. Развитие риторических идей в России (XVIII – XIX вв.).
3. Русское судебное красноречие второй половины XIX в. Неориторика.

Практические задания

I. Подготовьте устное сообщение на одну из тем:

1. Древнерусское красноречие. Риторические традиции киево-могилянской и славяно-греко-латинской академий. Феофан Прокопович.
2. Русское красноречие XVIII в. Учение о красноречии М.В. Ломоносова.
3. Послеломоносовский период. Труды по красноречию во второй половине XVIII в. Риторика М.М. Сперанского и И.С. Рижского.
4. Филологическая деятельность Академии в конце XVIII – начале XIX вв. Университетская школа красноречия. Труды по красноречию А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского, К.Н. Зеленецкого.
5. Русское судебное красноречие второй половины XIX в. Руководства по другим видам красноречия.
6. Ораторы революции. Ленинская школа в истории искусства политической, пропагандистской и агитационной речи.

7. Создание Института живого слова. Новое в теории ораторской речи в первой половине XX в. Деятельность А.В. Луначарского.

II. Познакомьтесь с различными определениями риторики. Что является, по мнению авторов, предметом риторики? Согласны ли вы с данными утверждениями?

1. «Риторика есть наука красноречиво говорить обо всем без изъятия. Все прочие знания имеют для себя предмет ограниченный; но сия ограничивается пределами токмо единого естества, и всякая вещь надлежит к ее области».

«Детская риторика, или благоразумный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная» (1787)

2. «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красноречиво говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению».

М.В. Ломоносов

3. «... Красноречие есть дар потрясать души, переливая в них свои страсти, и сообщать им образ своих понятий».

М.М. Сперанский

4. «Ораторство, витийство есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других».

Н.Ф. Кошанский

III. Проанализируйте речь А.В. Луначарского при открытии Института живого слова (см.: «Театр». 1968. № 9. С. 82–83). Какие задачи ставит А.В. Луначарский перед Институтом? Какую роль отводит ораторскому искусству в жизни общества?

Литература основная:

1. Аннушкин, В.И. Первая русская «Риторика» / В.И. Аннушкин. – М., 1989.

2. Безменова, Н.А. Очерки по теории и истории риторики / Н.А. Безменова. – М., 1991.
3. Вомперский, В.П. Риторика в России XVII–XVIII вв. / В.П. Вомперский. – М., 1988.
4. Граудина, Л.К., Миськевич, Г.И. Теория и практика русского красноречия / Л.К. Граудина, Г.И. Миськевич. – М., 1989.
5. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 58–62.
6. Кошанский, Н.Ф. Частная риторика / Н.Ф. Кошанский. – СПб., 1840.
7. Ломоносов, М.В. Полн. собр. соч. Т. 7 / М.В. Ломоносов. – М.–Л., 1952.
8. Луначарский, А.В. Речь при открытии Института живого слова / А.В. Луначарский // Театр. – 1968. – № 9.
9. Михальская, А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М., 2002.
10. Михальская, А.К. Педагогическая риторика / А.К. Михальская. – М., 1998.
11. Кохтев, Н.Н. Риторика: Учебное пособие для учащихся 8–11 кл. учебных заведений с углубленным изучением гуманитарных предметов / Н.Н. Кохтев. – М.: Просвещение, 1994. – С. 3–57.
12. Шейнов, В.П. Риторика / В.П. Шейнов. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 8–39, 538–557.
13. Адамов, Е.А. Выдающиеся ораторы древнего мира и средних веков / Е.А. Адамов. – 1961. – С. 240.
14. Адамов, Е.А. Из истории ораторского искусства / Е.А. Адамов. – М., 1965. – С. 325.
15. Козаржевский, А.Ч. Античное ораторское искусство / А.Ч. Козаржевский. – М., 1980. – С. 520.

16. Смолярчук, В.И. Гиганты и чародеи слова / В.И. Смолярчук. – М., 1984. – С. 120.

17. Материалы фондовой лекции № 1.

Литература дополнительная:

1. Адамов, Е.А. Выдающиеся ораторы древнего мира и средних веков / Е.А. Адамов. – М., 1961.

2. Адамов, Е.А. Из истории ораторского искусства / Е.А. Адамов. – М., 1965.

3. Кузнецова, Т.И., Стрельникова, И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме / Т.И. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – М., 1976.

4. Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон. – М., 1972.

5. Судебное красноречие русских юристов прошлого / Сост. Ю.А. Костанов. – М.: Знание, 1992.

6. Минеева, С.А., Цицерон, М.Т. Хрестоматия по риторике / С.А. Минеева, М.Т. Цицерон. – Пермь: ЗУУНЦ, 1992.

7. Далецкий, Ч. Риторика: заговори, и я скажу, кто ты / Ч. Далецкий. – С. 367–382.

8. Кохтев, Н.Н. Риторика: Учебное пособие / Н.Н. Кохтев. – Гл. 1, с. 5–24, гл. 2, с. 26–38.

9. Юнина, Е.А., Сагач, Г.М. Общая риторика: Современная интерпретация / Е.А. Юнина, Г.М. Сагач. – Пермь: ЗУУНЦ, 1992. – С. 7–51.

10. Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. Воронеж: Воронежский обл. институт повышения квалификации и переподготовки раб. образования, 1993. – С. 4–11.

11. Тимофеев, А.Г. История красноречия с древнейших времен / А.Г. Тимофеев. – М., 1983.

Методические рекомендации

В первом вопросе рассказать о древнерусском красноречии, о риторических традициях киево-могилянкой и славяно-греко-латинской академий (Феофан Прокопович).

Второй вопрос посвящен русскому красноречию XVIII в., учению о красноречии М.В. Ломоносова. Послеломоносовский период. Филологическая деятельность Академии в конце XVIII – начале XIX вв. Университетская школа красноречия. Труды по красноречию А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского, К.Н. Зеленецкого.

В третьем вопросе рассказать о трудах по красноречию во второй половине XVIII в. (риторики М.М. Сперанского и И.С. Рижского); о судебном красноречии в дореволюционной России (А.Ф. Кони, В.Д. Спасович, Н.П. Карабчевский, К.К. Арсеньев и другие). О судопроцессе в советский и постсоветский периоды (Н.В. Крыленко, Р.А. Руденко, В.И. Царёв, И.Д. Брауде, В.Л. Россельс, Я.С. Киселёв, И.М. Кисенишский, Г.М. Резник, Г.П. Падва).

Тема 2. Речь как продукт речевой деятельности. Стили и жанры речи

Практическое занятие 2.1 (2 часа)

Логические основы судебной речи

Цель занятия: развивать умение анализировать речь прокуроров и адвокатов с точки зрения логичности и убедительности.

Теоретическая часть

1. Значение законов логики в организации речи судебных ораторов. Роль законов логики в ораторской деятельности.
2. Убедительность судебной речи. Аргументация и демонстрация. Виды доказательства и опровержения. Доказывание и убеждение.
3. Возможные логические ошибки в речи судебного оратора.
4. Языковые средства, подчёркивающие логичность речи.

Практические задания

1. Сделать подбор аргументов к теме: «Пороки, мешающие нам жить: Лень, Равнодушие, Жестокость...».
2. Подготовить сообщения:
 - На каком основании выделяют аргументы рациональные и иррациональные (психологические)?
 - Каковы источники рациональных аргументов. Кто «упрямей» – факты или спорщики? Почему?
 - Охарактеризуйте как можно более полно и последовательно тот тип речевого поведения, который может помочь истине родиться в споре.

3. Риторический анализ текстов известных судебных ораторов прошлого (античных и русских) с точки зрения убедительности, методов и способов доказательства тезиса в речи, аргументации.

4. Выполните задания 1–6 на с. 108–109 (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия).

Литература основная:

1. Михальская, А.К. Основы риторики: 10–11 кл.: Учебное пособие для образовательных учреждений. 2-е изд., с измен. / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2001. – С. 411–421.

2. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / И.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 85–99.

3. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Т. Риторика и культура речи. Изд. 3-е, доп. и перераб. Серия «Высшее образование» / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. – Рн/Д: Изд-во «Феникс», 2003. – С. 448–467.

4. Материалы фондовой лекции № 2.

Литература дополнительная:

1. Клюев, Е.В. Риторика: Учебное пособие для вузов / Е.В. Клюев. – М.: «Издательство ПРИОР», 1999. – С. 62–137.

2. Хазагеров, П.Г., Лобанов, И.Б. Риторика / П.Г. Хазагеров, И.Б. Лобанов. – Рн/Д: Феникс, 2004. – С. 31–156.

3. Безменова, Н.А. Риторика и аргументация: Языковая практика и лингвистическая теория / Н.А. Безменова. – М., 1981. – С. 20–109.

4. Бокан, В.М. Формирование убеждения суда / В.М. Бокан. – Минск, 1973. – С. 15–46.

Методические рекомендации

В первом вопросе рассказать об устной форме речи в профессиональной деятельности юриста. Основные устные коммуникативно-речевые приёмы, используемые для достижения коммуникативного намерения говорящего (выступления судебных ораторов).

Второй вопрос посвящен убедительности судебной речи, основным законам мышления, логическим операциям доказательства, прямому и косвенному доказательству, опровержению.

В третьем вопросе рассказать об ошибках в логике рассуждения, в выборе языковых средств, о софизмах. Назвать причины и виды логических ошибок. Роль законов логики в ораторской деятельности.

Практическое занятие 2.2 (2 часа)

Техника речи как средство речевого воздействия

Цель занятия: развивать умение использовать различные средства техники речи при создании собственного выступления.

Теоретическая часть

1. Техника речи как признак ораторского мастерства. Голос как основной инструмент оратора. Культура произношения. Значение звуковой организации речи.

2. Основной тон высказывания. Интонационно-выразительные средства речи. Интонация и ее компоненты: тон, логическое ударение, пауза, темп, ритм.

3. Стилистические и этические недочёты в звуковой организации речи. Роль невербальных средств общения. Значение наиболее употребительных жестов, поз, мимических реакций.

Практические задания

1. Прочитайте слова Цицерона. Подумайте, о каких качествах голоса идет речь. Какие из этих качеств крайне важны в публичном выступлении? Докажите свою точку зрения, раскрывая значение каждого качества голоса в конкретных ситуациях.

Нехорошо, когда звуки выговариваются слишком подчеркнуто: нехорошо, когда их затемняет излишняя небрежность; нехорошо, когда слова произносятся слабым, умирающим голосом; нехорошо, когда их произносят пыхтя, как в одышке... Существуют такие недостатки, которых следует избегать, например, голос слабый, женственный или немзыкальный, неблагозвучный и глухой.

2. Прочитайте фразы с учетом заданных ниже отношений между собеседниками. Передайте настроение с помощью интонации, тембра голоса.

Как ты поживаешь?

Радостная встреча с другом детства.

Встреча с человеком, к которому вы относитесь холодно.

Мне пора... Я спешу.

Нежелание продолжать разговор с другом, так как разговор неприятный.

Сожаление, что невозможно продолжить разговор со знакомым по телефону: нет времени.

Прекращение разговора с сотрудником на работе из-за неотложных дел.

Боже мой! Боже мой! Да куда это вы так спешите?

Удивление по поводу спешки друзей.

Насмешка над поспешностью знакомых, которые слишком рано начали собираться к поезду.

Возмущение неуместной торопливостью коллег по работе.

3. Подготовьте сообщения:

- Как стать приятным собеседником.
- Искусство комплимента. Скрытые комплименты.
- Внешний облик – друг или враг.
- Умеем ли мы располагать к себе?
- Учет особенностей аудитории.
- Обаяние, его проявление в речи.

4. Выполните задания 1–7 на с. 183–186 (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия).

Литература основная:

1. Мальханова, И. Школа красноречия / И. Мальханова. – М.: ООО «АиФ – Принт», 2002. – С. 116–127; 252–257.
2. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 163–181.
3. Шейнов, В.П. Искусство убеждать / В.П. Шейнов. – М.: «Изд-во ПРИОР», 2002. – С. 72–111.
4. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Культура и искусство речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 1995.
5. Казарцева, О.М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения: Учебное пособие / О.М. Казарцева. – М., 1998.
6. Сопер, П. Основы искусства речи / П. Сопер. – М., 1992.
7. Материалы фондовой лекции № 2.

Литература дополнительная:

1. Савкова, З.В. Искусство оратора: Учебное пособие / З.В. Савкова. – СПб.: Знание, 2000. – С. 90–128.

2. Михальская, А.К. Основы риторики: 1–11 кл.: Учебное пособие для общеобраз. учреждений / А.К. Михальская. 2-е изд., с измен. – М.: Дрофа, 2001. – С. 358–362.

3. Баева, О.А. Ораторское искусство и деловое общение: Учебное пособие / О.А. Баева. 2-е изд., исправл. – Мн.: Новое знание, 2001. – 224 с.

4. Пиз, А. Язык телодвижений. Язык разговора / А. Пиз. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2000.

5. Мурашов, А.А. Культура речи: Практикум / А.А. Мурашов. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – С. 234–251.

6. Уэйрайт. Язык тела: Перевод с англ. / Уэйрайт. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.

Методические рекомендации

В первом вопросе рассказать о речевой деятельности, видах речевой деятельности. Понятие о речевой деятельности. Говорение, слушание, чтение, письмо.

Слушание как вид речевой деятельности: сущность, механизмы. Виды и способы слушания. Слушание в профессиональной деятельности юриста.

Говорение. Речевой акт – основа говорения. Структура речевого акта. Прямые и косвенные речевые акты. Речевой акт и коммуникативный акт, их соотношение.

Второй вопрос посвящен следующим категориям: устная форма речи в профессиональной деятельности юриста. Основные устные коммуникативно-речевые приёмы, используемые для достижения коммуникативного намерения говорящего (выступления судебных

ораторов). Интонационно выразительные средства: сила голоса, дикция, темп речи, мелодический рисунок речи, паузы.

В третьем вопросе рассказать о благозвучных и неблагозвучных звуках, о причинах неблагозвучия, о речевом поведении. Основы речевого поведения. Этика речевого общения. Судебная речевая этика.

Практическое занятие 2.3 (2 часа)

Функционально-типовые формы речи юриста

Цель занятия: развивать умение использовать различные средства техники речи при создании собственного выступления.

Теоретическая часть

1. Описание, повествование, рассуждение в профессиональной речи юриста. Ораторская речь как особая форма драматического монолога.
2. Роды и виды ораторской речи. Виды судебных речей (обвинительная, защитительная, самозащитительная речь обвиняемого).
3. Классификация ораторских речей:
 - а) по целям и задачам выступления;
 - б) по типу оратора.
4. Система речевых стилей и жанров. Ораторская речь и функциональные стили литературного языка.

Практические задания

1. Подготовьте сообщения на темы: «Роды и виды ораторских речей» (по книге Аристотеля «Риторика»), «Основные типы ораторов» (по книге Цицерона «Оратор»).

2. Познакомьтесь с характеристиками индивидуальных речевых типов, предложенными в книге С.Ф. Ивановой «Специфика публичной речи» (М., 1978). К какому типу оратора Вы относитесь? Определите, что Вам необходимо для совершенствования своих речевых способностей.

3. Составьте на основании рекомендаций Цицерона краткие «Советы себе как оратору». Выпишите те советы, которые относятся к основной части ораторской речи.

Современный оратор... будет говорить так, чтобы одно и то же содержание повторилось в различной форме; он будет останавливаться на каком-либо одном предмете, задерживаться на какой-нибудь одной мысли; он будет иной раз умалять что-нибудь, иной раз выставлять на смех; будет отступать и отклоняться мыслью от предмета; будет заранее сообщать, о чем он скажет; закончив мысль, подведет ей итог; будет сам себя призывать к делу; будет говорить уже сказанное; будет логически заключать доводы; ... будет словно сам себе отвечать на поставленный вопрос; говоря одно, заставит понимать и чувствовать противоположное; изобразит сомнение, что и как ему сказать; разделит речь по частям; кое-что оставит в стороне, словно пренебрегая; заранее оградится от возможных нападок... Будет то и дело относиться с рассуждениями к публике...; введет описание речей и нравов; иной раз обратится к шутке и насмешке; заранее завладеет доводами, которые могут быть выставлены против него; воспользуется уподоблениями, обратится к примерам.

4. Выполните задания 7–10 на с. 84 (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия).

Литература основная:

1. Михальская, А.К. Основы риторики: 10–11 кл.: Учебное пособие для образовательных учреждений / А.К. Михальская. – 2-е изд., с измен. – М.: Дрофа 2001. – С. 411–421.
2. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М.: Юрист, 2001. – С. 78–118.
3. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Т. Риторика и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. Изд. 3-е, доп. и перераб. Серия «Высшее образование». – Рн/Д: Изд-во «Феникс», 2003. – С. 448–467.
4. Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. проф. В.И. Максимова. – М., 2002. – С. 70–93.
5. Хазагеров, Г.Г., Корнилова, Е.Е. Риторика для делового человека: Учебное пособие / Г.Г. Хазагеров, Е.Е. Корнилова. – М., 2001. – С. 32–36.
6. Материалы фондовой лекции № 2.

Литература дополнительная:

1. Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.
2. Иванова, С.Ф. Специфика публичной речи / С.Ф. Иванова. – М., 1978.
3. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М., 1992.
4. Кохтев, Н.Н. Риторика / Н.Н. Кохтев. – М., 1996.
5. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М., 1998.
6. Львов, М.Р. Риторика / М.Р. Львов. – М., 1995.
7. Неклюдов, В.Д. Риторика: Пособие для практических занятий / В.Д. Неклюдов. – Брянск, 1999.
8. Сопер, П. Основы искусства речи / П. Сопер. – М., 1992.
9. Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / М.Т. Цицерон. – М., 1972.

Методические рекомендации

В первом вопросе рассказать о понятии речи. Разновидности речи по форме выражения мысли: внутренняя и внешняя. Разновидности речи по характеру взаимодействия участников общения: монолог, диалог, полилог. Функционально- типовые формы речи: повествование, описание, рассуждение.

Монолог и диалог в речи юриста. Запрос информации, характер вопросов в ситуации диалогического общения. Структура диалогического единства. Диалогизированный монолог. Судебная речь как монолог. Средства диалогизации монолога.

Второй вопрос посвящен особенностям обвинительной, защитительной речи и самозащитительной речи обвиняемого. Сопоставление с традиционными родами и видами ораторской речи.

В третьем вопросе, пользуясь материалами лекции, дать сравнительную классификацию ораторских речей по целям и задачам выступления; по типу оратора.

Четвёртый вопрос посвящен понятию о стилях речи. Стилистическое расслоение современной русской речи. Публичная судебная речь: её стилистическая принадлежность, соединение стилевых пластов судебной речи.

**Тема 3. Коммуникативные качества речи.
Судебная речь как аргументативный текст**

Практическое занятие 3.1 (2 часа)

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ КАК ЖАНР ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

Цель занятия: развивать умение самостоятельно строить письменную и устную публичную речь, формировать навыки применения приёмов импровизации.

Теоретическая часть

1. История формирования судебной речи. Риторический канон.
2. Нормы построения письменной и устной публичной речи юриста (композиция, план, недостатки композиции). Ближайшая и конечная цель современной судебной речи.
3. Черты судебной речи, отличающие её от других видов публичной речи. Судебная речь: прокурорская, адвокатская. Мастерство публичной речи (на примере выдающихся юристов России XIX–XX веков: А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, П.И. Пороховщиков и др.). Приемы импровизации.

Практические задания

1. Подготовьте сообщения:
 - Античный европейский канон как основа европейской риторической культуры.
 - Сущность композиции.
 - М.В. Ломоносов о композиции речи – рассуждении.
 - Понятия и определение понятий.
 - Структура устной речи.
 - Способы изложения материала.

- Типы текста.
- Жанровые особенности судебной речи.
- Как составить адвокатскую речь. Композиционные особенности речи прокурора.

2. Изобретение, расположение и написание речи в соответствии со структурой восьмичастной хрии на темы:

Чем эпоха интересней для историка,
Тем она для современника печальней.

Н. Глазков

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал.

Е. Баратынский

Поэтами рождаются,
Ораторами становятся.

М. Цицерон

Корень учения горек,
Но плоды его сладки.

А. Лосев

Острый язык – дарование, длинный язык – наказание.

Д. Минаев

Свобода заключается в праве делать то, что не вредит другим.

М. Клаудиус

Говорить всегда труднее как раз тогда, когда стыдно молчать.

Китайская мудрость

3. Изобретение, расположение и написание речи со структурой сочинения–рассуждения (обвинительной и оправдательной) на тему: «Пороки, мешающие нам жить...».

Литература основная:

1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 49–82.
2. Баишева, З.В. Русский язык и культура речи в юриспруденции: Учебник / З.В. Баишева. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – С. 103–104.
3. Материалы фондовой лекции № 3.

Литература дополнительная:

1. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Т. Риторика для юристов: Учебное пособие / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. – Ростов н/Д, 2002. – 530 с.
2. Далецкий, Ч. Риторика: Заговори, и я скажу, кто ты: Учебное пособие / Ч. Далецкий. – М.: Омега – Л; Высш. шк., 2003. – С. 60–69, 367–382.
3. Михальская, А.К. Основы риторики: 10–11 кл.: Учебное пособие для образовательных учреждений. 2-е изд., с измен. / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2001. – С. 354–356, 138–192, 219–230.
4. Мурашов, А.А. Культура речи: Практикум / А.А. Мурашов. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – С. 198–234.

Методические рекомендации

В первом вопросе рассказать: об истории судебного красноречия, назначении судебной речи (прения сторон, ближайшая и конечная цель судебной речи). Отличительные черты судебной речи (предмет и материал судебной речи, оценочно-правовой характер, адресаты судебной речи).

Во втором вопросе особое внимание обратить на композицию судебной речи, план, возможные недостатки композиции и пути их устранения.

В третьем вопросе, пользуясь материалами лекции, рассказать о мастерстве публичной речи (ясность, логичность, убедительность речи юриста) на примере речей выдающихся юристов-ораторов.

Практическое занятие 3.2 (2 часа)

КУЛЬТУРА УСТНОЙ РЕЧИ ЮРИСТА

Цели занятия: познакомить с акцентологическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими нормами в речи юриста; способствовать формированию навыка лингвистического анализа юридических текстов.

Теоретическая часть

1. Речь в профессиональной деятельности юриста. Культура произношения. Значение звуковой организации речи. Речевой аппарат.
2. Стилистические недочеты в звуковой организации речи.
3. Ораторское мастерство. Судебное красноречие.

Практические задания

1. Подготовьте сообщения:
 - Акцентологические нормы в речи юриста.
 - Современное состояние русского языка.
 - Особенности произношения иностранных слов.
 - Как звучат имена и отчества.
 - Речь – своеобразный «паспорт» человека.

2. Подберите афоризмы, пословицы, поговорки о благозвучии, красоте звучащей речи.

4. Выполните задания 1–4 на с. 47–48 (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия).

Литература основная:

1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 15–26.

2. Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. проф. В.И. Максимова. – М., 2002. – С. 54–61.

3. Далецкий, Ч. Риторика: Учебное пособие / Ч. Далецкий. – М.: Омега – Л.; Высшая школа, 2003. – С. 265–297.

4. Далецкий, Ч. Практикум по риторике / Ч. Далецкий. – М.: Издат. центр АЗ, 1996.

5. Скворцов, Л.И. Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению, словоупотреблению / Л.И. Скворцов. – М., 1983.

6. Материалы фондовой лекции № 3.

Литература дополнительная:

1. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Т. Риторика и культура речи. – Изд. 3-е, доп. и переработ. / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. – Рн/Д: Изд-во «Феникс», 2003. – С. 326–398.

2. Мурашов, А.А. Культура речи: Практикум / А.А. Мурашов, В.Ф. Русецкий. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – С. 14–72.

3. Савкова, З.В. Искусство оратора: Учебное пособие / З.В. Савкова. – СПб.: Знание, 2000. – С. 3–52, 77–90.

4. Мельханова, И. Школа красноречия: Интенсивный учебно-практический курс / И. Мельханова. – М.: ООО «АиФ – Принт», 2002. – С. 9–52.

5. Далецкий, Ч. Риторика: Заговори, и я скажу, кто ты: Учебное пособие / Ч. Далецкий. – М.: Омега – Л; Высш. шк., 2003. – С. 265–297.

6. Кохтев, Н.Н. Риторика: Учебное пособие для уч-ся 8–11 кл. учебных заведений с углубленным изучением гуманитарных предметов / Н.Н. Кохтев. – М.: Просвещение, 1994. – С. 70–86.

Методические рекомендации

В первом вопросе обратить особое внимание на культуру устной речи юриста. Правильность речи. Понятие о языковой норме. Типы ошибок. Нарушение норм русского литературного языка в речи судебного оратора. Точность речи юриста (предметная, терминологическая). Основные ошибки, вызванные неточным выражением мысли.

При ответе на **второй вопрос** необходимо рассказать о произношении гласных, произношении согласных, произношении сочетаний звуков. Диалектные особенности произношения. Профессионализмы.

Отвечая на **третий вопрос**, дайте определение понятиям «судебное красноречие» и «культура речи юриста». Расскажите о речи как визитной карточке юриста; о специфике языка права.

Практическое занятие 3.3 (2 часа)

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ КАК АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ТЕКСТ

Цели занятия: познакомить с особенностями аргументативного текста; развивать умение правильно использовать различные виды аргументов.

Теоретическая часть

1. Понятие аргументации. Структура доказательства. Предметно-логическое построение судебной речи.

2. Тезис. Основные требования, предъявляемые к тезису выступления. Ошибки в тезисе.

3. Аргументы. Виды аргументов. Правила аргументации. Ошибки в аргументации. Способы доказательства. Приемы эффективной аргументации.

4. Лингвистическая структура судебной речи. Юридические клише в тексте судебной речи.

Практические задания

1. Сформулируйте тезис для выступления на одну из тем:

- Что дает человеку образование?
- Кто учится лучше – тот, кто только учится, или тот, кто еще и подрабатывает?
- Что лучше – много друзей или мало?

Предложите свои формулировки тезисов на другие темы.

2. Подберите 3–4 аргумента к тезисам:

- Хорошо учиться необходимо для будущего.
- Все должны следить за своим здоровьем.
- Всем необходима риторика.

- Все должны использовать знания и опыт предыдущих поколений.
- Нужно научиться уважать старшее поколение.

Приведите 2–3 аргумента и 2–3 контраргумента к тезисам. Определите свою позицию.

- Хорошо иметь много денег.
- Хорошо всегда и во всем быть первым.
- Каждый должен иметь машину.
- Кто хорошо учится, всегда найдет престижную и высокооплачиваемую работу.
- Если к человеку хорошо относиться, он будет хорошо относиться и к вам.

Литература основная:

1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 110–132.
2. Максимов, А.И. Русский язык и культура речи: Практикум / А.И. Максимов. – М.: Гардарики, 2002. – С. 90–99.
3. Далецкий, Ч. Риторика: Учебное пособие / Ч. Далецкий. – М.: Омега – Л.; Высшая школа, 2003. – С. 265–297.
4. Далецкий, Ч. Практикум по риторике / Ч. Далецкий. – М.: Издат. центр АЗ, 1996.
5. Скворцов, Л.И. Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению, словоупотреблению / Л.И. Скворцов. – М., 1983.
6. Материалы фондовой лекции № 3.

Литература дополнительная:

1. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Культура и искусство речи / Л.А. Введенская, Л.Т. Павлова. – Ростов-на-Дону, 1995.
2. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично / Д. Карнеги. – М., 1989.
3. Михальская, А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М., 1996.
4. Стернин, И.А. Риторика / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000.
5. Сопер, П. Основы искусства слова / П. Сопер. – М, 1992.
6. Снелл, Ф. Искусство делового общения / Ф. Снелл. – М., 1990.

Методические рекомендации

В первом вопросе обратить особое внимание на то, как построить текст, в какой последовательности излагать мысли; дать понятие судебной речи как аргументативному тексту. Строение аргументативных текстов.

При ответе на **второй вопрос** расскажите о тезисе и антитезисе в аргументативном тексте. Правила выдвижения тезисов. Способы доказательства, разные подходы к их классификации.

Отвечая на **третий вопрос**, расскажите о видах аргументов. Работа с аргументами и их расположение. Преобладающие виды аргументов в судебной практике. Правила выдвижения аргументов. Приёмы эффективной аргументации. Речевые стереотипы в аргументативных текстах (конструкции, вводящие тезис, и аргументы, выражающие возражение и согласие). Ошибки и уловки в построении аргументативных текстов.

В четвёртом вопросе обратите внимание на языковые средства, которые передают мысли оратора, всё содержание речи. Приём контраста. Сочетание стандарта и экспрессии. Приём обрамления.

Практическое занятие 3.4 (2 часа)

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ ЮРИСТА

Цели занятия: познакомить с различными тропами и фигурами риторики, развивать умение использовать выразительные средства языка в собственных высказываниях; развивать навыки редакторской правки.

Теоретическая часть

1. Что такое «судебное красноречие» и «ораторское мастерство»? Экспрессивность – необходимая характеристика судебной речи.

2. Роль выразительности в речи. Образно-эмоциональная выразительность речи:

1.1. Тропы и их классификация.

1.2. Фигуры риторики: фигуры слова; фигуры мысли.

3. Стилистические функции вопросительных предложений в судебной речи.

Практические задания

1. Подготовьте сообщения:

– Точность словоупотребления – необходимое условие юридической речи.

– Речевые ошибки, вызванные употреблением слова без учета его семантики.

- Ошибки, связанные с употреблением многозначных слов в языке права.
 - Профессиональная юридическая лексика.
 - Юридические термины и профессионализмы.
 - Понятие фразеологического оборота, его функции в судебной речи.
 - Юридические клише в письменной и устной речи юриста.
2. Сделайте подбор фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, афоризмов, связанных с профессией, законом.
 3. Сделайте подбор высказываний теоретиков судебного ораторского искусства о богатстве и выразительности речи юриста.
 4. Опишите внешность человека, которого вы хорошо знаете, используя средства языковой выразительности (риторические тропы и фигуры). Постарайтесь дать яркий, выразительный портрет. Можете использовать литературного героя или популярного в обществе человека, описать его так, чтобы другие узнали.

Литература основная:

1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Юрист, 2001. – С. 134–161.
2. Хазагеров, Г.Г., Корнилова, Е.Е. Риторика для делового человека: Учебное пособие / Г.Г. Хазагеров, Е.Е. Корнилова. – М., 2001. – С. 39–59.
3. Аристотель. Полемиические приемы. Топика // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Аристотель. – М., 1978.
4. Кохтев, Н.Н. Эмоциональное воздействие пропагандистского слова / Н.Н. Кохтев. – М., 1981.
5. Кохтев, Н.Н., Розенталь, Д.Э. Искусство публичного выступления / Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь. – М., 1988.

6. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М., 1992.
7. Неклюдов, В.Д. Риторика: Пособие для практических занятий / В.Д. Неклюдов. – Брянск, 1999.
8. Сопер, П. Основы искусства речи / П. Сопер. – М., 1992.
9. Материалы фондовой лекции № 3.

Литература дополнительная:

1. Александров, Д.Н. Риторика: Учебное пособие для вузов / Д.Н. Александров. – М., 2000.
2. Алексеев, Н.С., Макарова, З.В. Ораторское искусство в суде / Н.С. Алексеев, З.В. Макарова. – Л., 1989.
3. Голуб, И.Б., Розенталь, Д.Э. Секреты хорошей речи / И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь. – М., 2000.
4. Иванова, С.Ф. Специфика публичной речи / С.Ф. Иванова. – М.: Знание, 1978.
5. Ножин, Е.А. Мастерство устного выступления / Е.А. Ножин. – М., 1989.

Методические рекомендации

В первом вопросе обратить особое внимание на то, в чём заключается богатство и выразительность речи судебного оратора. Понятие риторического тропа как средства выразительности. Роль эмоционального воздействия в судебной речи.

При ответе на **второй вопрос** расскажите о тропах в устной публичной судебной речи: метафора, сравнение, эпитет, гипербола и пр. Дайте понятие о риторических фигурах. Риторические фигуры и их классификация: антитеза, амплификация, анафора, градация, по-

втор, риторический вопрос и пр. Риторические возможности стилистических фигур в устной судебной речи.

Отвечая на **третий вопрос**, расскажите о вопросительных конструкциях в монологической судебной речи. Раскройте понятия «вопросно-ответный ход», «риторический вопрос», «внутренний диалог».

**Тема 4. Подготовка судебного оратора
к публичному выступлению
Практическое занятие 4.1 (2 часа)**

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

Цели занятия: дать понятие об этике речевого поведения, нравственном долге судебного оратора.

Теоретическая часть

1. Основные требования, предъявляемые к «хорошей речи». Понятие коммуникативных качеств речи.
2. Язык и стиль публичного выступления. Культура ораторской речи.
3. Профессиональная этика юриста в судебном процессе. Речевое поведение судебного оратора.
4. Полемиические приемы. Уловки в споре. Позволительные и непозволительные уловки.

Практические задания

1. Установите стилистические функции речевых штампов. Уместны ли они в тексте? Произведите литературное редактирование текста.

В одно прекрасное утро, на лужайке недалеко от окраины, которая за сравнительно небольшой отрезок времени до неузнаваемости преобразилась, широко развернулись прения и целый ряд ораторов выступил со взволнованными речами, где были приведены яркие

факты упорной борьбы имен существительных против шаблона. Получилась любопытная картина, которая не могла не оставить неизгладимого впечатления. Сбравшиеся разошлись только тогда, когда наступил ясный полдень. Будем надеяться, что эта мощная волна протеста против однообразия прилагательных дойдет до литераторов и они твердой поступью пойдут по пути улучшения своего языка.
(Г. Рыклин)

2. Познакомьтесь с отрывком из выступления русского мыслителя И.А. Ильина (см. Хрестоматию по риторике). Проанализируйте язык и стиль данного выступления. Укажите, какие средства речевой выразительности использованы оратором. В чем, на ваш взгляд, состоит пафос этой речи? Определите свое отношение к идеям, высказанным автором.

3. Подготовьте сообщения на темы:

- Коммуникативные качества «хорошей речи».
- Язык и стиль публичного выступления.
- Культура ораторской речи.

Литература основная:

1. Аристотель. Тописка. О софистических опровержениях // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Аристотель. – М., 1978.

2. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 1995.

3. Культура русской речи: Учебник для вузов. – М., 1998.

4. Минеева, С.А. Полемика – диспут – дискуссия / С.А. Минеева. – М., 1990.

5. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Юристъ, 2007. – С. 187–200.

6. Материалы фондовой лекции № 4.

Литература дополнительная:

1. Об искусстве полемики. – 2-е изд. – М., 1982.

2. Павлова, К.Г. Искусство спора: Логико-психологические аспекты / К.Г. Павлова. – М., 1988.

3. Павлова, К.Г. Психология спора / К.Г. Павлова. – Владивосток, 1988.

4. Платон. Диалоги / Платон. – М., 1986.

5. Поварнин, С.И. Спор: О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Вопросы философии. – 1990. – № 3.

6. Прошунин, Н.Ф. Что такое полемика? / Н.Ф. Прошунин. – М., 1985.

7. Слемнев, М.А., Васильков, В.Н. Диалектика спора / М.А. Слемнев, В.Н. Васильков. – Минск, 1990.

Методические рекомендации

В первом вопросе обратить особое внимание на понятие «культура речи» и его составляющие (правильная речь, хорошая речь). Основная часть судебной речи: её построение, принципы расположения материала.

При ответе на **второй вопрос обратить внимание** на аннотированный развёрнутый план как одно из средств подготовки речи.

Психологическая подготовка к выступлению, выработка уверенности в себе.

Отвечая на **третий вопрос**, расскажите о взаимодействии судебного оратора и аудитории. Этические основы судебных прений. Общие принципы управления вниманием аудитории. Свойства внимания, существенные для судебного оратора. Работа судебного оратора по управлению вниманием судьи, присяжных заседателей.

В **четвёртом вопросе** обратите внимание на устный характер судебной речи. Импровизационная речь-экспромт. Техника импровизации. Полемические приемы.

Практическое занятие 4.2 (2 часа)

УСТНЫЙ ХАРАКТЕР СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Цели занятия: показать отличительные особенности устной речи от письменной; способствовать формированию умений и навыков создания собственных устных высказываний.

Теоретическая часть

1. Говорение как особый вид речевой деятельности. Механизм речевого акта говорения.
2. Особенности устной речи. Ее отличие от письменной. Основные приемы подготовки устного высказывания.

Практические задания

Подберите любой текст (30–40 предложений) и тренируйте свое речевое мышление с помощью следующего упражнения.

Упражнение 1. Чтение текста.

Громко читайте вслух (например, газетную статью), бросая время от времени взгляды на воображаемых слушателей. Добивайтесь с помощью контакта глаз с воображаемой публикой ощущения свободной речи. При этом вы систематически мгновенно читаете, забегая вперед, небольшие отрывки и сохраняете их в памяти. Это лучшее упражнение для тренировки речевого мышления, при котором мысли немного опережают слова.

Выполните еще одно упражнение, связанное с развитием речевой памяти.

Упражнение 2. Передача смысла.

Прочтите отрывок, содержащий от двух до пяти предложений, а затем перескажите его:

- а) по возможности дословно (старайтесь запомнить детали);
- б) собственными словами (самостоятельно формируйте речь).

Литература основная:

1. Аристотель. Топика. О софистических опровержениях // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Аристотель. – М., 1978.
2. Баишева, З.В. Русский язык и культура речи в юриспруденции: Учебник / З.В. Баишева. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – С. 100–101.
3. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Культура и искусство речи. Современная риторика / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 1995.
4. Культура русской речи: Учебник для вузов. – М., 1998.
5. Минеева, С.А. Полемика – диспут – дискуссия / С.А. Минеева. – М., 1990.

6. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М.: Юрист, 2001. – С. 202–213.

7. Материалы фондовой лекции № 4.

Литература дополнительная:

1. Кохтев, Н.Н. Риторика: Учебное пособие для учащихся 8–11 классов учебных заведений с углубленным изучением гуманитарных предметов, а также лицеев и гимназий / Н.Н. Кохтев. – М., 1994.

2. Львов, М.Р. Риторика: Учебное пособие для учащихся 10–11 классов / М.Р. Львов. – М., 1995.

3. Михальская, А.К. Основы риторики: Мысль и слово: Учебное пособие для учащихся X–XI классов общеобразовательных учебных заведений / А.К. Михальская. – М., 1996.

4. Ножин, Г.А. Мастерство устного выступления / Г.А. Ножин. – М., 1989.

Методические рекомендации

В первом вопросе обратить особое внимание на изобретение судебной речи. Устная речь и речевое мышление. Речевая память. Требования к композиции (структуре) судебной речи. Варианты начала (вступления) и концовки (заключения) судебной речи. Спонтанность речи. Разговорные явления, характерные для устной монологической речи.

При ответе на **второй вопрос** необходимо осветить основные принципы и приёмы подготовки судебного оратора к публичному выступлению. Разговорные конструкции в судебной речи. Смещение синтаксической перспективы высказывания. Паузы обдумывания.

Тема 5. Полемика в судебном следствии

Практическое занятие 5.1 (2 часа)

КУЛЬТУРА И ЭТИКА СУДЕБНЫХ ПРЕНИЙ

Цели занятия: познакомить с особенностями использования диалогической речи; способствовать формированию навыков применения допустимых приёмов в споре.

Теоретическая часть

1. Диалогическая речь. Общие требования к ведению диалога.
2. Вопросно-ответный комплекс. Виды вопросов и ответов.
3. Спор и его признаки. Виды спора. Стратегия и тактика спора. Допустимые и недопустимые приемы в споре.
4. Судебные прения как вид публичного спора.

Практические задания

1. Подготовьте сообщения:
 - Что такое «спор», «дискуссия», «полемика», «диспут», «прения»?
 - Как в споре проявляется национальный характер?
 - В чем особенности русского спорщика?

Литература основная:

1. Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. проф. В.И. Максимова. – М., 2002. – С. 54–61.
2. Хазагеров, Г.Г., Корнилова, Е.Е. Риторика для делового человека: Учебное пособие / Г.Г. Хазагеров, Е.Е. Корнилова. – М., 2001. – С. 120–124.

3. Аристотель. Готика // Сочинения: В 4. Т. 2 / Аристотель. – М., 1978. – Кн.8. – Гл. 1–3, 6–11.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – Новосибирск: Унив. изд-во, 2006. – С. 190, 191.
5. Кисемь, Я.С. Речевая культура судебных прений / Я.С. Кисемь // Правоведение. – 1976. – № 9.
6. Корневский, Ю. Можно ли обойтись без полемики в судебных прениях / Ю. Корневский // Социалистическая законность. – 1976. – № 5.
7. Корецкий, И. Этика судебных прений / И. Корецкий // Социалистическая законность. – 1976. – № 1.
8. Ликас, А. Культура судебных прений / А. Ликас // Социалистическая законность. – 1976. – № 4.
9. Логика. Логические основы общения. – М., 1994. – Гл. 5.
10. Поварнин, С.И. О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 60–133.
11. Поварнин, С.И. О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Логика и риторика: Хрестоматия. – Минск, 1997. – С. 471–590.
12. Материалы фондовой лекции № 5.

Литература дополнительная:

1. Савицкий, В.М. Государственный обвинитель как участник судебных прений / В.М. Савицкий // Советское государство и право. – 1973. – № 12.
2. Сергеич, П. Искусство речи на суде. – 3-е изд. / П. Сергеич. – Тула: Автограф, 2000. – Гл. 7. – С. 196–242.
3. Шкатова, Л.А. Речевые формулы спора / Л.А. Шкатова // Русская речь. – 1990. – № 4.
4. Экземпляров, Р. Форма полемики в суде / Р. Экземпляров // Социалистическая законность. – 1976. – № 4. – С. 57–58.

5. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Риторика и культура речи. – Изд. 3-е, доп. и перераб. Серия «Высшее образование» / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Рн/Д: Изд-во «Феникс», 2003. – С. 400–426.

6. Мельник, В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе / В.В. Мельник. – М., 2000. – 200 с.

Методические рекомендации

В первом вопросе обратить особое внимание на полемическое начало судебного допроса. Основные принципы судебного разбирательства – непосредственность, устность и непрерывность. Виды допроса. Порядок допроса.

При ответе на **второй вопрос** необходимо осветить логические аспекты спора. Виды вопросов: по характеру информации (ли-вопросы, что-вопросы), по строению (простые – открытые и закрытые; сложные). Критерии правильности вопросов. Виды ответов (истинные, ложные, прямые, косвенные, краткие, развёрнутые, полные, неполные). Критерии ответа.

Отвечая на **третий вопрос**, дайте общую характеристику спора, рекомендации по ведению спора, расскажите о культуре и этике судебных прений. Требования к содержанию и структуре судебных прений: компетентность, обстоятельность, адекватность, объективность, конструктивность, завершённость.

В четвёртом вопросе обратите внимание на особенности судебной этики. Этические нормы полемики. Обвинительная речь прокурора. Композиция обвинительной речи прокурора. Защитительная речь адвоката. Структура защитительной речи адвоката.

Практическое занятие 5.2 (2 часа)
ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЮРИСТА
В МАССОВОЙ АУДИТОРИИ

Цели занятия: познакомить с основными принципами подготовки к публичному выступлению; способствовать развитию навыка самостоятельной подготовки к выступлению.

Теоретическая часть

1. Степень инвенции (изобретения) как выбор коммуникативной цели, темы, способов убеждения.
2. Основные принципы подготовки оратора к публичному выступлению. Виды подготовки. Повседневная подготовка к выступлениям. Подготовка к конкретному выступлению.
3. Основные способы выступлений. Современные рекомендации по расположению содержания речевого произведения. Композиция публичного выступления.

Практические задания

1. Познакомьтесь с вопросами для самоконтроля, которые могут использоваться при подготовке различных видов публичных выступлений. Они помогут определить степень готовности к выступлению. Какими вопросами можно дополнить данный список?
 - Отражает ли название темы ее содержание?
 - Действительно ли меня интересует тема выступления?
 - Достаточно ли я знаю по данной проблеме?
 - Убежден ли я в том, о чем буду говорить?
 - Соответствуют ли тема и цель моей речи уровню знаний, интересам и установкам слушателей?
 - Могу ли я четко сформулировать главную идею своего выступления?

- Легко ли воспринимаются фактический материал и статистические данные?
3. Изобретите содержание речи на одну из следующих тем:
- Великий человек с моей точки зрения.
 - Выдающийся оратор.
 - Ораторами не рождаются, ораторами становятся.
4. Изучите схему «Композиционное построение речи». Какова задача каждой композиционной части выступления? Какие приемы привлечения внимания, с вашей точки зрения, наиболее действенны? Как вы понимаете требование максимальной лаконичности?

Композиционное построение речи

Части выступления	Приемы привлечения внимания
<p>1. Вступление</p> <p><i>Задачи:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • пробудить интерес к теме предстоящего разговора • установить контакт • подготовить слушателей к восприятию выступления • обосновать постановку вопроса • основное условие – максимальная лаконичность 	<ul style="list-style-type: none"> • обращение к событию, времени, месту • сообщение проблемного вопроса • обращение к борьбе, конфликту, противоречиям • демонстрация какого-либо предмета • апелляция к личности оратора (рассказ о себе, своем личном опыте, случае с вами) • апелляция к авторитетам (изложение мнений авторитетных лиц, цитирование) • приведение исторического эпизода

<p>2. Главная часть</p> <p><i>Задачи:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • последовательно разъяснить выдвинутые положения • доказать их правильность • подвести слушателей к необходимым выводам <p>3. Заключение</p> <p><i>Задачи:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • суммировать сказанное • повысить интерес к предмету речи • подчеркнуть значение сказанного • поставить задачи • призвать к непосредственным действиям (в митинговой речи) 	<ul style="list-style-type: none"> • ссылка на общеизвестный и общедоступный источник информации • изложение парадоксальной ситуации • апелляция к интересам аудитории • апелляция к речи предыдущего оратора • юмористическое замечание • обобщающий вывод • повторение решающих доводов речи • обращение к слушателям с пожеланием (хорошо провести выходные, праздничные дни, отпуск и т.д.) • благодарность за внимание • иллюстративная концовка (цитата, крылатое изречение, народная мудрость, афоризм, развернутая метафора и т. д.)
---	--

5. Продумайте и композиционно оформите (с помощью плана) содержание одной из речей на выбранную вами тему.

Какие приемы привлечения внимания слушателей могут быть использованы в каждом из этих выступлений?

Литература основная:

1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М.: Юрист, 2001. – С. 59–65.
2. Михальская, А.К. Основы риторики: 10–11 кл.: Учебник для образовательных учреждений. – 2-е изд., с измен. / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2001. – С. 411–430.
4. Аристотель. Готика // Сочинения: В 4. Т. 2 / Аристотель. – М., 1978. – Кн. 8. – Гл. 1–3, 6–11.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – Новосибирск: Унив. изд-во, 2006. – С. 190, 191.
6. Кисемь, Я.С. Речевая культура судебных прений / Я.С. Кисемь // Правоведение. – 1976. – № 9.
7. Корневский, Ю. Можно ли обойтись без полемики в судебных прениях / Ю. Корневский // Социалистическая законность. – 1976. – № 5.
8. Корецкий, И. Этика судебных прений / И. Корецкий // Социалистическая законность. – 1976. – № 1.
9. Ликас, А. Культура судебных прений / А. Ликас // Социалистическая законность. – 1976. – № 4.
10. Логика. Логические основы общения. – М., 1994. – Гл. 5.
11. Поварнин, С.И. О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 60–133.
12. Поварнин, С.И. О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Логика и риторика: Хрестоматия. – Минск, 1997. – С. 471–590.

Литература дополнительная:

1. Апресян, Г.З. Ораторское искусство / Г.З. Апресян. – М., 1978.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.

3. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Риторика и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 2003.
4. Карнеги, Д. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично / Д. Карнеги. – М., 1992.
5. Кошанский, Н.Ф. Общая риторика // Русская риторика: Хрестоматия / Авт.-сост. Л.К. Граудина. – М., 1996.
6. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М., 1992.
7. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. – М., 1952.
8. Михальская, А.К. Основы риторики: 10–11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. – 2-е изд., с измен. / А.К. Михальская. – М., 2001.
9. Михневич, А.Е. Ораторское искусство лектора / А.Е. Михневич. – М., 1984.
10. Ножин, Е.А. Мастерство устного выступления / Е.А. Ножин. – М., 1989.
11. Сопер, П. Основы искусства речи / П. Сопер. – М., 1992.
12. Стернин, И.А. Риторика в объяснениях и упражнениях / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000.

Методические рекомендации

При подготовке к первому вопросу обратить особое внимание на понятие актуальности темы, определение целей и задач выступления, учёт подготовленности аудитории слушателей.

При ответе на **второй вопрос** осветить порядок работы оратора над речью: изучение материалов по теме выступления, определение целевой установки, подбор аргументов, доказательств, логическая организация материала, работа над языком выступления.

В третьем вопросе обратить особое внимание на специфическую черту публичного выступления юриста в массовой аудитории. Лекция как жанр красноречия. Требования, предъявляемые к лекции: содержательность, информативность, уместность, ответственность, способность вызвать интерес. Тематика лекций и их направленность. Характер и уровень аудитории. Требования к лектору-юристу.

Практическое занятие 5.3 (2 часа)
ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЮРИСТА
В МАССОВОЙ АУДИТОРИИ

Цели занятия: развивать умение применять теорию создания текста выступления на практике; умение выступать перед аудиторией.

Теоретическая часть

1. Оратор и аудитория. Аудитория как социально-психологическая общность людей.
2. Поведение оратора в аудитории. Манера выступления.

Практические задания

1. Подготовьте сообщения на темы: «Внешний облик оратора», «Жесты и мимика в публичном выступлении».
2. Подготовьте сообщения на тему:
 - Закон и справедливость – нет ли противоречий?
 - Нравственность и закон: судить «по суду» или «по совести»?
 - Произвол и законность: можно ли законом «прикрыть» произвол?

- Право и психология.
- Профессия – следователь.
- Личность преступника: «гений» и «злодейство» – две вещи несовместные?
- Профессия – адвокат: служитель закона или подзащитного?
- Право и математика (математические методы и модели в социально-правовом исследовании).
- Нужны ли телесные наказания сегодня?
- Значение Петра I в истории права.
- Закон и власть: право и политика.
- Выдающийся судебный оратор... Какой он?
- Оратор и аудитория.
- Наркотики и борьба с ними. Легализация – это выход?
- Память законоведа и ее развитие.
- Юмор в судебной речи.
- Использование крылатых слов в судебной речи.
- Самообразование оратора.
- Преступление и преступник: всегда ли совершивший преступление является преступником?
- Коррупция и ее причины.
- Смертная казнь: за – против.
- Преступность среди подростков и ее причины.
- Суд присяжных: достоинства и недостатки.
- Русские пословицы о слове.
- Жесты и мимика в судебной речи.
- Почему судебное ораторское искусство XIX века превратилось в *судоговорение* в XX – XXI вв.?
- Можно ли обучиться искусству речи?

- Роль и значение риторики в современных судебных процессах.
- Язык – друг и враг.
- «Заговори, чтобы я тебя увидел» (Сократ). Это действительно так?
- В чем сила слова?
- Россия – правовое государство?
- Религия и право.
- Перевоспитание преступника – в тюрьмах и колониях?
- Тюремный шансон – жанр искусства?

3. Переведите любой письменный текст (статью в газете, журнале) в устный и прочитайте его в качестве диктора. Громко читайте текст вслух, время от времени бросая взгляды на воображаемых слушателей. Добивайтесь с помощью зрительного контакта с воображаемой аудиторией ощущения свободной речи.

4. Подготовьте и произнесите двухминутную речь по выбранному афоризму. Вам необходимо либо развить идею речи, либо опровергнуть ее. Повторите афоризм в процессе выступления не менее двух раз и проиллюстрируйте свое выступление примером из жизни.

Афоризмы для выступлений

- Попробуйте сказать, что хотите, – всегда найдутся люди умные и образованные, которые станут говорить противное (Н.Г. Чернышевский).
- Указую господам сенаторам речь в присутствии сената держать не по писаному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого всякому видна была (Петр I).
- Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами.
- Не стыдно учиться, стыдно не знать.

- Образование есть то, что остается после того, когда забывается все, чему нас учили (А. Эйнштейн).

При подготовке оратор должен ответить на следующие вопросы и затем по ним оценить собственное выступление:

- Удалось ли завоевать внимание аудитории?
- Удалось ли удержать внимание аудитории на протяжении всего выступления?
- Уложился ли я в отведенное время?
- Все ли я сказал, что хотел?
- Подчеркнул ли я в заключение главное?
- Не сбивался ли я, не отклонялся ли от темы?
- Уверенно ли я себя чувствовал за трибуной?
- Хотелось ли бы мне еще раз выступить перед аудиторией?

Литература основная:

1. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия / Н.Н. Ивакина. – М.: Юрист, 2001. – С. 59–65.
2. Михальская, А.К. Основы риторики: 10–11 кл.: Учебник для образовательных учреждений. – 2-е изд., с измен. / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2001. – С. 411–430.
3. Аристотель. Готика // Сочинения: В 4. Т. 2 / Аристотель. – М., 1978. – Кн. 8. – Гл. 1–3, 6–11.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – Новосибирск: Унив. изд-во, 2006. – С. 190, 191.
5. Кисемь, Я.С. Речевая культура судебных прений / Я.С. Кисемь // Правоведение. – 1976. – № 9.
6. Корневский, Ю. Можно ли обойтись без полемики в судебных прениях / Ю. Корневский / Социалистическая законность. – 1976. – № 5.

7. Корецкий, И. Этика судебных прений / И. Корецкий // Социалистическая законность. – 1976. – № 1.
8. Ликас, А. Культура судебных прений / А. Ликас / Социалистическая законность. – 1976. – № 4.
9. Логика. Логические основы общения. – М., 1994. – Гл. 5.
10. Поварнин, С.И. О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 60–133.
11. Поварнин, С.И. О теории и практике спора / С.И. Поварнин // Логика и риторика: Хрестоматия. – Минск, 1997. – С. 471–590.

Литература дополнительная:

1. Введенская, Л.А., Павлова, Л.Г. Культура и искусство речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 1995.
2. Гроссман, Л.П. Об искусстве лектора / Л.П. Гроссман. – М., 1970.
3. Кохтев, Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев. – М., 1992.
4. Кохтев, Н.Н. Риторика / Н.Н. Кохтев. – М., 1996.
5. Кохтев, Н.Н., Розенталь, Д.Э. Искусство публичного выступления / Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь. – М., 1988.
6. Ножин, Е.М. Основы советского ораторского искусства / Е.М. Ножин. – М., 1973.
7. Сопер, П. Основы искусства речи / П. Сопер. – М., 1992.
8. Стернин, И.А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – Воронеж, 1996.
9. Эрнст, О. Слово предоставляется вам / О. Эрнст. – М., 1988.

Методические рекомендации

При подготовке к первому вопросу обратить особое внимание на теоретические положения о контакте оратора с аудиторией. Приемы поддержания внимания аудитории.

При ответе на второй вопрос осветить влияние невербальных средств: взгляд, поза, жесты оратора. Расположение и движение оратора в аудитории.

Практическое занятие 5.4 (2 часа)

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА

Цели занятия: обобщить, систематизировать и проконтролировать знания курсантов и студентов, полученные в процессе изучения учебной дисциплины «Риторика».

Вариант 1

1. Риторика как филологическая наука сложилась:
 - А. в Древней Греции
 - Б. в Древнем Риме
 - В. в России

2. Инвенция – это...
 - А. словесная конструкция (синтактика) высказывания
 - Б. общий замысел, изобретение высказывания
 - В. словесное воплощение высказывания

3. Формами диалогической речи являются:
 - А. информационный диалог
 - Б. набор вопросов

В. коллективные действия

4. Документом является:

А. кандидатская диссертация

Б. научно-технический отчет

В. акт

5. Тема публичного выступления должна отражать:

А. личную позицию

Б. основную проблему

В. мнение экспертов

6. В высказывании *Нетающий снежный покров горных вершин называется шапкой* дефиницией является:

А. слово горных

Б. слово снежный

В. слово шапкой

7. Существенные признаки предмета...

А. отличают данный предмет от другого

Б. указывают на сходство предметов

В. проявляются в определенных ситуациях

8. *Аргумент – это...*

9. *М. Бахтин определил понятие «текст» как ...*

Вариант 2

1. Предметом риторики является:

А. политическая, религиозная публицистика

Б. аргументация в публичной речи

В. грамматика

2. Язык является универсальной семиотической системой, потому что все знаки (в том числе и знаки языка) назначаются посредством:

А. цифр

Б. символов

В. слов

3. Общим является:

А. Почему-вопрос

Б. Ли-вопрос

В. Кто-вопрос

4. Административным документом является:

А. инструкция

Б. договор

В. лицензия

5. Речь на любую заданную тему имеет строгую структуру, обязательным элементом которой является:

А. похвала или описание

Б. основная часть

В. пример

6. В высказывании *Но можно ли действительно находить истину? – Должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет и, конечно, не хочет признавать себя лишенным жизни* **положением аргумента** является:

- А. ум живет
- Б. ум не может жить без истины
- В. истину находить можно

7. Высказывание содержит:

- А. только одну главную мысль
- Б. несколько главных мыслей
- В. главную и ряд второстепенных мыслей

8. *Аргументация как процесс это – ...*

Вариант 3

1. Частная риторика содержит:

- А. учение об аргументации
- Б. учение о риторике
- В. учение о конкретных родах и видах словесности

2. Словесность – это...

- А. текущий обмен высказываниями
- Б. система образцовых произведений слова и норм использования, хранения и создания новых произведений
- В. организованная совокупность слов

3. В систему письма входят:

- А. алфавит, графика, орфография, пунктуация
- Б. письма, сочинения, надписи
- В. диалоги, монологи, полилоги

4. Личным документом является:

- А. резолюция
- Б. контракт
- В. метрическое свидетельство

5. Топы являются:

- А. основанием аргумента
- Б. выводом
- В. ложным положением

6. Определить понятие – значит...

- А. указать несущественные признаки предмета
- Б. указать интегральные признаки предмета
- В. указать существенные признаки предмета

7. *Тезис – это...*

8. *Массовая коммуникация это – ...*

9. *Под дискурсом понимается...*

Перечень тем рефератов

1. Речевая культура современного делового общения.
2. Культура речи юриста.
3. Выдающийся оратор античности Демосфен.
4. Выдающийся оратор античности Цицерон.
5. Выдающийся оратор античности Квинтилиан.
6. Русское судебное красноречие второй половины XIX века.
7. Языковые средства воздействия на аудиторию в речах Ф.Н. Плевако.
8. Деловой стиль современной судебной речи.
9. Технология управления и разрешения конфликтных ситуаций в процессе коммуникаций.
10. Язык российского права.
11. Национальные особенности речевого этикета.

Перечень вопросов для подготовки к промежуточной аттестации (зачёту) по всему курсу

1. Риторика, её предмет и задачи изучения.
2. Античная риторика. Античное судебное красноречие.
3. Риторика эпохи средних веков и эпохи Возрождения.
4. Западноевропейская риторика XVIII – XIX веков.
5. Возрождение риторики на современном этапе. Неориторика.
6. Русское судебное красноречие второй половины XIX века.
7. История русской риторики.
8. Коммуникация, речь, общение. Общение в профессиональной деятельности юриста.
9. Условия эффективного общения. Значимость общения в юридической практике.
10. Речевая ситуация общения, её основные компоненты. Речевые роли юриста.

11. Речевая деятельность, виды речевой деятельности, их значимость в профессиональной деятельности юриста.
12. Речевое поведение. Судебная этика.
13. Речь как продукт речевой деятельности. Виды речи. Монолог и диалог в речи юриста.
14. Устная форма речи в профессиональной деятельности юриста.
15. Типы речи. Описание, повествование, рассуждение в речи юриста.
16. Стили речи. Стилистика судебной речи.
17. Жанровая система современной русской речи.
18. Судебная речь с точки зрения жанровой принадлежности. Судебная речь как текст. Структура судебной речи.
19. Коммуникативные качества речи. Культура устной речи юриста. Техника речи.
20. Украшение речи судебного оратора. Риторические тропы, риторические фигуры.
21. Судебная речь как аргументативный текст. Тезис и антитезис.
22. Доказательства и аргументы в судебной речи.
23. Изобретение судебной речи.
24. Структура судебной речи. Варианты вступления и заключения.
25. Основная часть судебной речи.
26. Подготовка судебного оратора к публичному выступлению.
27. Общие принципы управления вниманием аудитории.
28. Свойства внимания, существенные для судебного оратора. Управление вниманием судьи, присяжных заседателей.
29. Техника импровизации.
30. Полемика в судебном следствии.

31. Коммуникация – основа человеческой деятельности. Межличностные коммуникации в юридической практике.
32. Основные функции общения.
33. Деловое общение. Виды делового общения. Характерные особенности делового общения сотрудников правоохранительных органов.
34. Речевая деятельность человека. Организационные и психологические принципы речевой коммуникации.
35. Слушание. Виды слушания. Условия, принципы и приёмы эффективного слушания.
36. Вербальные средства общения. Слово как средство номинации и причина судебного разбирательства.
37. Невербальные средства общения. Мимика. Жесты. Национальный характер жестов.
38. Основные качества юридической речи. Точность и правильность речи.
39. Основные качества юридической речи. Понятность речи. Профессионализмы. Диалектная лексика. Жаргонизмы. Заимствованная лексика.
40. Основные качества юридической речи. Средства выразительности. Пословицы. Крылатые слова и выражения.
41. Общение в юридической практике. Классификация бесед. Условия успешной беседы.
42. Общение в юридической практике. Совещание. Типы совещаний по характеру проведения, по управленческим функциям, по тематике.
43. Общение в юридической практике. Совещание. Этапы подготовки совещания. Методика проведения совещания. Поведение участников совещания.

44. Общение в юридической практике. Переговоры. Виды переговоров. Этапы подготовки к переговорам. Приемы ведения переговоров.
45. Основы ораторского мастерства. Подготовка к выступлениям. Основные этапы подготовки к выступлению.
46. Основы ораторского мастерства. Виды планов по цели и назначению выступления. Композиция выступления. Основные принципы построения выступления.
47. Основы ораторского мастерства. Методы преподнесения материала оратором.
48. Основы ораторского мастерства. Взаимодействие оратора и аудитории.
49. Основы ораторского мастерства. Факторы, влияющие на установление контакта между оратором и аудиторией.
50. Основы ораторского мастерства. Приёмы управления аудиторией.
51. Основы полемического мастерства. История искусства спора. Древняя Греция.
52. Основы полемического мастерства. История искусства спора. Древняя Индия и Древний Китай.
53. Основы полемического мастерства. История искусства спора. Средние века.
54. Основы полемического мастерства. История искусства спора. Россия.
55. Основы полемического мастерства. Спор и его виды. Виды спора по цели.
56. Основы полемического мастерства. Формы проведения спора.
57. Основы полемического мастерства. Организованность спора.

58. Основы полемического мастерства. Основные правила ведения спора.
59. Основы полемического мастерства. Полемические приёмы спора.
60. Психолого-риторические аспекты убеждения в юридической практике.

ПРИМЕРНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ К ЗАЧЕТУ

1. Ознакомьтесь с обвинительной речью по делу Качки Обнинского П.Н. и речью в защиту Качки Плевако Ф.Н. (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 296–314). Как одни и те же факты и поступки интерпретируются обвинителем и защитником? Выделите в речи Плевако средства воздействия на разум присяжных, отметьте эмоциональные средства. Какие образительные средства употреблены для раскрытия психического состояния Качки перед совершением преступления? Какие средства из его выступления неприемлемы в современной речи? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Проанализируйте с точки зрения убедительности речь П.А. Александрова по делу В. Засулич (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. С. 231–250.). Чем достигается эта убедительность? Какие ораторские приемы и языковые средства используются оратором в целях убеждения?

3. Нарушение какого принципа судебного ораторского искусства вы видите в приведенных фрагментах речей? Как вы можете охарактеризовать важность этого принципа в судебных прениях?

- 1) У Федоровой сын не работает, не учится, не занимается общественно-полезным трудом. Извиняюсь, не Федоров, а Мошкин.
- 2) Мы очень тщательно и очень долго говорили о краже у, как её, Сычевой.
- 3) Товарищи судьи, дак представьте себя на его месте. Ведь у любого от такого обвинения мозги наперекосяк встанут.
- 4) Так не обвесьте же его на весах правосудия, граждане судьи!

4. Прочитайте обвинительную речь по делу Кителева (см. Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. С. 393–396). Отметьте в ней языковые явления: 1) порожденные устной формой реализации; 2) нарушающие нормы литературной речи.

5. Подготовьте обвинительную речь по материалам заметки «Страшная месть» (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 214–215).

6. Подготовьте защитительную речь по материалам заметки «Страшная месть» (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 214–215).

7. Прочтите отрывок речи А.Ф. Кони по делу о подлоге завещания купца Козьмы Беляева. Фрагмент представляет собой описание того, как обвиняемые Мясниковы спаивают своего соучастника Караганова, подписавшего подложное завещание именем Беляева. Найдите и обозначьте стилистические и риторические фигуры, тропы.

Если нам станут говорить, – восклицает обвинитель, – что Караганов безумен в настоящее время, то что же из этого? Кто допустил его сделаться таким, кто заключил этого человека в бездействующий завод в задонских степях, кто не давал ему работы, а давал водку в избытке, кто лишил его свободных свиданий с родными, кто оставил его одного на жертву угрызениям совести, на жертву воспоминаниям о проданном семейном счастье, кто лишил его возможности говорить с отцом, который один был ему близок, кто заставил этого человека и здесь собирать последние силы своего разбитого сердца, чтобы, погибая самому, защищать своих хозяев, кто виноват в таком его душевном расстройстве, если оно действительно существует, кто не оградил, не спас его от губительной страсти, когда к тому имелись все способы и средства! Если он и находится здесь перед вами безумный, то это только живое и наглядное свидетельство того, в чем он сознался. Он сам, своею личностью, – очевидное и вопиющее доказательство подложности завещания... И чем ближе это живое доказательство к духовной смерти, тем громче и красноречивее говорит оно о сделанном преступлении! И чем больше силится он собрать свои скудные душевные силы, чтобы свидетельствовать о преданности хозяевам, тем виднее, как злоупотребили этою преданностью, тем понятнее, отчего у Козьмы Беляева дрожала рука, когда он будто бы подписывал свое завещание!

8. Ознакомьтесь с заключительной частью речи А.Ф. Кони по делу начальника Харьковского уезда В. Протопопова. Какие ораторские приемы и полемические средства использованы в этой речи?

Остается сказать об указаниях на суровость приговора, выразившуюся в исключении подсудимого из службы. Палата не приняла во внимание объяснений Протопопова о своей молодости. И правильно сделала! По закону земским начальником можно быть с 25 лет, как и мировым судьей, судебным следователем и присяжным заседателем. Этот возраст обеспечивает известный житейский опыт, вдумчивость и выдержку, необходимые для того, чтобы пользоваться властью, проявление которой проявляется на судьбе других людей. Протопопов на пять лет – ему было в 1890 году 30 лет – ушел вперед от этого срока. Когда же признает он себя зрелым человеком, считая 30-летний возраст еще таким, к которому применимо мерило, созданное жизнью для молодости, смотрящей на все неопытными, отуманенными легкомысленною радостью существования глазами? Не менее неосновательна и ссылка его на новизну дела и незнание, чем руководствоваться в своих действиях. Приступая к новому делу по собственному желанию, он должен был изучить закон, который считал себя призванным исполнять. Закон этот очень невелик. На подробнейшее изучение по нему своих прав и обязанностей достаточно одной недели. Да и содержание его в большей части ничего нового не представляет для того, кто выдержал экзамен из уголовного и гражданского судопроизводства и должен был знать, что такое Мировой Устав и Уложение о наказаниях. Характерные стороны народного быта тоже должны быть известны подсудимому. Он местный помещик, а следовательно, знаком с народом не из книжек. Не помешала же новизна дела мировым посредникам первого призыва с честью и безупречно исполнять свои обязанности.

Протопопов ссылается на то, что приговор палаты уничтожает его права на дальнейшую службу. Таким образом, пропали годы его университетского учения и преимущества, даваемые степенью кандидата прав! Да, пропали! Это грустно, но заслуженно. Напрасно ищет он в ссылке на свои университетские годы основание для особого снисхождения. Своею деятельностью он доказал, что они прошли для него бесследно. Студент обязан выносить из университета не один багаж систематизированных сведений, но и нравственные заветы, которые почерпаются в источнике добра, правды и серьезного знания, называемом наукою; эти заветы и в конце жизни светят студенту и умиляют его при мысли об университете. Наука о праве в своих обширных разветвлениях везде говорит о началах справедливости и уважения к достоинству человека. Поэтому тот, кто через год с небольшим по окончании курса бросил эти заветы и начала как излишнее и непрактичное бремя, кто, вместо благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвещение народа со смиренным сознанием своей ответственности пред законом, вменил спасительные указания этого закона в ничто, напрасно ссылается на свой диплом. Звание кандидата прав обращается в пустой звук по отношению к человеку, действия которого обличают в нем кандидата бесправия. Лишены значения и указания апелляции на третировку имени подсудимого неразборчивым общественным мнением и советы суду не прислушиваться к этому мнению, а просвещать его. Общественное мнение действительно было бы очень неразборчиво, если бы его не смущал образ действий Протопопова и если бы оно находило его заурядным и не стоящим внимания явлением. Суду не следует служить органом общественного мнения, которое бывает изменчиво и слагается иногда случайно, под слишком разнородными и неуловимыми влияниями. Но суд, оставаясь живым организмом, а не мертвым механизмом, не может не отражать в своем приговоре голоса обществен-

ной совести, которая выражается и в твердом слове закона, и в проникающем этот закон духе. И если пред судом есть доказанное обстоятельство, оскорбляющее такую совесть, – суд исполняет свою обязанность, произнося слово осуждения без той ложной чувствительности, за которую столь часто скрывается черствое равнодушие к положению потерпевших.

Подсудимый настаивает пред Правительствующим сенатом об отмене приговора палаты во всех частях, кроме одной, и об открытии ему вновь дверей государственной службы. Будучи в настоящем деле прокурором апелляционного суда, т. е. представительной власти, я выражаю надежду, что Правительствующий сенат оставит приговор палаты в силе, а ходатайство подсудимого без последствий. Устав о службе гражданской т. III Свода законов определяет в ст. 712 «общие качества должностного лица и общие обязанности, которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков». К ним принадлежат: здравый рассудок, человеколюбие, радение о должности, правый и равный суд всякому состоянию и т. д. Мы видели, как часто гнев потемнял здравый рассудок подсудимого, мы знакомы с характерными способами выражения им своего человеколюбия, мы знаем, как радение о должности обращалось у него в радение о своей власти, нам известно, как облегчал он обращение к своему правому и равному суду... Он не может, без опасения причинения дальнейшего вреда поручаемому ему делу, оставаться матросом на корабле государственной службы. Его следует высадить за борт, и когда он, предавшись частной жизни, сольется с массой людей, не имеющих никакой власти, он взглянет на последнюю снизу вверх и, вероятно, поймет, как дурно для других и опасно для себя распоряжался он тою властью, которая была ему с доверием дана... (Сенат утвердил приговор Харьковской судебной палаты).

9. Проанализируйте текст речи, составленный Лисием для одного афинского инвалида в защиту его прав на получение пенсии. Какие полемические приемы использует оратор? Как он доказывает свою правоту?

РЕЧЬ О ТОМ, ЧТО НЕ ДАЮТ ПЕНСИИ ИНВАЛИДУ

(1) Члены Совета! Я почти что благодарен своему противнику за то, что он возбудил против меня это дело. Раньше у меня не было повода дать отчет в своей жизни, а теперь благодаря ему я получил его. В своей речи я постараюсь показать, что он лжет, а что я своей жизнью до нынешнего дня скорее заслуживал похвалы, чем зависти: не по другой какой причине, думается мне, он возбудил против меня это дело, а только по зависти. (2) А кто завидует тому, кого все жалеют, пред какой подлостью, как вы думаете, остановится подобный человек? Ведь если он сделал на меня ложный донос из-за денег...; но если он говорит, что мстит мне по личной вражде, то это ложь; с таким подлым человеком я никогда не был ни в дружбе, ни во вражде. (3) Значит, члены Совета, уже сразу видно, что он завидует мне, – именно, что я, несмотря на свой недостаток, более, чем он, честный гражданин. Да, члены Совета, по моему мнению, телесные недостатки надо уравнивать душевными достоинствами, это верно. Если, например, направление ума у меня и весь вообще образ жизни будет в соответствии с моим недостатком, то чем же я буду отличаться от него?

(4) Но довольно об этом. Теперь я скажу, насколько возможно короче, о том, что составляет цель моей речи. Противник мой утверждает, будто я не имею права получать пособие от государства, так как я здоров физически и не принадлежу к числу «немошных», да и знаю такое ремесло, при котором могу жить и без этого пособия. (5) В доказательство моей физической силы он указывает на то, что я могу ездить верхом, а в доказательство обеспеченности моей от ре-

месла – на то, что я могу водить компанию с людьми, могущими позволять себе кое-какие траты. Как велика моя обеспеченность от ремесла, да и вообще что за жизнь у меня, я думаю, вы все знаете; но все-таки и я скажу про это несколько слов. (6) Отец мне оставил в наследство... ничего; мать кормить я перестал только третий год, с ее смертью; детей у меня пока еще нет, которые бы обо мне позаботились. Ремесло мое дает мало прибыли; к тому же мне самому им заниматься уже тяжело, а купить себе раба, который бы меня заменил в работе, пока еще не могу. Других доходов, кроме этого, у меня нет; и, если вы отнимите его у меня, мне грозила бы опасность очутиться в крайне тяжелом положении. (7) Поэтому, члены Совета, не приговаривайте меня к смерти несправедливым решением, когда у вас есть возможность сохранить мне жизнь решением справедливым; не отнимайте у меня теперь, когда я становлюсь старше и слабее, того, что вы мне дали, когда я был моложе и сильнее! Вы пользовались прежде славою людей чрезвычайно сострадательных даже к тем, у кого нет никакого несчастья; так не обходитесь жестоко теперь, под влиянием этого человека, с теми, кто внушает сострадание даже врагам; не повергайте в отчаяние всех, находящихся в одинаковом со мною положении, если у вас хватит духу обидеть меня! (8) Ведь в самом деле, члены Совета, была бы странная несообразность, если бы вышло так, что я получал это пособие в ту пору, когда недуг был у меня лишь один, но был бы лишен пособия теперь, когда прибавились и старость и болезни с их тяжелыми последствиями. (9) Как велика моя бедность, это может показать, я думаю, яснее всех мой обвинитель: если бы я был назначен устройтелем хора при представлении трагедии и предложил бы ему обмен имуществом, то он предпочел бы лучше десять раз быть устройтелем хора, чем один раз поменяться имуществом. Разве это не возмутительное дело, что теперь он меня обвиняет, будто я при своей полной обеспеченности могу на равной ноге водить ком-

панию с первыми богачами, а если бы случилось что-нибудь такое, о чем я сказал, то он признал бы меня таким, каков я на самом деле, и даже еще беднее?

(10) Что касается моей езды верхом, упомянуть о которой перед вами он решился, судьбы не боясь и вас не стыдясь, то об этом разговор короток. Все, имеющие какой-нибудь недуг, члены Совета, конечно, направляют свои старания и помыслы на то, чтобы сделать постигшее их страдание как можно менее болезненным. Один из них – я: попавши в такое несчастье, я нашел себе в езде на лошади облегчение, когда мне предстоит более или менее далекий путь по необходимым делам. (11) Но самое главное доказательство, члены Совета, того, что я езжу не из чванства, как он утверждает, а вследствие своего недуга, – это вот какое. Если бы у меня было состояние, я ездил бы на муле, а не на чужой лошади; но так как я не могу его купить, то часто бываю вынужден брать чужую лошадь. (12) Если бы он видел, что я езжу на муле, то молчал бы (что тут мог бы он сказать?): так не глупо ли с его стороны, члены Совета, на том основании, что я езжу верхом на лошади, которую выпрошу у кого-нибудь, стараться уверить вас, будто я здоров? Еще: он не указывает в своем обвинении, как на признак моего здоровья, то, что я хожу с двумя палками, тогда как все ходят с одной: так не глупо ли приводить вам в доказательство моего здоровья то, что я езжу на лошади? Ведь я прибегаю и к тому, и к другому средству по одной и той же причине.

(13) Но он бесстыдством своим настолько превосходит всех, что старается уверить вас, – вас столько он один, – будто меня нельзя отнести к числу немощных. Но, если он уверит в этом хоть кого-нибудь из вас, члены Совета, тогда что мешает мне вынимать жребий на должность одного из «деяти архонтов», а вам всем отнять обол у меня как у здорового и назначить ему как калеке? Ведь нельзя предположить, что если вы отнимете пособие у кого-нибудь как у здорового-

го, то фесмофеты не допустят к вынугию жребия его же как нездорового. (14) Но, к счастью, вы не разделяете его мнения, как и он вашего. Хоть он и явился сюда с целью оспаривать у меня мой недуг, точно невесту-сироту с наследством, и старается уверить вас, что я не такой, каким вы все меня видите, но вы, как и следует людям разумным, больше верите своим собственным глазам, чем его уверениям.

(15) Он называет меня дерзким, буйным, ужасным нахалом: точно думает, что если наговорит страшных слов, то скажет правду, а если станет употреблять вполне мягкие выражения, то этого не будет. Я с своей стороны полагаю, члены Совета, что вам необходимо иметь ясное представление о том, каким людям можно быть дерзкими и какие не могут себе этого позволить. (16) Вполне естественно, что дерзким может быть не бедняк, находящийся в крайней нужде, а тот, у кого денег больше, чем нужно; не слабый телом, а тот, кто имеет полную уверенность в своей силе; не человек преклонного возраста, а тот, кто еще молод и годами и разумом. (17) И действительно, богатый откупится деньгами от суда, а бедного нужда заставляет быть смирным; молодой вправе рассчитывать на снисхождение старых, а старого за проступок осуждают равно и молодые и старые; (18) сильный может обижать кого хочет без вреда для себя, а слабому нельзя ни защищаться от нападающего, который ему хочет нанести оскорбление, ни одолеть того, кого он сам обижает, желая нанести ему оскорбление. Поэтому мне кажется, что обвинитель упомянул о моей дерзости не серьезно, а шутя, не из желания уверить вас, что я таков на самом деле, а из желания посмеяться надо мной, воображая, что это какой-то геройский подвиг.

(19) Далее, он говорит, что у меня собираются разные негодяи и в большом числе, – люди, которые свое состояние промотали и теперь ищут случая напасть на тех, кто хочет сберечь свое. Но вы все должны иметь в виду, что он, бросая такой упрек мне, обвиняет меня не боль-

ше, чем всех занимающихся разными мастерствами, и моих посетителей обвиняет не больше, чем посетителей всех других ремесленников. (20) Ведь каждый из вас имеет обычай заходить куда-нибудь: один – в парфюмерный магазин, другой – в цирюльню, третий – в сапожную мастерскую, четвертый – куда придется; чаще всего заходят куда-нибудь поблизости от рынка и очень редко – куда-нибудь далеко от него. Таким образом, если кто из вас признает негодьями моих посетителей, то, очевидно, признает такими же и тех, кто бывает у других; а если этих, то и всех вообще афинян, потому что вы все имеете обычай заходить куда-нибудь и там проводить свободное время.

(21) Но не знаю, чего ради мне вдаваться в излишние подробности, отвечая в своей защите на каждый пункт обвинения в отдельности, и докучая вам далее. Раз я сказал уже о главнейших пунктах, чего ради буду я, подобно моему противнику, тщательно останавливаться на мелочах? Я с своей стороны прошу вас всех, члены Совета, не менять вашего прежнего мнения обо мне: (22) не лишайте меня, по его доносу, того единственного блага, которое судьба дала мне на родине; не поддавайтесь убеждениям одного этого человека, не отнимайте у меня тех денег, которые вы дали мне все по общему решению уже давно! Да, члены Совета, судьба лишила нас высших благ; ввиду этого государство назначило нам эту пенсию, принимая во внимание, что как счастье, так и несчастье может выпасть на долю каждого одинаково. (23) Так, разве не был бы я несчастнейшим человеком в мире, если бы, лишенный своим недугом лучших и высших благ, потерял, по милости моего противника, ту пенсию, которую дало государство, озабоченное положением таких людей? Нет, нет, члены Совета, не постановляйте такого решения! Да и за что вы могли бы ко мне отнестись так? (24) Может быть, за то, что кто-нибудь по моей жалобе когда-либо был привлечен к суду и лишился своего имущества? Нет, никто не может этого доказать. Может быть, за то, что я вмешиваюсь в чу-

жие дела, что я дерзок и сварлив? Нет, не в таких условиях я живу. (25) Может быть, за то, что я гордец и буян? Нет, этого он даже сам не скажет, если не захочет лгать и в этом, как лжет во всем остальном. Может быть, за то, что в правление коллегии Тридцати я был в силе и делал зло многим гражданам? Нет, я вместе с вашей народной партией бежал в Халкиду и, хотя имел возможность жить с ними, ничего не боясь, я предпочел уйти и делить с вами опасности. (26) Ввиду этого, члены Совета, не относитесь ко мне, человеку ни в чем не повинному, так, как вы относитесь к преступникам; постановите обо мне такое же решение, какое постановлял Совет в прежние годы: вспомните, что я не отчет сдаю в государственных деньгах, бывших в моем ведении, и не контролю подвергаюсь за какую-нибудь должность, которую занимал: речь идет только лишь об оболе. (27) Приняв такое решение, вы все постановите справедливый приговор, я за такое отношение ваше буду питать к вам благодарность, а он на будущее время поймет, что не надо нападать на слабых, а надо стараться побеждать равных себе (Лисий. Речи / Лисий. – М., 1994. – С. 232–236).

10. Сравните защитительные речи В.И. Лифшица по делу В.Н. Антонова и И.М. Кисенишского по делу А.Д. Шейхона. Назовите их общие черты. Подчеркните различия (в логическом изложении, стиле, риторических средствах, приемах привлечения внимания, подборе языковых средств – лексических, морфологических, синтаксических).

В. И. Лифшиц

Нежданные свидетели

Уважаемые судьи! Если вам когда-нибудь скажут, что при рассмотрении гражданско-правовых споров не возникает детективных сюжетов, захватывающих дух ситуаций, кипения страстей, – не верьте этому. Сложилось однобокое убеждение, что советский суд оказывается эффективной школой воспитания, соблюдения дисциплины труда, прав граждан – но только при рассмотрении дел уголовных. Дела гражданские такого впечатления не оставляют.

Рассматриваемое нами дело – тому подтверждение. Эти дни, пока вы расследуете детали спора, я раздумывал о превратностях судьбы: какая нелегкая ноша порой выпадает на долю судей – восемь человек, возраста весьма почтенного, выступают свидетелями и согласно говорят: «Белое». Заявления их вроде бы искренние.

Одиннадцать свидетелей других, люди, помоложе, с убежденностью утверждают: «Черное».

И эта группа подкупает своей отзывчивостью, открытостью. Выслушав и тех и других – так и хочется сказать судьям: в своем решении не записывайте «белое» или «черное», не обижай никого, скажите безлико: «Серое». Да и делу конец!

Увы, суду дано сказать одно: или только «белое», или только «черное», потому что какая-то группа свидетелей говорит явную ложь, а правда может содержаться только в показаниях другой группы.

Вот и текут напряженные судебные будни. С учетом первого процесса иск Антонова мы рассматриваем уже пятый день.

По этому иску схлестнулись два мнения. Группа сослуживцу истца в один голос говорит: Антонов пришел 30 июля 1984 г. после обеденного перерыва на работу пьяным.

Другая группа свидетелей прямо не опровергает эти показания, но представляет впечатляющие доказательства обратного. Каким Антонов был на работе после перерыва – они не видели, появление его пьяным после обеда исключается. До перерыва Антонов был трезвым. Обедал в родительском доме. В этот период был на глазах шестерых человек, они все свидетели истца. За обедом – спиртного ни-ни. Возвращаясь на работу, напиток также не мог. От порога дома отец на автомашине подвез сына к дверям лаборатории. Абсолютно трезвого.

За столетия судебной деятельности выработан могучий арсенал средств для выяснения истины. И сегодня необходимо определить: представители какой из групп свидетелей являются носителями этой самой истины. Дело, как известно, рассматривается вторично, и мы считаем, что правильное разрешение вопроса содержится как раз в предыдущем решении суда. Оно, хотя и отменено, все же верно освещает события спора. И если, несмотря на это, по существу обоснованное решение отменили, то – с нашей точки зрения – лишь потому, что предыдущий состав суда неуважительно отнесся к требованиям закона о производстве тщательного анализа доказательств, показаний свидетелей, которыми суд попросту пренебрег. Судьи «отмахнулись» от доказательств одной лишь фразой – «не заслуживает доверия» – вот и вся аргументация.

Однако мотивы суда должны быть убедительными. К этому обязывает суд и требования закона.

То, что доступно суждению судей, – доступно и суждению сторон. Поэтому мы, в меру сил своих, остановимся на показаниях, которые следует отвергнуть, предварив это вескими мотивами. Конечно же, речь пойдет о показаниях свидетелей истца.

Сразу обращает на себя внимание несколько странный подбор свидетелей в «команде» Антонова. Возглавляет ее Михаил Евгеньевич Антонов – отец истца, ему вторит Нина Петровна Антонова – мать

истца. Далее выступает Антонова Ольга Константиновна, которая очевидцем событий не была, по делу ничего сказать не может, но она жена истца и, нарушая чувство меры, просит записать в свидетели и ее.

В свидетелях значится Мария Никифоровна Николаева – мать Ольги Константиновны Антоновой, теща истца. В ближайшем окружении уволенного – Кружкова Татьяна Андреевна. На вопрос суда об отношениях с истцом убежденно заявила: «Выручаем друг друга». Кружкова и не подозревала, сколь символично прозвучало ее признание.

Хотя закон не предусматривает какого-то особенного предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний родственников, свойственников, друзей сторон по делу, согласитесь: предвзятый подбор истцом своих свидетелей требует и должного внимания от судей к содержанию их показаний.

Знаменательно, что в соответствии с дореволюционным Уложением о наказаниях родственники по прямой линии и супруги не могли быть подвергнуты наказанию за дачу ложных показаний в отношении близкого им человека.

Отдадим должное всем свидетелям истца: они блестяще подготовились к процессу.

У юристов бытует правило: хочешь изобличить человека во лжи – спрашивай его по мелочам, о деталях. Но присутствующие убедились, что даже в деталях все дали показания одинаковые: с точностью до минуты отметили время прихода Виталия Антонова к родителям на обед, время его отправления с отцом в лабораторию. Не спутали, чем потчевала сына в этот день мамаша, во что он одет, что говорил в коротких перерывах между едой...

Послушаешь эти отрететированные речи – и хочется взывать к совести руководителей лаборатории: ну скорее восстановите справедливо уволенного работника!

Кстати, отдадим должное истцу: на случай разоблачения численных свидетелей была сооружена «вторая линия обороны». И здесь не обошлось без близких людей. Помните: по грибы теща истца ходила со своей подругой Кторовой. А это было через две недели после случая с выпивкой. Уже уволенный Антонов приходил в лабораторию непременно с отцом. Николаева (теща), заметив автомашину Антонова-старшего, полюбопытствовала, что это сват на край города заехал. Зашла в коридор здания, а (надо же было такому случиться!) сотрудница Кузьмина ее зятю выговаривает: «Ты со мной не спорь. Вот трезвым ты был две недели назад. Все это знают, а мы тебе пьянство прилепили и по статье уволили!» Кторова это тоже слышала, поскольку оказалась в коридоре постороннего учреждения.

Напрасно инженер Кузьмина опровергает сенсационное разоблачение, настаивает, что в тот день даже не видела ни Антонова-сына, ни Антонова-отца. Однако обе женщины, свидетели истца, клянутся, что такую фразу Кузьминой слышали, и отец, и Антоновы это подтверждают.

Правда, на вопрос о том, в чем была одета в «исторический» день Кузьмина, свидетели приводят четыре варианта одеяния носителя этой информации. Беда защитников «второй линии обороны» в том, что, как убедительно показали сослуживцы Кузьминой, ни одного из описанных вариантов одежды в ее гардеробе не было. Как это объяснить?

Ещё одно не смогли учесть, не предвидели мои противники. Вы заметили, что мы не заявляли никаких ходатайств перед слушанием дела и о вызове двух дополнительных свидетелей попросили только

сегодня. Зачем же помогать недобросовестной стороне – пожалуй, успеют возвести и третью линию обороны!

Суд согласился допросить посетителей лаборатории, общавшихся с Антоновым 30 июля (Вспомните: истец сначала и не признавал Владимира Ивановича Овечкина за того человека, который вступал в служебные отношения с ним, Антоновым).

Аттестат № 11 на руках свидетеля, подписанный истцом с указанием дня его выдачи – 30 июля, расставил все на свои места. < >

Хотя проверка продолжалась не более получаса, Антонов торопился выдавать документ, тот самый аттестат № 11, который теперь у вас в деле.

Узнав, что клиенты прибыли на автомашине, Антонов обстановку оценил мгновенно: предстояло пешее путешествие на обед с обеда через весь город. Поэтому выдача аттестата государственным поверителем задерживается. Вот если бы водитель его подвез, он, пожалуй бы, постарался и – так уж и быть – после обеда оформил бы документы.

Овечкин и Семькин не заставили себя упрашивать.

– Куда повезли Антонова обедать? – спрашивали судьи приезжих из Бекасова. Ответ был единым: «К кинотеатру «Слава»».

Но ведь за судейским столом – жители Можайска. Они прекрасно знают, что этот кинотеатр находится в противоположной стороне от дома родителей Антонова. Я переспрашивал бекасовского водителя:

– Если бы Антонов попросил вас довезти к дому его родителей, на гораздо большее расстояние...

– Все равно, куда везти Антонова, лишь бы быстрее получить аттестат. Маршрут назвал он».

Минут через сорок Антонов, по словам свидетелей, возбужденный, разгоряченный, появился у того же кинотеатра, где приказал его ожидать.

10 минут езды, знакомая вывеска лаборатории – и подписанный аттестат вместе с проверенными манометрами в руках его обладателей!

Водитель Семькин припомнил и такую деталь: на обратном пути он угостил Антонова яблоками.

Истца дар этот, видимо, воодушевил чрезмерно: «Слышите, – заметил он судьям, – а ответчики заявили, что я в этот день не работал. А я и работал, и даже яблоки ел».

Где же все-таки Антонов так хорошо в этот день «пообедал»?

И как же с обратным возвращением?

Ведь седовласый отец клялся, что после обеда именно он возил сына от своего дома до нашего учреждения. Теперь же Антонов-младший опровергает Антонова-старшего, припоминает, что если и ел яблоки, то отнюдь не родительские. Пусть судьи решат, были ли показания свидетелей истца заведомо ложными или, как деликатно решил прокурор в своем заключении, эти свидетели добросовестно заблуждались: по всей вероятности, они запомнили подробности другого обеда, «обед» 30 июля не состоялся в доме Антоновых-старших.

Адвокат – представитель истца, настаивал на восстановлении на работе своего доверителя, обращал внимание на то, что не было медицинского освидетельствования в подтверждение факта нетрезвого состояния Антонова во второй половине рабочего дня 30 июля. Адвокат прав. Чего нет – того нет. К врачам Антонова в этот день не направляли.

Однако в соответствии с требованиями п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. «нетрезвое состояние работников может быть подтверждено как медицинским за-

ключением, так и другими видами доказательств, которые должны быть соответственно оценены судом». В подтверждение нетрезвого состояния Антонова на работе мы привели многочисленные доказательства, свидетельские показания. Мне остается только бегло напомнить о них.

«Язык заплетался», «его развезло», «изо рта резкий запах алкоголя», «нетвердая походка», «приставал к женщинам, без цели ходил по рабочим кабинетам. В одном треснул линейкой по голове Сверчкову, в другом выбросил цветы из вазы на столе техника Ершовой, изящно сострив при этом: «Представьте, что мы с вами в ресторане» – вот фрагменты из выслушанных вами показаний.

Когда Антонову в этот же час предъявили акт его опьянения, он, неожиданно посерьезнев, заявил: «Ничего у вас не получится», а потом и вовсе заснул за чужим столом.

Как и в первом судебном процессе, и сегодня истец продолжает доказывать: «Я оказался опасным и неудобным человеком, который указывал на злоупотребления», «Я писал о незаконном клеймении бензовозов», «Моя должность давно была обещана другим людям».

Думается, многократно проведенные и неподтвердившиеся «сигналы» говорятся по инерции. Не стал бы Антонов об этом вспоминать сегодня, если бы знал о существовании неожиданных свидетелей из Бекасова, которые его так подведут!

Может ли суд после этого вынести решение иное, чем отказ в иске?

Именно о вынесении решения об отказе в иске я вас прошу.

Решением народного городского суда Можайска в иске Антонову о восстановлении его на работе было отказано.

М.М. Кисенишский
Дело Шейхона А.Д.
(тенденциозное следствие)

Товарищи судьи!

Судебные прения подходят к концу. Вы внимательно слушали соображения представителя государственного обвинения, не первый день вы слушаете представителей защиты.

Идет трудный, сложный, ответственный процесс искания истины, от которого зависит судьба людей и высокий авторитет правосудия.

Совершенно очевидно, что объективность, обоснованность, правильность выводов и оценок в значительной мере зависят от объективности оценок, соображений представителей обвинения и защиты, ибо сложный процесс поиска истины только тогда может увенчаться успехом, когда спокойно и непредубежденно будут рассмотрены и оценены мнения и соображения сторон, усилия которых направлены к тому, чтобы был вынесен правосудный и справедливый приговор.

О важности участия защиты в процессе вообще и в настоящем деле в частности свидетельствует то обстоятельство, что во время судебных прений был уже поставлен перед вами ряд чрезвычайно важных, сложных и актуальных вопросов, без правильного разрешения которых невозможно вынести законный и справедливый приговор.

К числу таких вопросов относятся, например, такие, как вопрос о надлежащем определении масштаба настоящего дела и его социальном значении, о степени участия подсудимых в преступлениях и индивидуализации их ответственности и вины. Перед вами уже ставились серьезные правовые вопросы – о юридической квалификации действий подсудимых, характере субъективной стороны, степени конкретного участия каждого подсудимого в противоправных действиях,

мотивах определенного поведения подсудимых и ряд других важных вопросов.

Без всестороннего решения всех этих вопросов нельзя вынести справедливый и правосудный приговор, от которого требуется объективность, точность, абсолютная правовая безупречность и справедливость! <...>

Однако далеко не каждое дело демонстрирует собою именно такую тенденцию, отнюдь не каждое следственное дело дает такую процессуальную модель. К сожалению, мы встречаемся на практике с другой тенденцией, подчас с неправильным пониманием задач по усилению борьбы с преступностью. Призыв к усилению этой борьбы воспринимается как непереносимое усиление репрессий, как ослабление к требованию неукоснительного соблюдения начал законности. Неприемлемым результатом такого понимания указанной задачи будет тенденциозный подход к решению доказательственных и правовых проблем, искажение действительной социальной и юридической картины дела, несостоятельность фактических и правовых решений. <...>

Генеральный прокурор СССР прямо сказал на июльской сессии Верховного Совета СССР: «Активная борьба с преступностью неотделима от строжайшего соблюдения законности. Прокуратура принимает и будет принимать настойчивые меры к обеспечению неприкосновенности личности, неуклонному соблюдению требований закона о всестороннем, полном и объективном расследовании».

Под этим углом зрения следует рассмотреть прежде всего предварительное следствие по этому делу, которое с точки зрения его процессуальной характеристики вызывает весьма серьезные упреки.

Если попытаться в общем виде сформулировать основной дефект предварительного следствия по настоящему делу, то это его ярко выраженная тенденциозность и стремление искусственно гипертрофировать масштаб и значение этого дела.

Это видно во всем: и в стремлении любыми путями расширить круг должностных лиц, прикосновенных якобы к преступлению, и в искусственном увеличении количества якобы «криминальных» эпизодов, и в гипертрофированном подсчете похищенных сумм, явно тенденциозном решении вопросов юридической квалификации действий обвиняемых и т. д. и т. п.

Стремление к гиперболизации, к искусственному преувеличению роли и значения этого дела получило свое выражение не только в процессуальном и правовом аспектах, но и в самой как бы методике его «технического» исполнения и конструирования. Так, благодаря многочисленным, неоднократным повторениям и многократным перечислениям номеров приходно-расходных документов применительно к каждой процессуальной фигуре, в том числе и к тем, к кому эта документация не имеет никакого отношения, искусственно создается видимость «документированности» и «значительности» обвинения, иллюзия его «мотивированности» и «масштабности». Именно таким методом было «создано» обвинительное заключение на 160 листах, которое спокойно можно было бы уместить на 30–40 страницах машинописного текста! Однако это, по-видимому, не устраивало следствие, которое расследовало это дело более полутора лет. Формулировались тенденциозные постановления с просьбой о продлении сроков следствия, в них тенденциозно изображался масштаб этого дела, одиозно представлялись факты и обстоятельства, буквально «изобретались» соображения в обоснование необходимости производства дополнительных следственных действий.

Таким вот образом искусственно создавалась иллюзия значительности, сложности и одиозности этого хозяйственного дела, таким путем получали продление сроков следствия и сроков содержания обвиняемых под стражей в расчете на то, что «не разберутся», не смогут

преодолеть искусственно созданной иллюзии «сложности» и «значительности» дела.

<...> Тенденциозность следствия, правовая и фактическая несостоятельность доводов и соображений, приводимых в процессуальных документах, обуславливают собой необходимость серьезной критической проверки материалов настоящего дела, последовательного и всестороннего осуществления принципа объективности, обеспечения должного уровня правовой культуры при оценке доказательств и принятии решений.

В этой связи я должен высказать свои соображения по поводу речи государственного обвинителя, который счел возможным отстаивать обвинение Шейхона практически в том виде и почти в том объеме, в каком оно было предъявлено ему обвинительным заключением.

Прокурор прошел мимо тех крупных и серьезных недостатков следствия, которые со всей очевидностью были установлены в суде, он не реагировал на серьезные процессуальные нарушения, на неправильное решение важных правовых вопросов. Вместо того чтобы критически рассмотреть результаты следствия, принципиально реагировать на его недостатки и ошибки, самостоятельно и объективно рассмотреть круг вопросов и проблем, имеющих существенное значение по делу, прокурор пошел по пути безапелляционной защиты всего того, что было создано и нагромождено следствием, по пути «оправдания» следственных ошибок и упущений, по пути полнейшего игнорирования данных судебного разбирательства. В результате сложилось впечатление, что пятимесячный судебный процесс прошел как бы мимо обвинения, что его не было вовсе, что он «не нужен», «не имеет значения», не в состоянии повлиять на исход дела!

Нет необходимости говорить здесь о том, что такая позиция государственного обвинения является принципиально ошибочной и недопустимой, что она противоречит началам законности и принципам

прокурорской функции в судебном процессе. Государственное обвинение, коль скоро оно государственное, должно обеспечить принципиальный подход к рассмотрению и оценке материалов судебного дела, оно должно быть построено на закрепленных в законе процессуальных началах всесторонности и объективности, должно соответствовать основополагающим началам государственного обвинения в суде! <...>

Товарищи судьи!

Я закончил анализ эпизодов обвинения Шейхона, попытался показать вам всю искусственность и несостоятельность этого обвинения.

Шейхон оказался в тюрьме по оговору людей, которые откровенно признались в этом, по вине следствия, которое, по-видимому, немало способствовало этому оговору.

Кто серьезно задумался над тем, были ли сколько-нибудь серьезные основания к тому, чтобы арестовывать Шейхона и полтора года содержать его в тюрьме?

Задумался ли кто-нибудь над тем, какие были основания к тому, чтобы устранить от серьезных дел и лишиться свободы человека? <...>

Когда я слушал показания Шейхона по нелепым и необоснованным эпизодам его обвинения, когда я слушал государственное обвинение, которое просит определить ему 15 лет лишения свободы, то испытывал глубокое возмущение тем, как несправедливо и безответственно отнеслись к актуальным вопросам государственного значения. <...>

Неужели неправдоподобные показания на предварительном следствии двух лиц, отказавшихся от своих первоначальных показаний, убедительнее и значительнее всего этого, неужели на клеветническом оговоре может быть построено обвинение крупного руководителя? <...>

Правосудие не может пойти по этому пути!

Должны восторжествовать высокие принципы законности и социальной справедливости, и Шейхон, обвинение которого основано на клеветническом оговоре, должен быть оправдан!

11. Сравните обвинительную речь А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учебное пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 283–296) и обвинительную речь по делу Кителева (Там же. – С. 393–396). Назовите их общие черты. Подчеркните различия (в логическом изложении, стиле, риторических средствах, приемах привлечения внимания, подборе языковых средств – лексических, морфологических, синтаксических). Как они отличаются с точки зрения хронологии? Какие риторические и языковые средства из речи Кони невозможны в наше время, а какие следовало бы включить в речь по делу Кителева?

12. Проанализируйте тексты, принадлежащие к жанру дневниковой записи. Сделайте вывод о содержании текста (тема, основная мысль, структура и специфика используемых в нем языковых средств). Определите функциональный стиль текстов.

А. Ахматова

Из дневника (1959-1962)

... Там в поэме («Поэме без героя») у меня два двойника. В первой части – «петербургская кукла, актерка», в третьей – некто «в самой чаще тайги дремучей». Во второй части (т. е. «Решке») у меня двойника нет. Там никто ко мне не приходит, даже призраки («В дверь мою никто не стучится»). Там я такая, какой была после «Реквиема» и четырнадцати лет жизни под запретом, на пороге старости, которая вовсе обещала быть покойной и победоносно сдержала свое

обещание. А вокруг был не «старый город Питер», а послеежовский и предвоенный Ленинград – город, вероятно, еще никем не описанный и, как принято говорить, еще ожидающий своего бытописателя.

18 дек. 1962.

И наконец произошло нечто невероятное: оказалось возможным раззеркалить ее, во всяком случае, по одной линии. Так возникло «Лирическое отступление» в Эпilogue и заполнились точечные строфы «Решки». Стала ли она понятнее – не думаю! Осмысленнее – вероятно. Но по тому высокому счету (выше политики и всего...) помочь ей все равно невозможно. Где-то в моих прозаических заметках мелькают какие-то лучи – не более.

Дневниковые записи вдовы поэта Максимилиана Волошина

М.С. Волошиной в Коктебеле

12 дек. 1942.

Милый мой, только твой образ, только мысль о тебе и с тобою дают мне силы как-то брести, что-то делать. Изнемогаю от бессилия, обиды, непонимания. С тобой не расстанусь. А как бы поступил Маса, а что бы он сказал? Макс бы объяснил. Макс бы сказал. Масенька бы пожалел, помог! Вот только это и твержу себе, изнемогая. И сейчас ничего не могу, не хочу, не мыслю. А только к тебе, и вот писать стала, чтобы хоть как-нибудь себя обмануть, за что-то зацепиться, что-то делать. Милый, сколько горя, бессилия, обиды!

Писать изо дня в день нельзя, потому что нет слов и руки не поднимаются вот сесть и писать. Это больше чем невыносимо. Это невозможно. Мой маленький ум, мои больные нервы, больная психика не вмещают, не могут справиться с ужасами творящегося и творимого. Времена апокалипсические. Страны нет. Россия растоптана, поругана германским сапогом. Мы оккупированы, завоеваны. Все, все не-

переносимо! Ну, как же слова? Ну, как это все рассказывать? Больно, страшно, оскорбительно, возмутительно. Это все только приближенные определения. Да и зачем и кому передавать? Собственное бессилие, слабость? Конечно, вот это верно и хочешь передать, Хочется поддержки, ласки, логики. Ощущаешь только свое бессилие и боль. Эти унижительные состояния. Мизер своего духа. Ах, я всю жизнь жила в иллюзиях, что что-то могу, понимаю! И теперь, на старости лет, вижу всю иллюзорность своих представлений. Жизнь – ужас. Война – реальность.

Как человечество может быть в таком ужасе? Вся Европа! Весь мир. Да что же это такое? Насилие, насилие, смерть, убийства, разгром, грабеж, разорение стран – и так годы. Да что же это такое? Неужели нет умных, гуманных, понимающих? Ведь весь мир! Почему Гитлер, Сталин, 3, 4, 10 – сколько их, могут посылать на убийства, на смерть, разорять, словом, делать войну и все ее ужасы? Почему миллионы не могут сказать: не можем больше так жить! Не сказать, а заставить не убивать, не разорять, не делать войны? Почему нет 10–100 таких, которые сказали бы: «Не надо войны!»? Господи! Я бесплодно думаю день и ночь все об одном и том же...

Вот и сейчас: пишу, а над ухом, вблизи и вдалеке, все выстрелы, выстрелы. Вся дрожу. Все время дрожу, когда стреляют, физически и морально так подавлена. И так второй год, с большими и меньшими интервалами.

13 апр. 1944

Ну, вот, чудо совершилось, такое долгожданное. Пришли наши, мы снова дома. Два с половиной года такого кошмара. История будет писать о кровавых ужасах и фактах всемирного варварства, о неслыханных фактах злодейств современной техники, разрушенных и стертых с лица земли городах. О миллионах убитых и замученных всеми достижениями науки и техники XX века. Драматурги и поэты будут

писать драмы и поэмы о том же. На десятки лет хватит для них трагического материала. Все будут зализывать страшнейшие раны. И все-таки, что бы ни написали, что бы ни исчислили, всего не расскажешь! <...> Кто жил в эти дни – без слов знают все. А грядущие поколения (и дай, Господи!) никогда не поймут наших потерь, наших жертв, наших трагедий, обиды и боли ужаса и сиротства, насилия и беспомощности, лжи и трусости, мелкоты падения и героических неведомых подвигов. О героях буду писать. А о маленьких повседневных безысходностях знают только те, кто их пережил.

Чувств своих и мыслей я не смогу передать. Постараюсь честно и объективно восстановить все пережитое за эти два с половиной года. Основное чувство – непримиримого оскорбления и жгучей, моментально нечеловеческой ненависти к немцам.

Какая-то удивительная неприязнь к нации. Отдельные люди ничего. Но понятие «немец», массы их – все это приводило в негодование, постоянную угнетенность, безысходность, обиду и боль. 2 с 1/2 года такого напряжения! Сознание гибели России, миллионные человеческие жертвы, боль за них и за ними стоящих матерей. Партизаны, их семьи и разрушение, и поругание их гнезда. Ах, все это! На бумаге это так плоско и схематично. Мне даже стыдно писать, потому что это только приблизительные слова. А сущность, повторяю, не перескажешь.

13. Ознакомьтесь со статьей Н.Н. Ивакиной «Дело производством прекратить!» (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 445–455). Объясните смысл названия. О каких особенностях языка права говорит автор? Какую проблему поднимает?

14. Прочтите выступление А.И. Солженицына в Государственной Думе 28 октября 1994 г. К какому роду красноречия она относится? Определите тип, форму и стилевую принадлежность речи. Свой ответ аргументируйте.

По роду моей работы, за много лет я прочел сплошь все стенограммы четырех дореволюционных Государственных Дум, мне пришлось узнать и безудержную конфликтность с властями 1-й и 2-й Дум, неработоспособных. Хорошо работоспособную 3-ю Думу, которая, однако, три года бессмысленно тормозила целительные земельные столыпинские реформы; двойственную роль 4-й Думы, зарвавшейся вздорной мыслью свергнуть верховную власть в стране во время войны из расчета, что после войны это не удастся. И эта победа ей удалась. По историческому возмездию или исторической иронии сама 4-я Дума в тот самый день вместе с падением верховной власти кончила свое существование и больше никому не была нужна ни одного дня. Весь этот парламентский опыт российский не слишком вдохновляет нас и являет нам суровое предупреждение на будущее. Я рассматриваю вас сегодня как 5-ю Государственную Думу на продлении той же линии развития. Я сознаю свою ответственность выступать сегодня перед вами здесь, но еще большая ответственность лежит на вас перед народом, страдающим и ожидающим. Проехав много российских областей, через сотни встреч и потом четыре тысячи писем внагонку, я вынес ощущение, что наша народная масса обескуражена, что она в ошеломлении, в шоке от унижения и от стыда за свое бессилие: в ней нет убеждения, что происходящие реформы и политика правительства действительно ведутся в ее интересах. Людей низов практически выключили из жизни; все, что делается в стране, происходит помимо них. У них остался небогатый выбор – или влачить нищенское и покорное существование, или искать пути незаконных ремесел: обманывать государство или друг друга.

Статистика сегодня приносит нам известия, что у нас увеличилось число самоубийств, и именно среднего мужского возраста, то есть кормильцев. Статистика говорит, что у нас сегодня (все это знают уже в мире) смертность превзошла рождаемость, то есть мы начали вымирать. Сегодня рождение ребенка в России уже рассматривается почти как подвиг. А кто не в отчаянии (конечно, есть и такие), то те в апатии, в безразличии ко всей этой московской политике, ко всем московским партиям. Может быть, мы неизбежно должны были выйти такими после 70-летнего духовного вымаривания нас. В тюремных камерах 1945–1946 годов мы, ровесники революции, и люди старше нас ломали головы (нам было уже тогда понятно, что коммунизм обречен, что выход из него будет болезненным), как выйти из этого наименее болезненным путем. Увы, сегодня надо признать: мы выходим из коммунизма самым искривленным, самым болезненным, самым нелепым путем. Из всех моих встреч я вынес впечатление, что центральные органы власти, исполнительной и законодательной, имеют слабую связь с болями страны, что они вот это состояние народа не впускают в свой замкнутый эллипсоид власти. Поразишься этому. Очевидно, здесь слишком толстые стены. Мне по всему моему пути говорили, требовали, убеждали, умоляли: выскажите в Государственной Думе, скажите президенту, что накопилось, что накопело в душе простого человека. Да, мы все хорошо знаем наши беды и наши язвы. И сокрушительное падение производства – промышленного и сельскохозяйственного, и разгул чужой валюты по нашей стране. Какая дикость! Совсем недавно объявили справедливо: падение рубля – национальная катастрофа. Но, простите, национальная катастрофа с падением рубля произошла гораздо раньше, когда рубль стал равен центу. Вот тогда надо было говорить и спохватываться. Мы все знаем: план экономических реформ никогда не был объявлен. Почему? Если его нет – тогда это авантюра, если он есть – тогда почему его скрыва-

ют? Мы все знаем: цены освобождены в угоду монополистам, ни по какому ваучеру ни один гражданин не получил и отдаленно своей доли в национальном достоянии. Нам известно из прессы: то там, то здесь происходят скандальные случаи приватизации за бесценок, кто-то взял почти бесплатно, а государство не получило ничего. Государство ограбило 70 миллионов вкладчиков, самых добросовестных, самых лояльных, самых доверчивых своих граждан. Дало жестокий урок: никогда не верь государству и никогда не работай честно. И мы знаем, как катастрофически падает наша рядовая и блистательная наука, падает наше образование, падает медицина, миллиарды долларов в год разграбляются и куда-то увозятся из страны и как по стране свободно шествует преступность. Третий год мы слышим и от правительства, и от президентской команды, и от так называемой непримиримой оппозиции одно и то же: борьба с преступностью. Скажите, где открытые суды, где грозные приговоры? Можете вы назвать, слышали вы их? И нет уголовных законов, соответствующих невиданной криминальной ситуации, которая сегодня пугает уже и Америку, и Германию – она уже и туда плеснула. Нет нового Уголовного кодекса, нет Уголовно-процессуального кодекса, может быть, потому, что у Государственной Думы нет времени.

А Столыпин в 1906 году вот такой же начинавшийся хаос, вот такой же вихрь безумной преступности остановил в пять месяцев. Наши законы, увы, не определяют обязанностей государства. Государство – это первый невыполнитель всех обязательств, и это вызывает хаос. Государственные структурные чиновники не отвечают перед простым гражданином. Это беспредельность начальствования. Мы сейчас на переходе, кажется, к демократии, увеличили нашу бюрократию вдвое и втрое, а она сама сверху вниз наращивает себе кадры. Скажите, кто сегодня занимается контролем расширения штатов? Скажите, где сегодня есть конкурсные условия для занятия должно-

стей? Ничего подобного. Как скажет очередной начальник! А немало чиновников и немало администраторов позволяют себе коммерческую деятельность, что вообще немыслимо нигде на Западе, а только у нас.

Я напомним: 4 апреля 92-го года был указ президента о борьбе с коррупцией в государственной службе. Прошло два с половиной года. Скажите, какой абзац, единственный абзац из этого указа приведен в действие? За два с половиной года судебная власть, прокуратура, следственные органы, правоохранительные меньше всего затронуты реформами. То и дело мы слышим, из каких-то мест до нас доносится: там суды по-прежнему, по-советски, зависят от администрации. В другом месте ведут незаконное следствие, едва ли не с пытками, чтобы выудить ложные показания. А состояние мест заключения, вы читали в газетах об этом достаточно! Я получаю писем несчетное число. Это просьбы о заступничестве в инстанциях. Бедняки не имеют никакого пути разговаривать с исковой инстанцией. С ними никто не разговаривает, и они в отчаянии собирают пачки своих дел и посылают писателю: разберись, писатель.

Государственное устройство, оно первой и важнее экономики, потому что это условие, чтобы вообще можно было жить. Часто звучала и звучит фраза: «За что вы беспокоитесь?» Рынок все расставит на свои места. Рынок государственного устройства не расставит. И нравственных основ общества рынок не укрепит. Это опасная пассивность государственной мысли. А у нас вообще нет единой государственной мысли, как, кстати, нет ее и в экономике. Если это правда, что мы хотим идти к демократии, то есть к полной власти народа над собственной судьбой, так давайте нам идти к ней. Наконец давайте начнем – этот исторический шанс сегодня еще не упущен.

А какой у нас строй сегодня? Никак не демократия. Сегодня у нас, признаем честно, олигархия. То есть власть ограниченного замкнутого числа персон. На таких огромных пространствах, как Россия, с

нашими нынешними язвами нам никогда не справиться при пассивности народа. Дайте народу реальную власть над своей судьбой. Допустите – каждому гражданину быть экономической личностью! Мы себя успокаиваем, будто у нас сегодня потому демократия, что у нас демократическая система выборов. Но нынешняя система выборов не дает выхода активным народным силам по всем просторам страны. В чем пороки? Московские партии рассматривают народ как материал для избирательной системы. Не случайно у нас загуляло снобистское словечко «электорат». А народ рассматривает: «Партии, – а-а-а! Кто бы из них ни победил, все равно это будет одно и то же. Партия – начальство». А еще добавьте к этому инерцию голосования, которую мы вынесли из большевистских десятилетий. Мне пришлось говорить с рабочими. Они сами удивляются, говорят: «Вот мы сейчас при вас кроем свое начальство; свобода слова есть, правильно. Но доходит дело до голосования, что с нами происходит? Нам предлагают резолюцию, мы поднимаем руку».

Всюду меня спрашивали, всюду и везде: так что же нам делать? Я отвечал: только не насильственным путем, только не революционным путем, только никаких новых чисток. А тогда, спрашивают, какой выход? Где искать ключ? Я находил такой ключ. Не пропускайте местных выборов. Вам даны выборы местные. Я понимаю, когда вы выбираете в Москву, вы, в общем, никогда не знаете, что это за люди, откуда они взялись, что они будут делать. Но местные выборы для вас: не будьте пассивными, не наказывайте сами себя, вы же видите этих людей, их лица, их поступки, их действия. Смотрите в их глаза, выбирайте тех, кто честен, бескорыстен, умен и, очень важно, стоек перед начальством, мужественен перед начальством. Это нужно. А мне разумно отвечали: «Вот именно, на местных выборах самое страшное, потому что на местных выборах как выступишь, завтра тебя лишат работы, если не вообще сживут со света».

Да, в августе 91-го года мы упустили шанс направить народ к свободному волеизъявлению, открыть путь самому народу управлять самим собой, на постах мы тогда оставили всё ту же номенклатуру и крашенных демократов, перебежавших в демократы. Теперь это наследие нам на 10, на 20, на 30 лет. Сейчас везде обсуждается очень живо вопрос о следующих местных выборах. Я нахожу этот вопрос совсем непростым. Недавно был указ президента о невыборности губернаторов. Надо сказать, что при огромных просторах нашей страны, при разнообразии населения нам одновременно нужны и сильная центральная власть, вертикальная власть, и широкая активность народа, тоже с поднимающейся вертикалью. В Конституции записано буквально: «Формы местного самоуправления избираются самим населением». Так дайте населению действительно избирать и действительно осуществлять. Вот это есть путь – открыть населению самостоятельную народную власть. Это главное впечатление всей моей поездки. Сколько я видел повсюду людей активных, деятельных, инициативных, энергичных, показывающих, что потенциал народа нашего не уничтожен всеми уничтожениями, и все эти люди без места, без пути не знают, куда себя приложить.

Сейчас в Думе, я знаю, готовится проект местного самоуправления, очень важный. Я в контакте с этим комитетом, мы с ним будем еще немножко консультироваться. Но я нахожу, что местное самоуправление – это узкий термин, ибо он ограничивает местное самоуправление сверху. Местное, и хватит. Я считаю гораздо более удачным термин «земство». Он существует много веков. Земство – это совокупность всех людей, живущих на данной земле. Земство – это форма самоорганизации населения. Земство в смуту XVII века спасло Россию. Тогда пали цари, разбежались самозванцы, разбежались бояре. Обезглавленная Русь, земская Русь подняла сама себя, нашла ополчение, изгнала иностранцев, очистила Москву, установила твер-

дое государство. Увы, уже тогда, в петербургский период, земство начали подавлять и сильно подавили. При Александре II произошло его счастливое возрождение. Правда, частично. Не на все области России, не на все губернии, не во всю высоту – без волостного земства и без общероссийского. Но какое было плодотворное это земство! Сколько накопило оно ценнейшего опыта и сколько оно воспитало деятелей, устраненных от политической власти. Чем занималось земство? Перечислить все нельзя. Я немножко прочту. Дорогами, мостами, почтами, противопожарными мероприятиями, мелиорацией, продовольственными запасами, складами, помощью нуждающимся – бедным, больным; здравоохранением (наши русские земские врачи – это наша слава), школами, библиотеками. Дело в том, что 80, если не 85, процентов жизни простого человека происходит только на местном уровне. Это неудивительно. Сегодня в Соединенных Штатах или в Швейцарии 80–85 процентов всех вопросов решаются на месте местными людьми, местным самоуправлением, не ожидая никаких указаний из Вашингтона. Так было, и так могло работать и наше земство. Затем большевики земство раздавили, как самого вредного себе соперника. Год назад формально земство у нас зарегистрировано Министерством юстиции и стало немножечко восстанавливаться кое-где по областям. В некоторых еще робко, а в других его уже сейчас дают, предполагая себе соперника. Но весь путь земства впереди. Только нужны законодательные рамки, юридические права земству и собственности. В нижних слоях жизни земство должно взять все главные отрасли жизни, отобрать их у правительственной вертикали. Правительственная вертикаль должна остаться, должна быть сильная президентская власть – и потом вертикаль вниз, но она книзу сужается, компетенция ее, функции ее сужаются. У земства наоборот. У земства наиболее широкая компетенция внизу, но она растет кверху до всероссийского уровня, хотя тут компетентные функции ее уменьшаются. И на всей

высоте, на всех уровнях правительство должно контролировать земство, чтобы оно выполняло правительственные законы, а земство должно контролировать правительственную линию на ответственность и честность ведения дел. Вот тогда никакая коррупция не станет у нас возможной. Именно в нашей ситуации земство – единственная возможность реализовать в действии потенциал народной энергии, сознания и сил народа. При разбухающем, при коррумпированном, при мертвенном сегодняшнем бюрократическом аппарате я не вижу другого выхода, как можно иначе справиться с этим наследием коммунистической номенклатуры. Этот аппарат сам по себе не доведет нас до добра. Сам по себе он вообще никуда нас не выведет. Введение земства соответствует единственно верному общечеловеческому пониманию, что власть государственная не может быть вообще никогда источником народной жизни. Она может только или помогать ей, или вредить.

Откатываясь от советского обморочного сознания, усвоим наконец, что правительственная власть не должна распространяться на области, где свободное дыхание людей и их самоопределение. Земская деятельность вовлечет множество людей, которых сегодня и близко не подпускают к власти, не только к власти – к решению малейших важных вопросов. Она раскроет силы народа, она разовьет его государственное самосознание. У нашего народа слабое правосознание, но его нельзя иначе развить, как только начать применять на деле. А параллельно тому мерами экономическими должна быть обеспечена экономическая независимость каждого гражданина; собственность, и особенно земля, должны достаться людям труда и умения, а не каким-то перелетным химерам.

Без экономической самостоятельности масс никакой демократии у нас никогда не будет. К сожалению, в сегодняшнем государственном устройстве России во многом нет ясности. Ну, например, со-

отношение центра и регионов. Ведь нет определенных рамок распределения бюджета и прав. Нет, во многих регионах мне просто стоны раздавались: хотя бы были точные рамки закона, что центру идет, что нам. А сегодня так: существует 89 так называемых субъектов федерации (великолепное слово!); из этих 89 только 15 регионов – кормящие. То есть не берущие дотаций, а дающие больше, чем они берут. И вот эти 15 кормят все тех же 74. И скажите этим кормящим регионам, какой для них смысл развивать производство, какой для них смысл получать новые доходы, ведь все загребет центр, а потом, по советскому порядку, надо идти туда и кланяться: пожалуйста, дайте нам, сколько вы можете отпустить.

Сегодняшние областные администраторы (и крупные!) жаловались мне: «Какая-то безотзывность центрального аппарата. Бывает так, что и в аварийных ситуациях нельзя докричаться. Секретари, секретари, секретари...».

Неясность нашего государственного устройства во многом проистекает из так называемого федеративного устройства России. Десятки регионов у нас объявлены автономными республиками, национальными округами, причем чаще всего так называемая титульная нация, то есть та, по которой названа республика, – она составляет много-много-много меньше 50 процентов. И тем не менее создается антидемократия: меньшинство должно управлять большинством.

Да, нация должна контролировать, административно контролировать, только ту территорию, где она составляет ясное большинство, а лучше – квалифицированное. Две трети, три четверти – тут не может быть спора. И никто не говорит о культурном развитии. Культурному развитию я посвятил в свое время много выступлений; я за расцвет культур всех наций, даже тех, которые 500 человек в себе содержат. Но сегодня в этих республиках русское большинство утеснено и унижено. А между тем русские в России

составляют более чем квалифицированное большинство – четыре пятых. В 93-м году обе тогда непримиримо боровшиеся группировки в страстной охоте за голосами автономных республик допускали им подачки, обещания, – и гуляли такие фразы: «Самостоятельные международные шаги автономий...». Да ведь это сумасшедший дом! И вот тогда края и области – наши, русские! – в отчаянии стали объявлять себя тоже республиками, чтоб тоже получить какие-то права. Я издали наблюдал и это; сердце разрывалось. Я убежден, что в то время, во второй половине 93-го года, Россия начала распадаться. И в считанные месяцы ей предстояло распасться. А еще эти отдельные договоры центра с автономиями. Ну кому в голову придет, чтоб Вашингтон пригласил Техас для равных государственных переговоров! Или чтобы боннское правительство стало на равных разговаривать с землей Фальц? А имейте в виду: и Соединенные Штаты, и Швейцария, в отличие от нас, – самые настоящие федеративные государства. Но они понимают, что такое унитарное начало. Унитарного начала если не будет, государство развалится. А у нас вот так.

А еще эти национальные округа. Я насмотрелся во многих местах, но скажу про Тюменскую область два слова. В Тюменской области – два национальных округа. Целых два. Они соответственно имеют своих представителей в Тюменской областной Думе. И вот они приезжают, голосуют и принимают какое-то решение Тюменской областной думы по Тюменской области. Потом они уезжают к себе и заседают в своих Думах, там выносят прямо противоположное решение. После чего говорят: «Мы – субъекты федерации». И сразу едут жаловаться в Москву. Что остается от Тюменской области? Это еще больший сумасшедший дом.

Но, отходя от этих политических противострастий, признаем нашу всеобщую великую дремоту всех нас: и законодательной власти, и исполнительной власти, и всего нашего народа в нашем чудовищ-

ном равнодушии к 25 миллионам отрезанных от нас соотечественников. Три года назад наше руководство с легкостью признало фальшивые административные границы, навязанные Лениным, его последователями; признало их государственными. И в 24 часа наши соотечественники оказались за границей (в кавычках) иностранцами (в кавычках), многие в тех местах, где жили отцы их и деды, – а теперь они притесняемые, а теперь они изгоняемые. А мы? Эта глухота национального сознания, которую я не могу назвать иначе как национальным безумием. Где вы видели такое вообще в мире? Попадают в беду один, два, три, четыре гражданина какой-нибудь страны. Собирается чрезвычайный совет министров, посылаются флоты на устрашение и для демонстрации. Или когда-нибудь Германия признавала ГДР за границей? А мы все признали. Мне пришлось сильно столкнуться с этим на сибирском пути. На сибирском пути я контактировал с федеральной эмиграционной службой – раз, и, во-вторых, ко мне приезжали делегации из Южной Сибири (так называемого теперь Северного Казахстана) с рассказами о своем утеснении – национальном, культурном, духовном, служебном, финансовом... Я с этим сильно столкнулся: я брал цифры и видел, как мало мы отпускаем на помощь нашим соотечественникам, какие жалкие пособия в размере минимальной зарплаты дают ограниченному числу категорий: сиротам, инвалидам, матерям, пенсионерам, и кому это удастся – получить ссуду, – это счастливчик. А мы никого не освобождаем от налогов. Говорят, нет денег. Да, – у государства, допускающего разворовку национального имущества, не способного взять деньги с грабителей, нет денег.

Говорят: «Нет денег». Да, – у государства, которое, переходя к демократическому строю, утроило свою бюрократию. Говорят: «Нет денег...». Но пустуют – я ехал! – пустуют, пустуют российские земли. Так помогите нашим соотечественникам их заселить! И это мы отвергаем их при нашей смертности; мы отвергаем их притом, что

едет наилучший профессиональный элемент, все еще не потерявший вкуса к творческому труду. Опять нет законодательства. Есть еще встречная волна так называемых мигрантов. Объявили себя республики суверенными государствами. Но почему-то их граждане приезжают к нам с большими деньгами и не идут в какую-нибудь федерально-эмиграционную службу, и не идут вообще ни к каким властям, – а просто сразу покупают дома, квартиры, земельные участки и место для своей работы. И мы ничего не можем сделать, потому что нет законодательства об иностранцах: Государственная Дума опять не успела дать закон об иностранцах. И я сегодня столкнулся в Ставропольском крае (я не буду отвлекать ваше внимание)... Они подробно описали, насколько это незаконная эмиграция (Это горячая точка. Там рядом все). Насколько эта незаконная эмиграция ущемляет коренное население: в жилье, в коммунальных услугах, в транспорте, в медицине, в образовании, в имущественных объектах! Они пытались ввести квоты, визы; пытались установить срок оседлости, после которого приезжий может требовать участия в приватизации. Некоторое ГПУ (надо же насколько потерять чувство языка!), ГПУ при президенте – это главное правовое управление – поставило «нет». Нет, потому что это нарушает права человека. Ну, поезжайте в Америку с любыми деньгами без разрешения, – посмотрим, будут с вами разговаривать о ваших правах человека или не будут: «В 48 часов назад!»

Наконец, мы же страна без контролируемых границ. Как и во всем мы вышли из коммунизма самым искривленным, самым нелепым, самым болезненным образом, так и здесь.

Россия из самых первых республик объявила свою «независимость». От кого независимость – от 25 миллионов брошенных соотечественников? В Беловеже близоруко не позвали Назарбаева. Почему? В Беловеже близоруко поверили Кравчуку – безо всяких гарантий, что действительно будет реальный государственный союз («Действитель-

но будет...»). Он на второй день рассыпался. А потом кинулись в другую крайность. Создали хрупкое безжизненное СНГ. Вы сами видите: кто серьезно верит в СНГ или что оно будет существовать?

Надеюсь, в моей последней недавней статье – «Русский вопрос в конце XI века» – мне удалось показать, что это были исторические ошибки России: проникать в Закавказье и проникать в Среднюю Азию. Так вот: пришла пора эти ошибки исправлять. Из Средней Азии и из Закавказья пришла пора нам полностью уходить. Средняя Азия и Азербайджан сегодня со страстью идут в мусульманский мир. Они неизбежно туда вольются. Мусульманский мир растет. Это будет великое явление XXI века. Не надо нам там путаться. Но нельзя же при этом отказывать Белоруссии. Белоруссия тянулась к нам, мы отказались из соображений кармана и экономики, которые, конечно, у нас выше всего. Мы как будто не видим, что сегодня в массах белорусского и украинского народов растет понятие, что это – болезненный разрыв многомиллионных родственных связей, что мы – родные народы, что мы должны быть вместе.

А вот из Казахстана – из Казахстана нам никак нельзя бежать. И я говорил это делегациям, приезжавшим ко мне. В Казахстане казахи составляют еле-еле 40 процентов. А 60 процентов – неказахов. И Назарбаев прекрасно это понимает. И Назарбаев все время предлагает кооперацию нам. Только кооперацию, я бы сказал, не в тех формах. Он предлагает кооперацию в виде: вот сверх всех наших бюрократий, которые уже невыносимы, построить еще наднациональную, из пятнадцати государств еще бюрократию, еще много там советов и организаций – и вот там по праву единогласно голосовать: если кто вето положил – в лоб вето, а иначе (пугает он нас), а иначе соединимся с Турцией, то есть сделают наших соотечественников подданными будущей Турецкой империи.

Назарбаев чувствует необходимость кооперации, и мы должны ему эту кооперацию дать. Мы должны ему прежде всего дать кооперацию, это уж безусловно и в первую очередь. Но я бы сказал, мы должны ему дать и такую кооперацию: совместную с Казахстаном охрану южной и юго-восточной границы Казахстана. Нелепо и бессмысленно нам строить границу от Казахстана, где столько наших; но и нелепо, бессмысленно и преступно нам ронять российскую кровь между Таджикистаном и Афганистаном. Какое наше дело, что там происходит между группировками? Какое наше дело в той войне? Не там нам стоять. Я думаю, что мы должны с Казахстаном заключить вот такое соглашение: кооперативное, по границам. И защита притесняемых сегодня культурно, и служебно, и духовно наших соотечественников в Казахстане должна быть главным содержанием нашей внешней политики вот тут, – а меньше всего мы ее чувствуем!

Я четыре года назад говорил и повторю сегодня: надо стремиться к единому государственному союзу трех славянских республик и Казахстана. На пути моем я встречал еще такие очень резкие высказывания не только от простых, бесхитростных людей, но и от весьма грамотных, от наших, отечественных предпринимателей и тамошних. Они говорили: «Поймите, поймите! Россию разваливают с умыслом; это не может быть чьим-то задуманным планом, но слишком последовательно разваливают, чтобы все это было только безмозгло». Я всюду спорил. Я везде отрицал. Я говорил: нет заговора, нет умысла. Но если столько недомыслия, тогда что есть? А вот что, очевидно, есть: необузданные корыстные интересы поднялись высоко-высоко по ветвям власти – и многие в сетях корысти.

Вот в 93-м году Краснодар, Краснодарский и Ставропольский края изобиловали зерном – а у нас почему-то покупали за границей. Сегодня пропадает оренбургское зерно – а мы покупаем за границей. Это почему?

Сравню – еще раз вспомню российских либералов 1917 года. Они были незадачливые. Они, взяв власть, растерялись. Они довели Россию до хаоса, но ни один из министров Временного правительства не был взяточник; ни один из министров Временного правительства не был вор.

Мне уже не остается времени о многом сказать. И я больше всего хотел бы сказать о грядущем – все о грядущем, но, к счастью, еще не состоявшемся, – законе «О земле».

Говорил и буду еще говорить. Да, строго говоря, если в третьей Государственной Думе, вот тут, в зале, сидело 50 натуральных крестьян-хлеборобов, – сидит ли сегодня здесь один-два хлебороба натуральных? Или только представители совхозно-колхозного начальства?

Продавать землю с аукциона, скороспелым нуворишам, – это значит продать саму Россию.

Остальные станут батраками, но страна земельных батраков никогда не станет демократией.

А в заключение разрешите перейти снова к вашей пятой Думе. Я не могу скрыть огорчений, что здесь происходят время от времени скандалы: бойкоты, спектакли демонстративных уходов или изнурительные процедурные споры. И это при вялом темпе законодательной работы и поверхностном характере иных, уже принятых законов.

Еще есть одна общая с прежними Думами сторона. Я отмечал в тех Думах: из 400 депутатов на трибуне всегда мелькало каких-то 15–20 – одних и тех же, одних и тех же... Боюсь, что это немного наблюдается и у вас.

Еще сравню с прежними Думами. Дореволюционные думцы имели весьма скромное жалованье; они не имели ни казенных квартир, ни казенного транспорта, ни очереди оплаченных заграничных командировок, ни устройства на летний отдых... К сожалению, ныне личный пример думцев не дает образца самоограничения другим вет-

ням центральной власти и эшелонам региональной власти. Небольшая часть депутатов в свое время, я знаю, пыталась протестовать против привилегий, но смолкла, а жаль. Меньше было бы привилегий у власти, не стало бы в избирательных кампаниях пустопорожних, ложных кандидатов, которые только болтаются ради себя. Власть – это не добыча в конкуренции партий. Это не награда, это не пища для личного честолюбия. Власть – это тяжелое бремя, это ответственность, обязанность и труд, и труд. И пока это не станет всеобщим сознанием властвующих, Россия не найдет себе благополучия.

Я, однако, сохраняю веру, что путь к исцелению России не закрыт. И через все развращения, и через все уничтожения, пережитые нами за 70 лет, наш народ еще удивительно сохранил и разнообразный духовный потенциал. Я верю, что он одолеет и этот новый вид духовной заразы и презренных соблазнов.

Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель – это сбережение нашего народа, столь уже измученного. Сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций. И может быть, еще нынешнему составу законодателей предстоит сделать первые исторические шаги на пути к подлинному, а не показно-фальшивому, народному самоуправлению.

15. Прочтите фрагменты речи А.Ф. Кони по делу об утоплении крестьянки Емельяновой. Какие структурные части судебной речи они представляют? Можно ли по ним определить вид судебной речи (обвинительная, защитительная)? Употребление каких языковых средств помогает нам это определить? Что вы можете сказать об особенностях композиции речи?

1) Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела; между ними часто встречаются дела, где свидетельские

показания дышат таким здоровым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать все эти свидетельские показания, и тогда они сами собою составят картину, которая в вашем уме создаст известное определенное представление о деле. Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду, но не ошибусь также, прибавив, что это не должно останавливать вас, судей, в строго беспристрастном и особенно внимательном отношении к каждой подробности в нем. Если в нем много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимой!

2) Вот те соображения, которые я считал нужным вам представить. Мне кажется, что все они сводятся к тому, что обвинение против подсудимого имеет достаточные основания. Поэтому я обвиняю его в том, что, возненавидев свою жену и вступив в связь с другою женщиною, он завел жену ночью на речку Ждановку и там утопил.

Кончая обвинение, я не могу не повторить, что такое дело как настоящее для разрешения своего потребует больших усилий ума и совести. Но я уверен, что вы не отступите перед трудностью задачи, как не отступила перед ней обвинительная власть, хотя, быть может, разрешите её иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил

дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий и несправедливый приговор над своею бедною и ни в чем не повинною женою, он со всею строгостью привел его в исполнение. Если вы, господа присяжные, вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что не далее, как через несколько часов, подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее строгий, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своей женою.

16. С помощью каких языковых средств осуществляется прием психологического воздействия в речи Ф.Н. Плевако по делу старушки-нищенки, укравшей чайник, и по делу о священнике? В чем проявляется их полемическое начало? Эти речи – одни из самых кратких выступлений Ф.Н. Плевако. Какая цель достигается их лаконизмом?

1) Много бед и испытаний пришлось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушилось на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 50 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно.

2) Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал вам на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему грехи?

17. Прочтите главу «Несколько слов обвинителю» в произведении П. Сергеича «Искусство речи на суде». Составьте по ней памятку прокурору в помощь к выступлению на судебном разбирательстве.

Приведенные выше указания относятся, как нетрудно видеть, к обоим ораторам процесса. Мне остается прибавить еще несколько слов к обвинителю и защитнику в отдельности, преимущественно к начинающим.

Обращаюсь к обвинителю.

Не торопитесь начинать речь. Получив слово, не застегивайтесь, не расстегивайтесь, не кашляйте, не пейте воды; поднявшись со стула, помолчите в течение нескольких секунд. Последнее необходимо, ибо, как известно, сторож сейчас будет стараться бесшумно пронести стакан воды к столику защитника и ваши слова пропадут в грохоте его сапожищ. Помолчав, начните с нескольких незначительных слов, чтобы взять естественный тон, а затем, избегая общих вступлений, идите прямо к делу. Если вступление необходимо, постарайтесь, чтобы оно было как можно короче и проще.

Между тем одно из любимых вступлений наших обвинителей – это указание на небывалый ужас преступления. «Даже среди кровавого кошмара наших дней настоящее дело превосходит все то, что мы до сих пор переживали, по коварству замысла и жестокости исполнения». Оратор не может не сознавать, что и в прошлом, и в будущем, и в настоящем есть и будут многие более ужасные преступления. И присяжные знают это. К чему же эти пустые слова?

Умейте сразу овладеть вниманием присяжных. В каждой частице материи заложена живая сила, могущая проявиться различными способами в виде движения, теплоты, света, электрической энергии; то или иное проявление живой силы зависит от внешних причин. Так и присяжные перед началом судебных прений уже таят в себе разно-

образные чувства: жалость к пострадавшему и к подсудимому, заботу о самосохранении, желание исполнить свой долг, недовольство против обвинителя или защитника, председателя или подсудимого; рас-судок их также колеблется и недоумевает перед отдельными нерешенными вопросами, промелькнувшими в судебном следствии. При таком состоянии духа присяжных первое слово принадлежит прокурору. Стоит ему затронуть чувство, в них назревшее, или мысль, в них зарождающуюся, и они в его власти. Это важное преимущество обвинителя. Умеем ли мы пользоваться им?

«Объявляю судебное следствие оконченным, – произносит председатель, – слово принадлежит господину прокурору». Присяжные поворачиваются в сторону обвинителя.

«Господа присяжные заседатели! – говорит оратор, – в ночь на 28 декабря 1908 г. в С.-Петербурге, в доме № 37 по Забалканскому проспекту...».

«Ошибка, господин прокурор! Войдите в положение присяжных». После долгого судебного следствия, среди общего приподнятого настроения и напряженного ожидания государственной обвинитель торжественно заявляет им то самое, что они узнали в самом начале судебного заседания, с первых строк обвинительного акта. Какое жалкое начало! Не так учили древние. Надо начать с неожиданного или с того, на чем к концу судебного следствия сосредоточилось общее внимание, что представляется таинственным или кажется лучшим ключом к разгадке дела. Присяжные вправе ждать от вас чего-нибудь нового, завлекательного; во всяком случае, чего-нибудь значительного. Может быть, они думают, что вы им не нужны; надо сразу показать им, что они ошибаются, что вы можете сказать то, до чего они сами не додумались; если у них нет этой наивной уверенности и они ждут от вас разъяснения того, что им непонятно, надо немедленно показать им, что вы не обманете их ожидания. Оратор продолжает:

«Настоящее дело, уже само по себе сложное и трудное, значительно осложнилось тем, что судебное следствие внесло в него множество, так сказать, наносного материала, различных побочных обстоятельств, которые застилают, если можно так выразиться, его существо».

К чему это, господин прокурор? В большинстве случаев это просто неверно, и побочные обстоятельства нимало не мешают здравомыслящим людям разобрать то, что нужно. Если же дело действительно сложное, то присяжные видят это без вас. Надо показать им, что задача не так трудна, как кажется, а вы подстрекаете их к недоверию и нерешительности.

«С другой стороны, господа присяжные заседатели, то внимание, с которым вы напряженно следили за продолжительным судебным следствием, избавляет меня от необходимости останавливаться на всех подробностях дела, и это существенно облегчает мою задачу. Я не буду поэтому говорить... Я не стану разбирать... Это избавляет меня от необходимости напоминать вам... и т. д.».

Лишнее, лишнее, лишнее, господин прокурор. Скажите просто: разберем обстоятельства, установленные судебным следствием. Присяжные увидят, что надо слушать.

Скажите точно, в чем обвиняете подсудимого, определите точно, о чем вам приходится спорить, установите твердо и отчетливо нужные вам факты.

Будьте разборчивы в средствах. Помните, что на высоком положении вашем требуется нечто большее, чем только законность и благопристойность; требуется некоторое великодушие, некоторое величие духа.

Мы часто слышим на суде такие обращения: «Господа присяжные, вы должны убрать этих людей из вашей округи. Вам житья не будет, если такие молодцы будут гулять на свободе. Ведь нельзя вам

по целым ночам ходить у себя по двору да караулить воров и поджигателей; ведь одно из двух: или честные люди имеют право жить спокойно, или грабители и разбойники. Кому место в тюрьме, как не преступникам? Вы, конечно, можете выпустить их на волю, но тогда сами приготовьтесь идти по миру со своими ребятишками; тогда ждите к себе гостей». Защитник может назвать это запугиванием; и действительно, если это говорится потому, что против подсудимых нет улик, это запугивание, то есть непозволительное, постыдное злоупотребление словом со стороны обвинителя; если оно проходит безнаказанно, стыд защитнику и председателю, забывшим о своих обязанностях. Но если подсудимые изобличены судебным следствием, если прокурор может по совести сказать, что он доказал их виновность, тогда его слова – законный и справедливый призыв к здравому рассудку и благоразумию присяжных: ничего предосудительного в них нет.

Припоминаю более тонкий случай, дело об изнасиловании замужней женщины; обвинение было основано на объяснениях потерпевшей и на косвенных уликах. Обвинитель, между прочим, сказал присяжным, что, оправдав подсудимого, они тем самым бросят позорное пятно на обиженную женщину и внесут раздор в семью: признание ее добровольной измены будет постоянным источником попреков, а может быть, и жестокостей со стороны оскорбленного мужа. Довод для уездных присяжных, конечно, сильный. По существу вопроса этот пример вполне сходен с предыдущим, и логически нет возможности доказать, что в первом случае можно было говорить об указанных последствиях оправдания, а во втором – нельзя. Но строгий оратор почувствовал бы это. Спросите любого прокурора, допускает ли он запрашивание у присяжных, иначе говоря, торг и переторжку с защитником. Он решительно скажет: нет. А я помню, что, будучи прокурором, на вопрос товарища защитника, можно ли поставить обвинение в предумышленном убийстве, мне не раз приходилось ответить: конеч-

но, поставьте; перейти к другому обвинению всегда можно. Это очень похоже на искусственное повышение обвинения.

На один день назначено три дела: мелкая кража, сомнительный грабёж и убийство на косвенных уликах; убийство разбирается последним. В двух первых речах товарища прокурора заметна крайняя осторожность при оценке доказательств и самое благожелательное отношение к подсудимым; он указывает присяжным все законные способы к тому, чтобы смягчить их ответственность, в сомнительном деле дает понять, что заранее преклоняется перед оправданием, напоминает о снисхождении; словом, удивительно добрый прокурор. Суд переходит к делу об убийстве. Перед присяжными тот же товарищ прокурор, но ни на судебном следствии, ни в обвинительной речи нет и следа прежней осторожности и снисходительности. Чем объяснить эту перемену? Конечно, более важное дело, естественно, вызывает и большее напряжение обвинения, но в предшествовавшем мягкосердечии была и доля заблаговременной *captations benevolentiae* (снискание расположения). Надо, впрочем, сказать, что присяжные насквозь видят это маленькое коварство и относятся к нему с благодушной иронией.

Аристотель говорит, что сильнейшее средство убеждения заключается в личном благородстве оратора. Обаяние личности не есть, конечно, ни доказательство, ни убеждение; это, в сущности, обольщение, подкуп слушателей; но мысль Аристотеля, безусловно, верна в том смысле, что человек, не внушающий уважения, не может рассчитывать на доверие.

Никогда не выказывайте личного раздражения против подсудимого. Эта обязанность обвинителя не всегда сознается у нас. Молодой карманник обвинялся по 2 ч. 1655 ст. Уложения о наказаниях после шести или семи краж; товарищ прокурор сказал: «Я хотя человек совершенно не жестокий, но тип обвиняемого для меня

настолько несимпатичен, что я жалею, что он не достиг совершеннолетия и что поэтому суд лишен возможности сделать соответствующую отметку в его формуляре», то есть лишить его особых прав и возможности хотя бы временно пожить честным заработком. Обвинитель был, несомненно, прав в оценке подсудимого: это был погибший человек. Но при всем уважении к правдивости молодого товарища прокурора я не могу допустить, чтобы он был на самом деле огорчен тем, что не ему пришлось доконать беднягу. А что касается жестокости или мягкосердечия обвинителя, его сочувствия или неприязни к подсудимому, то какое дело до этого присяжным и суду? В другой раз мне пришлось выслушать такую фразу: «Современная наука указывает на пожизненное заключение как на лучшее средство охраны от этих врагов общества; это правило, к глубокому моему сожалению, еще не вошло в закон». В этих словах нет личного озлобления, но им все-таки не место на суде. Сравните с этим вступление обвинительной речи по делу ла Поммере: «Messieurs les jures. En me levant pour soutenir et pour developper cette redoutable accusation, je ne peux pas, je ne veux pas me defendre d'une grande et humaine tristesse...

Je sens toute la grandeur et la gravite du devoir qui m'est impose et vous me croirez si j'affirme que j'aurais souhaite de toute mon ame trouver un innocent la ou je ne puis voir qu'un coupable» («Приступая к этому страшному обвинению, я не могу и не хочу заглушить в себе чувство глубокой скорби (слово humaine здесь не поддается переводу...). Я сознаю важность и тяжесть возложенного на меня долга, и вы поверите, что я всей душой желал бы найти невинного там, где могу видеть только преступника». Речь Оскара де ла Валлэ). Какое достоинство, какое благородство в этих немногих словах!

Не упоминайте о неуместности снисхождения к подсудимому. Избегайте этого, между прочим, и потому, что это верный признак слабой речи; сильное обвинение не нуждается в таком предостереже-

нии. Я слышал такие слова в устах товарища прокурора: «Не знаю, возможно ли оказывать какую бы то ни было милость негодьям, грабителям и разбойникам?»»

Ни один из трех подсудимых по этому делу ранее не судился, все жили честным трудом, и происшествие, названное в обвинительном акте разбоем, было сомнительного свойства.

Никогда не острите. Никогда не позволяйте себе усмешки или улыбки. Это правило безусловно обязательно и для защитника.

Последнее, может быть, важнейшее из всех указаний: никогда не говорите, что вы уверены в виновности подсудимого. Присяжные могут поверить вашей убежденности, а вы можете ошибаться. Если вам кажется, что в этом случае ошибаюсь я, загляните поглубже к себе в совесть.

Подсудимый обвинялся по 1449 ст. Уложения о наказаниях. Он отрицал свою виновность; улики заключались в следующем: (1) его сапоги подходили к следам, оставшимся на месте убийства; (2) у него были найдены мокрая куртка и мокрые сапоги, тогда как погода была сухая; (3) он был во вражде с матерью и один раз высказал ей угрозу убийством; (4) его объяснения были сбивчивы и алиби не подтвердилось.

Разобрав эти обстоятельства, товарищ прокурор сказал присяжным: «Я глубоко верю, я вполне убежден, что несчастная старуха была убита ее собственным сыном; здесь нет прямых доказательств, но здесь тысячи косвенных улик; они сгруппированы в таком количестве, что виновность подсудимого вполне доказана, вполне для нас очевидна!». Это было сказано при обвинении, грозившем бессрочной каторгой, сказано государственным обвинителем. Что если бы защитник захотел воспользоваться этой неосторожностью? «Вы утверждаете, господин прокурор, что вы безусловно убеждены в виновности подсудимого, что против него есть тысячи улик. Вы указали три или четы-

ре. Укажите хоть десять, хоть пять, хоть три, хоть две – и я отказываюсь от защиты». Не хотел бы я быть в положении прокурора в такую минуту. А что если после такого обвинения и ответа: да, виновен – у обвинителя шевельнется сомнение в справедливости и решения присяжных? Куда уйти ему от себя?

Как закончить обвинительную речь? Только не говорите, что «поддерживаете обвинение в пределах обвинительного акта». Присяжные уже знают это. Если найдется счастливый афоризм или недлинный период, удачно выражающий вашу основную мысль или общее настроение зала, тем лучше; если нет, скажите просто, как говорили древние греки: «Я сказал, что считал нужным, вы знаете дело, решайте».

18. Прочтите главу «Несколько слов защитнику» в произведении П. Сергеича «Искусство речи на суде». Составьте по ней памятку адвокату в помощь к выступлению на судебном разбирательстве.

«Ваше слово, господин защитник».

«Господа присяжные заседатели! Господин прокурор сказал вам...».

Есть от чего в отчаяние прийти! Ведь присяжные только что выслушали прокурора! Вам надо открыть им то, чего они еще не знают, поразить их неожиданной яркой мыслью, увлечь их сразу совсем в другую сторону. И только после этого, мимоходом, опрокинуть доводы противника. Покажите им, что вы считаетесь не с товарищем прокурором, а с фактами дела.

Повторив сказанное обвинителем, оратор продолжает: «Я, господа присяжные заседатели, не согласен с господином прокурором. Я ничего подозрительного в поведении подсудимого не вижу. Я пола-

гаю, что вовсе не так невозможно, не так нелепо объяснение подсудимого».

Помилосердствуйте, господин защитник! Если бы вы были согласны с прокурором, вас бы здесь не было. Ведь присяжные уже десять, двадцать раз слышали эти самые слова с вашего места от других защитников. Поймите, что решение дела зависит не от вашего мнения, а от вашей защиты. Возьмитесь за факты, толкуйте, объясняйте присяжным подсудимого. А если вы не в состоянии сдвинуться с места, не ухватившись за прокурорские фалды, поступайте к прокурору в канцелярию и дайте подсудимому самому сказать присяжным что придется. Хотя бы он запнулся на первом слове, он ничего не потеряет от вашего отсутствия.

Что значит защитник? Простое слово с определенным значением. Судебная действительность, однако, расширила его смысл. Одни вместо защитники говорят потатчики, другие – укрыватели. Каюсь, мне не раз приходилось говорить: губители подсудимых. Может быть, эти отзывы несправедливы, может быть, односторонни? Интересно бы знать впечатление тех, к кому обращаются защитительные речи. Послушаем присяжных заседателей:

«Обвинению много помогали защитники».

«Сначала набрасываются на прокурора и следствие, доказывая, что ничего, решительно ничего ими не установлено: ни самого преступления, ни подробностей его. Прокурор выстроил карточный домик; коснитесь его слегка, чуть-чуть, и он разлетится. Но сам защитник карточного домика не трогал и, как он рассыпается, не показывал, предоставляя присяжным вообразить себе такое касательство и рассыпание, дойти до него собственным умом. В заключение, должно быть, на случай недостатка в них необходимой сообразительности, он просил нас, присяжных заседателей, проникнуться чувством жалости

к его «клиенту», не забывать его молодости или стесненного положения и дать возможное снисхождение».

«Таким образом, заключительная часть защитительных речей почти всегда шла вразрез с их началом, подрывая к нему всякое доверие. Естественно, что при такой архитектуре этих речей даже жалостливые присяжные заседатели, склонные развешивать уши перед защитниками, убеждаются, что в пользу подсудимого ничего сказать нельзя».

Слушая наших молодых защитников по делам воров-рецидивистов, я часто спрашивал себя, что может вертеться в голове какого-нибудь Васьки Копченого или Мишки Косого во время пылкой речи, произносимой в его защиту. Копченый судится за шестую кражу; знает, что еще раз шесть «дело» благополучно сходило ему с рук; его задержали у взломанной кассы с полным набором свежих инструментов лучшей американской работы. Юный защитник с искренней верой в свои слова убеждает присяжных, что подсудимый есть жертва социальных условий, что, будучи выслан из Петербурга в г. Режицу, он не мог найти себе там подходящей работы (как это верно! Какая «работа» для Копченого в уездном захолустье?), что, как справедливо заметил прокурор, прежняя судимость не может служить уликой, но, с точки зрения защиты, она, напротив того, является некоторым основанием для оправдания, ибо до сих пор общество только наказывало подсудимого, и, может быть, на этот раз оправдательный приговор навсегда обратит его на честный путь, и что, наконец, строго говоря, покушение можно рассматривать почти как добровольно оставленное, ибо, когда хозяин вошел в контору, он видел, как подсудимый сделал движение, чтобы отойти от кассы, из которой еще ничего взять не успел; если бы хозяин вошел не в эту минуту, а минутой позднее, он, по всей вероятности, вовсе не застал бы подсудимого в своей конторе (как это верно!), а покушение добровольно оставленное есть с точки

зрения закона деяние безразличное и т. д., и т. д. ... Быстро, красиво, умиленно говорит защитник. Копченый слушает; он знает заранее многое из того, что будет сказано, – слышал не раз; но лицо не выдает его мыслей. Что он думает? – спрашивал я себя и не находил ответа. Как-то раз судебный пристав передал мне от одного из присяжных заседателей вырезку из газеты. В напечатанной заметке заключалось стихотворение, в котором двое арестантов излагали свою «поэтическую биографию». Она была написана по их поручению товарищем, носившим прозвище Весельчак. Стихи были очень плохи, но я нашел в них то, чего раньше не мог найти. Устами тюремного поэта двое товарищей передавали свои воспоминания о последнем судебном заседании. Прокурор закончил длинную речь:

И, утерши лоб платком,
Сел с судьями он рядком.
Тут защитник наш встает
И такую речь ведет:
«Эх, присяжны господа!
Хоть украли, не беда,
Разберите штуку эту;
Тут и кражи вовсе нету:
Просто взяли и ушли.
Виноват лишь претендатель,
Он Иуда, он предатель:
Зачем плохо он кладет?
Хоть святого в грех введет.
Они чисты, как вода,
И прошу вас, господа,
Греха на душу не брать,
Невиновных оправдать».

Хромая нищенка обвинялась по 9 ст. и 1 ч. 1451 ст. Уложения о наказаниях. Она бросила своего внебрачного трехнедельного ребенка в отхожее место; на вопрос о виновности подсудимая сказала, что не могла прокормить его, не могла внести за него плату в воспитательный дом, и утверждала, что ребенок сам скатился в яму, а она в испуге убежала. Объяснение это сначала произвело благоприятное впечатление. Защитником был совсем молодой помощник присяжного поверенного. Во время привода к присяге свидетелей к нему пробрался другой молодой человек во фраке с несколько суетливыми движениями.

«Зловещий признак!» – пронеслось у меня в голове.

Когда присяга кончилась, первый защитник заявил суду, что подсудимая просит допустить к ее защите помощника присяжного поверенного N.

Допрос свидетелей сразу выяснил, что подсудимая лгала, что ребенок был брошен в яму намеренно. Выяснилось еще другое. Эта женщина собирала нищенством от одного до двух рублей в день и более и на эти деньги кормила двух любовников; на своего ребенка у нее не хватало денег. Почти каждый свидетель вносил в дело новую подробность, неблагоприятную для подсудимой; выяснилось, что окружающие ее полунищие женщины готовы были как могли помочь ей в уходе за больным ребенком (он родился обреченным на скорую смерть). Обвинитель почти не задавал вопросов, первый защитник спрашивал очень немного, но второй недаром же явился в суд. Как он сам объяснил в своей речи, он не читал предварительного следствия; естественно, что после каждого показания, невыгодного для подсудимой, он переспрашивал свидетеля, вызывая тем самым настойчивое и по известному психологическому закону более резкое подтверждение удостоверенного факта. Странно сказать, но при всех ужасающих подробностях этого дела в судебном следствии промелькнуло и не-

сколько светлых точек для подсудимой. Были у этой жестокой женщины и добрые человеческие чувства.

Обвинитель говорил немного. Дело казалось уже решенным. Вслед за тем судьям и присяжным пришлось выслушать настоящую защитительную речь. Привожу из нее некоторые отрывки.

«Кто были люди, всего ближе стоявшие к подсудимой? – спросил защитник. Это были Боричев и Яковлев; оба пользовались теми подавниями, которые она собирала, бродя по петербургским улицам. До рождения ребенка Боричев обнадеживал ее своей помощью; он говорил, что отправит младенца в деревню, к своему отцу; когда она лежала в больнице с его сыном, он даже не навестил ее; а когда после безумного поступка ее искала полиция, он указал ее на улице людям, следившим за нею, и вместе с ними тащил ее в участок. Как поступил другой близкий человек, тоже живший на ее деньги? Когда она возвращается к нему из больницы с ребенком на руках, не оправившись от родов, больная, неспособная уже ходить за милостыней, он, мужчина, поступает совсем как женщина: он скандалит, он глотает уксусную эссенцию, а потом он гонит ее с ее собственной постели. Вот среди таких людей носила она своего ребенка».

«Она ждала его; она, как все матери, готовилась к его рождению. Вспомните о тех пеленках, которые она просила прислать ей в больницу после родов. На них я призываю ваше великое внимание. Она шила их для своего ребенка. Мы знаем, с какими сладкими и вместе тревожными мечтами делается эта работа. Хорошо, если в эти минуты кругом тепло и уютно, если рядом муж, опора и защита будущей матери. Но когда приходится шить их ночью (днем надо ходить за милостыней), когда это происходит в холоде и нравственном одиночестве, тогда невольно изумляешься, как могла выносить она дитя свое до конца, как устояла перед соблазном избавиться от тягостей материнства, тем соблазном, которому часто поддаются женщины,

живущие в тепле и холе! И если бы в одну такую ночь она прекратила существование ребенка в своем чреве, не думаю, чтобы у кого-нибудь поднялась на нее рука. Но она не сделала этого».

«После родов она была перевезена в Калининскую больницу. Там ребенок провел свои первые дни, там, куда страшатся попасть самые падшие из падших. Тяжелое предзнаменование для ребенка!».

«И в самом деле, у него – вы слышали – была наследственная беспощадная болезнь; он умер через три недели. Врач предсказал ей это еще в больнице, предлагал ей остаться там, объясняя, что ребенка похоронят на казенный счет. Казенные похороны не соблазнили ее. У нее был свой угол, свой скарб; она спешит домой. Прокурор сказал вам, что у нее была удобная обстановка, и пояснил, какая: у нее была кровать, платье и будильник. Но когда она вернулась, Яковлев не отдал ей кровати, платье было в ломбарде; остался будильник...».

«В прежнем углу ее не хотели оставить; пришлось искать другой, пришлось кормиться самой и кормить ребенка. Она не хотела пользоваться им, как делают другие нищие, не стала таскать с собою напоказ больное дитя; она любила его, и один бог знает, что перестрадала из-за него. Уходя побираться, она оставляла его хозяйке, платя за это двадцать пять копеек в день. Это немного, но заработок нищенки уж не такая рента, как кажется прокурору. Больная, усталая, она не умела просить. Она пропускала добрых и сострадательных и обращалась к равнодушным. Не хватало денег на плату за ребенка. Хотела отдать его в воспитательный дом – там не приняли: у нее не было 25 рублей и не было молока в груди...».

«Не успела она отойти от рокового места, ее рвануло назад – спасти ребенка, но она увидела околоточного надзирателя, и страх, безумный, но естественный, удержал ее спасительный порыв».

«Она нищая, жалкая нищая и протягивает к вам теперь за милостью свою руку; не положите в нее камень».

Все это было сказано искренне, со сдержанным, но внятным для присяжных волнением, с разумной осторожностью в толковании фактов; защитник ничего не навязывал присяжным и ни о чем их не просил.

Впечатление присяжных мне неизвестно; но когда защитник кончил, товарищ председатель шепнул мне: «Превосходно!». Про себя могу сказать, что умная и трогательная речь значительно смягчила, почти рассеяла чувства, вызванные во мне судебным следствием. Председатель обратился ко второму защитнику: «Угодно вам?»

«Я скажу только несколько слов», – ответил тот.

Начало, не предвещавшее добра.

Он говорил несравненно дольше своего товарища, говорил страстно, почти истерично, громко, почти до крика. Речь состояла из общих мест, и следить за нею было настолько трудно, что мы, судьи, многого не поняли. Основная мысль была, однако, выражена ясно: виноваты в преступлении были все, кроме преступницы; судьи и присяжные едва ли не были виновнее всех других; так, по крайней мере, казалось, потому что им приходилось выслушивать неистовые изобличения оратора. Другая отчетливая мысль его заключалась в том, что «на дне», где жила подсудимая, нет понятий о дозволенном и безнравственном и что эта среда вытравила у нее сознание долга и материнскую любовь к детищу. «Этот ребенок был для нее куском сырого больного мяса», – сказал, между прочим, защитник.

Остановитесь над этими последними словами, читатель; примите во внимание, что в них была *правда* и что они были сказаны *защитником*.

Речь первого оратора не обязывала прокурора возражать и была сказана так, что обвинитель не стал бы отвечать своему противнику. Но после того, что можно было понять из второй речи, прокурор не мог молчать и, возражая, не мог не высказать присяжным, что после

сказанного защитником оправдательный приговор был бы признанием и освящением убийства детей матерями. И того мало: председатель не мог не подтвердить этого присяжным. После первой защитительной речи *при всем ужасе* дела присяжные *могли* признать подсудимую невиновной: ребенок был спасен и умер впоследствии не от руки матери; после второй защитительной речи оправдание сделалось нравственно невозможным. Когда присяжные ушли совещаться, один из судей просил защитника подсудимой сказать ее предателю, что ему суждено загнать в тюрьму и каторгу немало народу. Не знаю, были ли переданы эти слова, и на всякий случай повторяю их здесь.

Существует прием защиты, излюбленный способными, но ленивыми людьми. Они записывают всю речь прокурора, отделяют *argumenta ambigua* (обоюдоострые доводы (лат.) и, не касаясь остального, развертывают перед присяжными ряд дешевых побед. Создается интересное, изящное изложение, подкупающее своей наглядной непосредственностью, и совершенно бесплодное. Так можно выиграть только заранее выигранное дело.

Защитительная речь должна быть самостоятельным, законченным целым; то, что подарит оратору его противник, – ее случайным, второстепенным украшением.

Разбиралась тяжелая житейская драма. Молодая девушка, намереваясь отомстить бросившему ее обольстителю, ошиблась и плеснула серной кислотой в лицо другому человеку. Несчастный ослеп, и слепота его оказалась наказанием за такое же обольщение другой девушки. Оба печальных романа были введены в защитительную речь и старательно разработаны оратором без всякой зависимости от того, что можно было ждать от обвинителя, но в соответствующих местах нашлись и возражения прокурору.

«Рябчикова отдалась Бесову, – говорил защитник... Горизонты кончились, наступила настоящая жизнь, нет... две жизни: одна – ее,

другая – того младенца, который только начал давать о себе знать. А Бесов, удовлетворенный сорванными цветками, удовлетворенный победой над невинной девушкой, стал быстро проявлять другое отношение к ней, свидетельствовавшее о тягости, которую он испытывал от этих больше ему не нужных ласк. Господин прокурор говорит, что это свойство мужчин охлаждаться в любви к забеременевшей женщине. Я думаю иначе: свойство честных мужчин – любить забеременевшую подругу больше, нежнее; свойство же таких, как Бесов, – охлаждаться».

«А Рябчикова? Да какое дело Бесову до Рябчиковой? Она не первая обиженная и не последняя попранная...».

«Обвинитель говорит: самосуд! – и указывает на законный способ восстановления своего права – на предъявление иска к Бесову. Хотя господин прокурор по профессии криминалист, но ему известно, что иск предъявляется по месту жительства ответчика. Где же прикажет нам господин прокурор предъявить иск, когда сама власть прокурорская с готовыми полицейскими услугами оказалась бессильной разыскать Бесова для допроса его в качестве свидетеля?».

Эти небольшие отрывки заслуживают внимания: здесь видно, как изящно и значительно вплетаются чужие мысли в изложение основательно обдуманной речи. Точно обвинитель намеренно помогал защитнику, как взрослый, вложивший последние части в недоконченную ребенком складную картинку. Это образец того, что мы назвали выше сотрудничеством участников процесса.

Важнейшее правило защиты заключается в том, чтобы разумно ограничить свою задачу. Спросите себя, что лучше: сказать – я сосчитаю до ста – и пойти не далее десяти или сказать – я сосчитаю тридцать – и тридцать сосчитать. Уступите, присяжным все то, что они возьмут и без вас, то есть то, чего требует здравый смысл. Помните, что обвинитель может быть смел, если хочет: он играет в большинстве

случаев на свои деньги; защитник обязан быть осторожным: за него расплатится подсудимый. Это правило относится, конечно, к искусству защиты, а не к искусству судебной речи, но нарушение его встречается так часто и приносит столько зла подсудимым, что я не могу не напомнить о нем.

Женщина, жившая восемь лет доверенной прислугой у старушки-вдовы и ее дочери, выждала ухода последней, привела в дом трех других женщин, из которых две были переодеты мужчинами и одна была вооружена ножом; они унесли деньги обезумевшей от ужаса старухи и ценные вещи на 2 тысячи рублей и затем разделили их между собой, причем зачинщица получила наибольшую часть. Все они сознались на предварительном следствии и подтвердили свои объяснения на суде, отрицая только, что у них был нож. Защитник главной виновницы сказал, что она должна быть наказана, и, пользуясь отсутствием главной свидетельницы – старухи, предложил присяжным отвергнуть признаки разбоя и признать простой грабеж; трое других защитников настаивали на совершенном оправдании прочих подсудимых. По особо благоприятным обстоятельствам это требование не было ошибкой: 1) в составе присяжных были люди бестолковые и снисходительные, 2) отталкивающая фигура зачинщицы выступала в таком ярком освещении, что соучастницы совершенно бледнели перед ней, 3) все подсудимые пробыли около двух лет в предварительном заключении. Присяжные признали виновной только главную преступницу и только в простом грабеже без соучастия. Вместо пятнадцати лет каторги за несомненный возмутительный разбой женщина отделалась коротким заключением в тюрьме с зачетом предварительного ареста. Казалось бы, блестящий успех? Как бы ни так. Защитник должен был настаивать на оправдании, и, если бы он догадался сделать это, вместо того чтобы самому говорить о заслуженном наказании,

присяжные оправдали бы Агафонову, как оправдали ее соучастниц благодаря искусству их защитников.

Вы сомневаетесь? Таково, однако, было единогласное убеждение этих трех опытных людей. Они жестоко упрекали своего товарища, загнавшего, по их мнению, в тюрьму женщину, перед которой открывалась свобода. Логический вывод из этих попреков тот, что, если бы Агафонову защищал любой из этих трех защитников, он настаивал бы на оправдании. Оставляю в стороне неизбежное возражение прокурора, неизбежное разъяснение в напутствии председателя и спрашиваю читателя: что сказали бы присяжные, прослушавшие судебное следствие о неслыханном, предательском разбое, узнав от защитника, что все это было невинной забавой, достойной поощрения благодушными словами: нет, не виновна? Этот случай кажется мне поучительным для многих и многих.

Не позволяйте себе высказывать вашего личного убеждения в невинности подсудимого: не говорите даже о своих сомнениях. «Я хотел бы душу свою вложить в свои слова, чтобы сообщить вам то мучительное сомнение, то колебание, в котором я нахожусь», – говорил Спасович, защищая Емельянова. Это можно сказать искренне и можно сказать для того, чтобы внушить присяжным сомнение, которого оратор на самом деле не испытывает. Это прием тех, кто сознает, что дело непрочное и противник всегда может изобличить его.

Никогда не требуйте оправдания. Не упоминайте вовсе этого слова. В нем звучит посягательство на свободу убеждения присяжных. Докажите, что виновность не доказана или что справедливость требует оправдания, но не говорите этого. Иной защитник возразит, что все не хочет оказывать давления на присяжных, когда просит об оправдании. Возможно. Но впечатление получается как раз противоположное, а присяжные, как все люди, судят не по тому, что есть в действительности, а по тому, что представляется им действительностью.

Не предсказывайте оправдания: «Я более чем уверен, что оправдательный приговор вами уже произнесен», «Смело вверяю его судьбу в ваши руки, твердо уверенный, что иного приговора, как тот, которого ждет от вас подсудимый, здесь быть не может» и т. п. Сколько сомнения, сколько незрелого задора в этих выражениях! Если вы не свободны от этой ошибки, читатель, спросите себя, сколько раз после звонко провозглашенной уверенности в победе вы слышали от присяжных роковое «да, виновен».

Если подсудимый лжет, надо сказать несколько слов в его извинение. Но это заступничество не может загладить неприятного впечатления. Если он лжет целиком или хотя бы наполовину, у него не один противник, а целых восемнадцать: обвинитель, трое судей и четырнадцать присяжных. Повторяю, скажите ему, чтобы он не лгал.

Если прокурор не был безупречен в своей речи по отношению к подсудимому или к вам, будьте безукоризненны по отношению к нему. Этого требует ваше достоинство, и это подчеркивает его ошибку.

19. Прочтите главу «Образы» в произведении П. Сергеича «Искусство речи на суде». Это рекомендации судебным ораторам XIX века. Уместна ли будет образность в современных речах, например, в речи представителя гражданского истца Савельевой (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 396–397)? Если да, то какими бы образами вы могли бы дополнить речь?

Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случиться не может. С другой стороны, только краски и образы могут создать живую речь, то есть такую, которая могла бы произвести впечатление на слушателей. Привожу несколько

указаний из «Диалогов» Фенелона. Он говорит: следует не только описывать факты, но изображать их подробности так живо и образно, чтобы слушателям казалось, что они почти видят их; вот отчего поэт и художник имеют так много общего; поэзия отличается от красноречия только большей смелостью и увлечением; проза имеет свои картины, хотя более сдержанные; без них обойтись нельзя; простой рассказ не может ни привлечь внимание слушателей, ни растрогать их; и потому поэзия, то есть живое изображение действительности, есть душа красноречия.

Нужны образы, нужны картины: пусть оратор *rem dicendo subjiciet oculis* (Cic. Orator. XL). (... своей речью сделает дело очевидным, представит его образно (Цицерон).

Р. Гаррис говорит то же, что писали Аристотель и Цицерон. «Впечатление, сохраняющееся в представлении слушателей после настоящей ораторской речи, есть ряд образов. Люди не столько слушают большую речь, сколько видят и чувствуют ее. Вследствие этого слова, не вызывающие образов, утомляют их. Ребенок, перелистывающий книгу без картинок, – это совершенно то же, что слушатель перед человеком, способным только к словоизвержению».

Скажите присяжным: честь женщины должна быть охраняема законом независимо от ее общественного положения. Будут ли вас слушать профессора или ремесленники – все равно; эти слова не произведут на них никакого впечатления: одни совсем не поймут, другие пропустят их мимо ушей. Скажите, как сказал опытный обвинитель: во всякой среде, в деревне и в городе, под шелком и бархатом или под дерюгою, честь женщины должна быть неприкосновенна, – и присяжные не только поймут, но и почувствуют и запомнят вашу мысль.

Речь, украшенная образами, несравненно выразительнее простой.

Образная речь и несравненно короче. Попробуйте передать без образа все то, что заключается в словах:

О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?!

Те, кто слышали, пусть вспомнят заключительные слова одной речи Жуковского: «Подсудимый был полтора года в одиночной камере. Знаете ли вы, господа присяжные заседатели, что такое одиночное заключение? Это – три шага в длину, два шага в ширину и... ни клочка неба!». Я не знаю стихотворения, которое с такою ясностью передавало бы пытку заточения.

Чтобы говорить наглядно, то есть так, чтобы слушателям казалось, что они видят то, о чем им рассказывает говорящий, надо изображать предметы в действии. Это правило Аристотеля.

Он приводит стихи из «Илиады»:

Копья торчали по земле, все еще требуя добычи.
Волны бегут, вздымаясь пенистыми гребнями;
Одни впереди, за ними другие.

Сравните с этим:

В уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток,
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;

или:

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленной землей;
Дымятся синие туманы
И всходит месяц золотой;

или:

И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою...

Припомните приведенное выше описание пожара у Андреевского.

Переносное выражение, риторическая фигура дают возможность усилить не только содержание мысли, но и внешнее ее выражение голосом, мимикой, жестом.

Виктор Гюго обращается к французским солдатам с восклицанием:

«Et vous ne verrez pas se dorer dans la gloire La criniere de vos chevaux!»

(«И лучи славы не озолотят гриву ваших коней»). Это значит: вы не заслужите славы; это совершенно та же мысль. Но эти слова трудно произнести с выразительностью, а те почти бессознательно сопровождаются повышением голоса и жестом; при слове gloire вы невольно откинете назад голову и раздвинете плечи.

20. Ознакомьтесь с речью в защиту Иванова (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 410–417). Выделите ее структурные части. Какие приемы аргументации использует оратор?

21. Прочтите главу «Письменная работа и импровизация» в произведении П. Сергеича «Искусство речи на суде». Нужно ли записывать речь полностью или лучше импровизировать? Что вы думаете по этому поводу? Ответ аргументируйте.

Мы не будем повторять старого спора: писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не исписав нескольких сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только

вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке. Вам предстоит не публичная лекция, не воззвание на площади, не поэтическая импровизация, как в «Египетских ночах». Вы идете в бой. Заглянем с вами в Московскую оружейную палату или в арсенал Петербургского Эрмитажа: мечи, копья, ружья, пистолеты. К вам подошел кто-то и говорит: все это в вашем распоряжении, выбирайте что хотите, сколько хотите; но времени у вас одна минута; противник уже вышел в поле... Как разобраться в бесчисленном множестве оружия? Все хорошо на вид, но есть ведь немало негодного, заржавленного, притупившегося...

– Господин прокурор! Ваше слово.

И вы наскоро хватаетесь за то, что попадет под руку. А противник ваш провел всю ночь в том же арсенале, пересмотрел не спеша каждую стойку и выбрал лучшее, исправное, надежное...

Остерегайтесь импровизации.

Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее.

Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику. У вас не будет надлежащей уверенности в себе.

Лучшего не будет в вашей речи. Импровизаторы, – говорит Квинтилиан, – отяг казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми.

Наконец, имейте в виду, что крылатый конь может изменить.

Люди знающие и требовательные и в древности, и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский – это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложе-

на в виде самостоятельного логического целого и эти части соединены между собой в общее *неуязвимое* целое. Вы должны достигнуть этой неуязвимости, иначе вы не исполнили своего долга.

Говорят, дело может совершенно измениться на суде, и написанная речь окажется непригодной от начала до конца: тот, кто все заучил в известном порядке, не сумеет справиться с изменившимися обстоятельствами: чем сильнее казались доводы и ярче образы, тем труднее будет освободиться от них; навязчивая память отвлекает внимание, и работа мозга над новыми фактами становится невозможной. Наоборот, тот, кто не связан, не скован в тисках заранее написанной речи, а привык говорить под непосредственным впечатлением судебного следствия, тот может только выиграть от неожиданностей; каждая из них будет новой искрой в свободной игре его ума и воображения.

Не могу не признать, что мне приходилось слышать такие суждения от людей, имеющих не менее веский голос в нашем искусстве, чем Спасович или Андреевский; думаю только, что это говорится *cum grano salis* (остроумно). Обстоятельства дела, конечно, могут измениться на судебном следствии, но исключительные случаи не должны служить основанием общих правил. Если на суд явится свидетель, который заявит, что убил он, а не подсудимый, то, конечно, речь прокурора окажется никуда не годной. Но прокурору и не придется говорить ее, потому что суд в силу закона обязан будет обратить дело к следованию, чтобы проверить заявление свидетеля. Если человек, обвиняемый в убийстве при слабых уликах, неожиданно сделает признание на суде, его защитнику придется забыть свою речь и только сказать присяжным, что такое признание есть доказательство нравственного просветления преступника, обязывающее их оказать ему возможное снисхождение. Речь пропадет, но защита будет выполнена, как должно. Неожиданности судебного следствия ограничиваются

обыкновенно предъявлением новых доказательств, показаниями недопрошенных свидетелей или изменением показаний, данных на предварительном следствии свидетелями или подсудимым. Предположим, что новый, по-видимому, добросовестный свидетель категорически утверждает алиби. Если прокурор верит ему, он должен отказаться от обвинения; если не верит, это важное показание должно быть тщательно разобрано им, но оно не может иметь никакого влияния на все остальное содержание обвинительной речи. Если были сильные улики и будет с надлежащей силой сказана заготовленная речь, присяжные обойдут нового свидетеля в предположении, что он ошибался или лгал.

Говоря о неожиданностях судебного следствия, надо различать, впрочем, то, что можно предусмотреть, и то, чего предвидеть нельзя. Для внимательного оратора неожиданностей почти не бывает; они все уже являлись ему в часы раздумья и сомнений; он сам вызывал их перед собою силой своего ума и знает цену каждой. Адвокат, он не раз олицетворял в себе прокурора, подыскивая самые хитроумные сочетания улик, самые ядовитые стрелы и сокрушительные перуны против того, кто вверился его защите; обвинитель, он становился защитником, чтобы с такой же настойчивостью предугадать соображения противника. Он знает, что изменение свидетельского показания есть обычное, всегда возможное и часто вероятное явление. Подсудимый судится за поджог с целью получить страховое вознаграждение; защитник искусно сопоставляет цифры и доказывает, что поджог не мог быть выгоден подсудимому. Если это окажется неожиданностью для прокурора, то прокурор не знал дела. Неожиданности могут быть опасны только в том случае, если, составив и написав речь, оратор не вполне усвоил ее, то есть не довел работы до конца.

Из того, что речь должна быть написана в законченной форме, не следует, что она должна быть произнесена наизусть. В Риме в эпо-

ху цезарей сами судьи требовали изысканных тонкостей от ораторов, и практик Квинтилиан, как мы видели, предостерегает от увлечения этой искусственностью. У нас же так мало привыкли к изящной речи, что безупречная красота ее была бы скорее недостатком, чем достоинством на трибуне, особенно в начале. Если вступительные фразы не слишком удачны по построению, если в них слышится неуверенность оратора, у слушателей слагается представление, что речь не подготовлена; вследствие этого следующие разделы речи, хотя они написаны и тщательно разработаны заранее, также кажутся созданными под непосредственным впечатлением судебного заседания. Переход от подкупающих неровностей к опасному изяществу объясняется благоприятным образом: талант свое взял; понятное и естественное смущение перед слушателями уступило место спокойной уверенности в своей правоте, и речь свободна и красива не потому, что оратор перестал, а потому, что он начал говорить своим обычным языком. Если в середине речи у слушателей и явится смутное сознание уловки, оно неопасно для оратора: они уже в его власти. У нас делается как раз наоборот: оратор заучивает наизусть начало речи и заключительные слова, а остальное вверяет своему таланту. Вступление произносится с торжественною самоуверенностью, почти всегда изложено деланным, книжным языком. Впечатление присяжных – зазубрил. За этим следует существо речи; в нем все недостатки и ни одного достоинства импровизации. Присяжные в недоумении, которое продолжается в течение всей речи, до неожиданно щеголеватого заключения. Дрянные книги обыкновенно продаются в красивых переплетах или ярких обложках; любимых писателей мы переплетаем в темный сафьян. Нам предстоит долгий путь; проберемся задворками, через канавы и заборы, на большую дорогу: там будет идти весело и просторно.

Вот что пишет о письменной подготовке де Бете, в словах которого всякий признает опытного мастера: «Готовьтесь к речи».

«Изучайте дело, углубляйтесь в него как можно больше; работайте всегда анализом. Изучайте событие со всеми его подробностями, разбирайте все предположения, допускаемые фактами. Изучайте юридические вопросы, возникшие или могущие возникнуть в деле хотя бы при неверном его освещении. Знайте процесс со всеми возможными исходами его».

«Не бойтесь взволноваться, но вдумайтесь в свое чувство, знайте в точности, как должно назвать его: негодованием или презрением, гневом или отвращением, уважением или симпатией; знайте, где родилось оно, в каком именно элементе процесса: в личности или в факте. Повторяю, вам нужны не впечатления, а аналитические выводы».

«А потом пишите».

«Только не речь!».

«Не план речи!... Нет! Речь будет импровизацией на суде; до суда и не думайте о ней».

«Записать надо строгий аналитический разбор дела, разбор для себя; надо довести до совершенной точности и закрепить ваше понимание процесса».

«Вы знаете старинную поговорку: вопрос, верно поставленный, есть вопрос разрешенный».

«Ваша записка должна поставить вопрос точно, во всей его полноте!».

«Никогда не удовлетворяйтесь приблизительными положениями в этой работе; не допускайте ни единого слова, взятого не в строго точном его значении».

«Каждое положение должно быть отточено, как сталь; кончайте только, когда признаете, что анализ доведен до математической точности».

«В этой записке у вас будут собраны все доводы, имеющие объективное значение в процессе; не заносите туда «ораторских дово-

дов», то есть ложных аргументов, которые могут производить впечатление, но в строго логическом смысле силы не имеют!».

Из этого отрывка видно, что письменная работа, предлагаемая де Бетсом, есть нечто отличное от речи. Я думаю, что то и другое может почти совпадать. Написанная речь с пользой и успехом может быть обработана и закончена настолько, насколько это осуществимо. После судебного следствия будут неизбежны некоторые изменения. Общий тон – одно из важнейших условий – назначить заранее нельзя. Даже в музыке, где тон бывает указан вполне определенно, исполнитель принимает оттенок, соответствующий настроению минуты: оратор, переживший судебное следствие, чувствует, следует ли придать голосу сдержанность или настоятельность, строгость или мягкость. Возможно, что сообразно с этим придется заменить целый ряд прилагательных более резкими или смягченными выражениями; несомненно, что во многих случаях свидетели подскажут оратору свои выражения для его мыслей – он не упустит их; они могут дать и новые соображения – он ими воспользуется; его, наконец, взволнует непредвиденное обстоятельство – он перейдет в пафос. Но все это будет вплетено в прочные узоры его написанной речи, а не будет самостоятельной импровизацией, о которой говорит де Бете.

Цицерон писал про оратора Антония: «Никому и в голову не приходило, что его речь обдумана заранее; казалось всегда, что он говорит без подготовки; на самом деле он был так подготовлен, что, когда начинал говорить, судьи обыкновенно оказывались недостаточно подготовленными к тому, чтобы остерегаться его искусства».

22. Как происходит «расшатывание» косвенных улик и устранение их из доказательственной базы обвинения в защитительной речи С.А. Андреевского по делу отставного подполковника Мироновича, который обвинялся в том, что он в ночь на 28 авгу-

ста 1883 года в помещении принадлежащей ему ссудной кассы на Невском проспекте убил дочь своего приказчика – 13-летнюю Сарру Беккер за то, что она не согласилась вступить с ним в половую связь.

... Наутро, после фатальной ночи, Миронович, как мы знаем, в свой обычный час, рано утром пьет свой чай так же спокойно, как и накануне перед сном. Из дому он отправляется разыскивать Порховникова, который задолжал ему 200 рублей, не застаёт его в доме Лищицына и едет в Пушкинскую улицу, но тут узнает от Подускова, что Порховников скрылся. Миронович негодует и ругается как истинный скупец, и на замечание, что сумма долга очень невелика, произносит типичную фразу, типичное оправдание людей его профессии: «Не сумма важна, а важно то, что меня, честного человека, надули!». И представить, что раздражение Мироновича приводится как доказательство его душевного потрясения после убийства! Ну как, в самом деле, серьезно считаться с такой психологией: придираются к голосу Мироновича и слышат в нем ноты виновности, а на тот факт, поражающий факт, доказывающий его невиновность, закрывают глаза. Этот факт тут же, рядом, а именно: вот эта самая озабоченность Мироновича получить долг с Порховникова. Разве она была бы возможна и мыслима, если бы Миронович убил перед тем ночью Сарру Беккер? Разве он мог бы серьезно интересоваться этим долгом? Да ведь еще как настойчиво – поехал в один дом на Преображенскую улицу (минуя роковую кассу), потом вернулся на Пушкинскую улицу (тоже мимо кассы) – точно ничего злополучного и не было.

Ведь если бы он убил, он знал бы, что касса была всю ночь отпертой, что она и теперь открыта, что, может быть, из нее уже все растаскано и он теперь нищий, что там следы его ужасного дела. Его должно было мучить: знают ли уже? Пришел ли кто-нибудь? Его бы против воли туда потянуло. Где же тут до Порховникова? Откуда бы

взялись прежняя энергия преследовать должников? Не ясно ли, что этот человек продолжает свою нормальную жизнь, что ему в эти минуты никакая беда еще не снилась... А разгадчики дела на все это даже не обращают внимания! Я утверждаю, что вы нигде не найдете убийцу, который бы так неподражаемо разыграл невинность в это утро, именно этими поисками Порховникова, как разыграл ее Миронович, а не найдете потому, что так именно мог поступить только действительно невиновный...

Сообразите, наконец, что Миронович от начала до конца ни от одного своего слова не отступил, ни разу не солгал и не впал в противоречие. А для виновного срок был слишком велик, чтобы не соблазниться и не солгать; вспомните только, как другие в этом деле зарпортовались и меняли показания! Сопоставьте его поведение накануне убийства и на другой день; вспомните, что ни одной царапины ни на лице, ни на руках у него не было; обратите внимание на то, что у него был сделан полицейский обыск – и весь гардероб его оказался налицо; ни малейшего скандального пятнышка на белье (а будь здесь неодолимая страсть – пятна секретного происхождения непременно бы нашлись), ни одной скрытой, окровавленной или замытой одежды. Вспомните, наконец, что Сарра Беккер невинна. Не ясно ли, что все, чем стараются опутать Мироновича, спадает с него, как шелуха; что в этом обвинении нет ни одной живой, осмысленной, проникающей в нашу совесть улики; все они, эти улики, не что иное, как собрание восковых фигур. Нет никакой внутренней силы, нет истины в этом обвинении!

23. Прочтите защитительную речь Ф.Н. Плевако по делу Качки (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 308–314). Как в ней осуществляются слова Цицерона: «... все постро-

ние убедительной судебной речи основано на трех вещах: доказать правоту того, что мы защищаем; расположить к себе тех, перед кем выступаем; направить их мысли в нужную для дела сторону»? Приведите конкретные примеры из текста речи.

24. Какие образные средства применяются в защитительной речи С.А. Андреевского по делу крестьянского парня Зайцева, совершившего убийство с целью ограбления после того, как купец Павлов выгнал его с работы, оставив без угла, без крова, без средств существования. В чем заключается действенность образной речи? Как формируется оратором нравственно-психологическая готовность присяжных вынести оправдательный приговор?

... Человек, брошенный на улицу, это все равно что блуждающая звезда, которую никто не управляет: она может своим ударом разрушить всякое препятствие на своем пути и сама об это препятствие разрушиться. Мысли такого человека не текут подобно нашим. Человеческие правила, понятия о долге кажутся ему чем-то исчезнувшим в тумане: он слышит шум, он видит огромные дома или лица прохожих, но той мягкой точки зрения, с которой на все это смотрим мы, у него нет: Будущая неделя, месяц, год для него такие страшные призраки, что он об них не смеет и подумать; он отгоняет от себя попытку заглянуть в них, хотя знает, что они наверное настанут. И вот такой-то внутренний мир носил в себе Зайцев, когда он очутился... без угла и крова, среди улиц Петербурга.

25. Какие риторические приемы применяет «король адвокатуры» В.Д. Спасович в следующих фрагментах речи? Чему способствует применение этих приемов?

1) По делу Н. Андреевской В.Д. Спасович обратил внимание на несостоятельность заключения медицинской экспертизы по нескольким существенным фактам, что вызывало сомнение в компетентности экспертов. При этом он заметил, что раз эксперты ошиблись в нескольких фактах, то обаяние их авторитета пропало: «Авторитет есть нечто цельное, как заговор. Раз в одном пункте его провалишь, он провалится и во всей своей целости».

2) Сами ответчики не могут не отрицать, что нет ни одной черты в первой части заключения, которая бы не была бы живьем взята из источников. Они в претензии только за то, что в эту картину не внесены все те показания, которые удостоверяют, что хотя мозг у Терпигорева был атрофирован, размягчен, но этот мозг не вполне бездействовал, что Терпигорев все-таки до конца жизни своей говорил, ходил, сопротивлялся, когда его заставляли делать то или другое. Но с этим, господа судьи, и мы вполне согласны: мы сами не отрицаем того, что Терпигорев до конца своей жизни говорил, хотя запинаясь, отвечал, хотя некстати, ходил, хотя спотыкаясь, брал вещи, хотя они у него из рук валялись, чего-то желал, хотя окружающие могли им управлять, как двухлетним ребенком.

26. О каких коммуникативных качествах судебной речи говорит С.А. Андреевский во фрагменте из работы «Об уголовной защите»? Вы согласны с его мнением? Ответ аргументируйте.

1) Говоря перед судьями, в особенности в трудных делах, я всегда чувствовал, что мне прежде всего нужно было бороться с как бы уже готовым недоверием ко всему, что мне придется сказать. Являлась потребность убеждать судей самым тоном моей речи, что я не фигляр и не фокусник, намеревающийся незаметно отводить им глаза,

а что я собеседник, желающий попросту помочь им в их задаче. Согласятся – хорошо, не согласятся – их воля. Поэтому мои слушатели вскоре испытывали полную свободу от всяких искусственных гипнозов, и с той минуты уже ни одно мое слово не пропадало даром. И я всеми нервами всегда старался до конца удержать за собою их доверие.

2) Я просто не способен к лживым изворотам: мой голос, помимо моей воли, выдаст меня, если я возьмусь развивать то, во что не верю. Я нахожу всякую неправду глупую, ненужную, уродливую, и мне как-то скучно с нею возиться. Я ни разу не сказал перед судом ни одного слова, в котором бы я не был убежден.

3) Как-то в Вильне один из приятелей моего клиента после прений сказал мне: «Что бы о вас ни думали, но каждый слушающий вас поневоле чувствует: этот человек говорит правду».

27. Ознакомьтесь с речью в защиту Артемьева (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 407–410). Какие ошибки допущены адвокатом в подборе аргументов? Как бы вы построили аргументацию?

28. Прочтите речь Я.С. Киселева в защиту Бердникова (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 362–376). Какие черты в ней обусловлены лучшими традициями классического судебного ораторского искусства XIX века и что нового привносится из неориторики?

29. Ознакомьтесь с обвинительной речью по делу Кителева (Ивакина, Н.Н. Основы судебного красноречия: Риторика для юристов: Учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. – М., 2007. – С. 393–395). Какие нарушения в ее построении вы можете отметить? Есть ли нарушения языковых норм? Назовите их и исправьте.

30. Познакомьтесь с отрывком из книги Цицерона «Оратор». Что общего, по его мнению, между ораторской речью и искусством спора и чем они отличаются? Вы согласны с этим положением? Ответ аргументируйте.

Итак, я полагаю, что совершенный оратор должен не только владеть свойственным ему искусством широко и пространно говорить, но также обладать познаниями в близкой и как бы смежной с этим науке диалектикой. Хоть и кажется, что одно дело – речь, а другое – спор, и что держать речь и вести спор вещи разные, однако суть и в том и в другом случае одна, а именно – рассуждение. Наука о разбирательстве и споре – область диалектики, наука же о речи и ее украшениях – область ораторов. Знаменитый Зенон, от которого пошло учение стоиков, часто показывал различие между этими науками одним движением руки: сжимая пальцы в кулак, он говорил, что такова диалектика, а раскрывая руку и раздвигая пальцы – что такую ладонь напоминает красноречие. А еще до него Аристотель сказал в начале своей риторики, что эта наука представляет как бы параллель диалектике, и они отличаются друг от друга только тем, что искусство речи требует большей широты, искусство спора – большей сжатости.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ТЕМАМ ЛЕКЦИЙ

Тема № 1. Риторика как наука об ораторском искусстве.

Специфика судебного красноречия

К вопросу 1. Риторика как филологическая дисциплина. Предмет и задачи ее изучения. Виды риторики. Основные разделы риторики. Риторический канон. Основные законы общей риторики. Специфика судебного красноречия

Основной закон риторики – закон гармонизации речевого общения – реализуется в ряде принципов речевого поведения, которые позволяют диалогизировать речевое общение, чтобы получить живой и активный отклик слушателя на речь говорящего. Назовем эти принципы.

1. **Внимание к адресату.** Этот принцип предполагает учет в процессе речевого общения особенностей адресата, его интересов, взглядов, жизненных установок и ценностей. Так, есть темы, которые в беседе с данным конкретным человеком или в речи, адресованной определенной аудитории, вовсе не стоит затрагивать. «В доме повешенного не говорят о веревке» – гласит народная мудрость. Кроме того, вряд ли стоит затрагивать такие темы или высказываться в категоричной форме такие мнения, по которым данный собеседник или данная аудитория заведомо с вами не согласятся, поскольку принципиально не приемлют вашу точку зрения.

Приведем пример. Докладчика попросили выступить с сообщением на научную тему в клубе феминисток. Тема доклада касается речевого поведения женщин. Докладчик вовсе не поддерживает ни идей, ни принципов феминизма. Вряд ли ему стоит высказываться и отстаивать свое негативное мнение о феминистском движении в ходе доклада. Конфликт неминуем. Лучше всего в этом случае построить речь в

форме информационного сообщения, в котором можно объективно изложить научные данные, обобщить их, но воздержаться от всякого рода оценок.

В современных западных руководствах по ораторскому мастерству рекомендуется составить «социальный портрет» слушателя (аудитории). Он создается в результате ответов на следующие вопросы:

1) социальное положение слушателя или социальный состав аудитории (однородность / неоднородность, дифференциация аудитории по признаку пола, возраста, социального положения – руководитель, администратор, коллега по работе и т.д.);

2) размер аудитории (2–4 человека, 12–15 человек, 40–50 человек, массовая аудитория);

3) круг интересов адресата, набор «запретных» тем, индивидуально-личностные качества собеседника (особенности характера, темперамента, вкусы, индивидуальные предпочтения);

4) цели слушателей (почему люди собрались? с какой целью? что они хотят получить от вас как оратора?);

5) учет личных и насущных потребностей и интересов адресата.

Не без основания говорят, что начинать речь или беседу без предварительной оценки адресата (аудитории) – это все равно что выходить в море без карты.

Это принцип в других риториках формулируется как закон моделирования аудитории, который предполагает знание оратором аудитории, перед которой ему предстоит выступать. Он должен иметь представление о трех главных признаках, составляющих «портрет» любой аудитории. Ее социально-демографические признаки определяются полом, возрастом, национальностью, уровнем образования, профессией и др. Социально-психологические признаки обусловлены мотивами поведения, отношением к предмету речи и говорящему, уровнем понимания обсуждаемых проблем. Индивидуально-

личностные признаки учитывают тип нервной системы, способ мышления, особенности мышления, темперамента слушателей и др.

2. Следующий принцип, реализующий закон гармонизирующего диалога, – **принцип близости**. Он требует выбирать и использовать в речи именно те факты, примеры, образы и доказательства, которые взяты из области, жизненно важной и хорошо знакомой, интересной и доступной слушателю. Представьте, что в программе криминальных новостей вы слышите, что преступник был пойман: в вашем городе, в вашем районе, на вашей улице. Какое сообщение больше привлечет внимания? Чем ближе речь к тому, что хорошо знакомо и дорого, тем более «лично» и полно воспринимается сообщение. Эксперименты показывают, что понимание текста улучшается, если его содержание близко интересам и потребностям людей, которые слушают или читают этот текст: чем больше эта близость, тем меньше вариантов понимания обнаруживается, когда адресатов просят пересказать услышанное или прочитанное. Это означает, что сообщение лучше, адекватнее воспринято. Поэтому умелые ораторы на всем протяжении речи стремятся постоянно показывать, почему сообщаемое лично важно для адресата и каким образом обсуждаемый вопрос непосредственно связан с его жизненными интересами. Аристотель замечает, что «слушатели внимательно относятся ко всему великому и к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному, поэтому следует внушать слушателям, что речь идет о подобных предметах» (Аристотель. Риторика. Книга третья. С. 14).

3. **Принцип конкретности**. Конкретность позволяет зримо воспринимать звучащее слово. Поэтому образную, живую речь (в отличие от общих фраз, абстрактно-расплывчатых рассуждений) можно легко и без напряжения слушать. При этом необходимо соблюдать следующие требования:

1) Обязательно должны быть примеры – конкретные проявления и подтверждения ваших мыслей.

2) Речь должна быть образной.

3) Тщательно отбирайте слова в речи: лучше употребить не родовое наименование, а видовое – не *головной убор*, а *шляпа*, не *транспорт*, а *автобус*, не *цветок*, а *роза* и т.д. Если вы приводите факты, по возможности конкретизируйте их (слушатель более внимательно отнесется к тому, что произошло у метро «Фрунзенская», чем у *станции метро*).

4) Структура речи тоже участвует в создании конкретности. Так, целесообразнее формулировать вопросы плана как можно более конкретно.

4. Принцип движения. Речь имеет линейный характер, т.е. она развернута во времени. Она имеет начало и конец, а между ними лежит путь, который говорящий должен пройти вместе со слушателем. В сознании говорящего должен был сформирован маршрут, по которому он будет двигаться вместе со слушателем, и этот маршрут должен максимально облегчить восприятие и понимание речи адресатом.

Ученые установили, что одной из важнейших характеристик текста, определяющих возможности его понимания, является степень его абстрактности, которая рассматривается одновременно как уровень «непонятности». «Читабельность» текста – величина, обратная степени абстрактности его. Чем конкретнее речь, тем легче адресату воспринимать эту речь, тем больше коэффициент его усвоения.

Второй закон общей риторики – **закон продвижения и ориентации адресата.** Он гласит, что **речь становится эффективной, если говорящий осведомляет адресата о том, каков «маршрут» совместного продвижения от начала речи к ее концу.** Чем лучше адресат представляет себе, куда «ведет» его говорящий, тем лучше он воспринимает сообщаемое. Поэтому говорящий должен: а) постоянно осве-

домлять адресата о том, какова «карта речи»; б) сообщать о позиции на этой карте; в) создавать ощущение движения.

У Аристотеля есть образ, который великолепно иллюстрирует этот закон риторики: состязающийся в беге не чувствует утомления, если видит перед собой предел (конечную цель), которого должен достигнуть. Если же этот «конец» не виден, как бывает на поворотах, то бегуны начинают задыхаться и ослабевать.

Таким образом, второй закон риторики требует, чтобы слушатель с помощью говорящего был сориентирован в «пространстве» речи и чтобы он чувствовал, что вместе с говорящим продвигается к цели.

Какие же средства предлагает риторика для осуществления второго закона?

В первую очередь чувство движения у адресата создается общей структурой речи, тактикой ее организации. Структура речи должна быть предельно ясной как для самого оратора, так и для его слушателей. Переходы от одной смысловой части к другой создают впечатление, что оратор движется вперед, не отвлекаясь, не возвращаясь к тому, что уже пройдено. Сократ в диалоге Платона «Протагор» так говорит о плохих ораторах: «Ораторы, даже когда их спрашивают о мелочах, растягивают свою речь, как долгий пробег». Это выражение восходит к практике Олимпийских игр. «Долгий пробег» был особым видом состязания, при котором ристалище нужно было объехать двенадцать раз подряд. Смысл этого сравнения состоит в том, что оратор затягивает свою речь, а также без конца кружится на одном месте, возвращается много раз к одному и тому же. А вот как Сократ в том же диалоге формулирует свой риторический идеал, описывает поведение хорошего оратора: нужно и уметь «говорить длинные прекрасные речи», и «отвечать кратко на вопросы, а задав... вопрос – выжить и выслушивать ответ. На это немногие способны».

Кроме принципов построения речи в целом, создающих ощущение движения, в классической риторике выработались даже принципы построения отдельной фразы, которые способствуют легкости ее восприятия. Фраза должна иметь хорошо заметную структуру. Аристотель писал: «Я называю непрерывным такой стиль, который сам по себе не имеет конца, если не оканчивается предмет, о котором идет речь; он неприятен по своей незаконченности, потому что всякому хочется видеть конец; по этой-то причине (состязающиеся в беге) задыхаются и обессиливают на поворотах, между тем как раньше они не чувствовали утомления, видя перед собой предел (бега). Стилем же периодическим называется стиль, составленный из периодов. Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает и что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходиться – неприятно. Понятна периодическая речь потому, что легко запоминается, а это происходит оттого, что периодическая речь имеет число, число же всего легче запоминается. Поэтому все запоминают стихи лучше, чем прозу...» (Аристотель. Риторика. Книга третья. С. 9).

Выработались в риторике и правила, создающие ощущение движения и касающиеся самого процесса исполнения, произнесения речи. Лишние паузы, не имеющие смысловой нагрузки, особенно наполненные словами-паразитами типа *ну, как его, в общем, как сказать* или междометиями *э-э-э, о-о-о* и т.д., слишком медленный темп речи, повторения – все это мешает восприятию речи.

К вопросу 2. Зарождение ораторского искусства в древнем мире.

Риторика в Древней Греции и Древнем Риме. Выдающиеся ораторы античности (Демосфен, Цицерон, Квинтилиан).

Античное судебное красноречие

Вслед за А.К. Михальской можно сформулировать риторический идеал софистов. Он обладал следующими особенностями.

1. Риторика софистов – **риторика «манипулирующая», монологическая**. Для них показателем высшего риторического мастерства было умение манипулировать аудиторией: «употребить красное словцо, поразить слушателя неожиданными метафорами и вообще ораторскими приемами, возбудить гнев и негодование как у отдельного человека, так и у толпы, а вместе с тем при помощи убедительного артистизма успокоить человеческое страдание...» (Лосев, А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – С. 47). Адресат для говорящего в этой риторике – скорее пассивный объект воздействия, чем активный субъект.

2. Риторика софистов – **риторика агональная** (от греч. *agon* – борьба, состязание), т.е. риторика словесного спора, состязания, борьбы. «Хороший оратор познается в борьбе» – вот лозунг софиста. Спор, направленный на победу одного и поражение другого, – цель софиста.

3. Риторика софистов – **риторика относительности (релятивистская риторика)**. Не истина была целью софистов, а победа: в мире нет ничего устойчивого, окончательно определенного, никакого смысла, никакой истины, есть только то, что удалось или не удалось доказать (Михальская, А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М., 2001. – С. 453).

Не удивительно поэтому, что риторика софистов вскоре была подвержена безжалостной критике со стороны представителей диалектической риторики – Платона, Сократа и Аристотеля.

Расцвет софистики в античной Греции был бурным, но недолгим. Первый вызов софистическому идеалу философии и риторики был брошен **Сократом** (471–399 гг. до н. э.), учеником софистов, а впоследствии их безжалостным критиком. Сократ во главу угла ставит логическое доказательство. Согласно его концепции, только **верная мысль рождает верное слово**. Для него главными философскими вопросами становятся вопросы смысла человеческого существования, предназначения человека, природы знания и истины.

Приведем пример самой короткой речи Цицерона с комментарием Н.А. Безменовой.

Цицерон, давно уже не державший речей в Сенате, берет слово, чтобы поблагодарить Цезаря за прощение оклеветанного и впавшего в немилость Марцеллия. Оратор прекрасно осведомлен о крайнем недоумении, царившем среди сенаторов из-за его длительного молчания. Даем в переводе чрезвычайно лаконичную речь Цицерона и попытаемся ее проанализировать.

«Долго я хранил молчание. Но не из-за страха. Мешала боль за друга. Пока существует сострадание, нет места клевете. Истина всегда торжествует» (Марк Туллий Цицерон I, 106–4 гг. до н. э.).

Текст, вызвавший овацию римских сенаторов, оказывается почти непонятным читателю, если не восстановить ту систему внутреннего диалога, который оратор ведет со слушателями:

«Долго я хранил молчание». Эта почти избыточная фраза (на первый взгляд) оказывается уместной не только как элемент вступления, но и как вызов на диалог для объяснения своего молчания, которое приписано опасению оказаться неугодным Цезарю. Итак, аудитория вызвана на диалог, и ее первым молчаливым вопросом должен

быть: «Почему?» В самом деле, почему оратор хранил столь долгое молчание?

Ответ Цицерона скор и лаконичен. «Но не из-за страха». Это не симптоматично: со всей силой отвергает оратор оскорбительное предположение публики о его боязни высочайшего гнева. Лаконичность ответа, поддерживающая напряженность момента, вызывает новый, уточняющий вопрос аудитории: «Почему же тогда?» Ответ на этот мысленный вопрос должен быть точен, чтобы не вызвать крайнее раздражение у аудитории, не выдерживающей драматической ситуации.

«Мешала боль за друга». Здесь Цицерон почти бросает вызов Цезарю, личным врагом которого был Марцеллий. Однозначность внутреннего диалога в этом месте нарушается, и дальше можно предположить только вариант. По-видимому, аудитория должна отреагировать так: «Почему же сегодня заговорил?»

«Пока существует сострадание, нет места клевете». На афоризм, как известно, ответа нет, хотя и здесь публика вправе спросить, о чем сострадания идет речь: Цезаря, которого за амнистию Марцеллия призвал публично поблагодарить Цицерон, или самого Цицерона, страдавшего вместе с другом. Однако сильное слово клевета, брошенное как почти обвинение Цезарю, гонителю невиновных, снимает этот вопрос: сострадание жертве собственного злодеяния не может быть за слугой тирана. На какой же вопрос аудитории ответит следующая, финальная фраза Цицерона? По-видимому, вопрос этот должен быть таким: «Кто же, если не Цезарь, способствовал твоей радости и реабилитировал Марцеллия?!».

Цицерон отвечает утверждением, звучащим не банально в этой ситуации:

«Истина всегда торжествует». Таким образом, не Сенат, не Цезарь, а высшая справедливость – вот подлинный судья человеческих поступков.

Не правда ли, удивительное похвальное слово Цезарю? (Безменова, Н.А. Очерки по теории и истории риторики / Н.А. Безменова. – М., 1991. – С. 19–21).

История римской риторики с древнейших времен до современной эпохи представлена в трактате «Брут», рассуждения о стиле и ритме – в трактате «Оратор». Цицерон – теоретик и практик красноречия. Знаменитый римский поэт Катулл называл его «*optimus omnium patronus*» – «отменнейший всеобщий адвокат».

Для Цицерона риторика даже выше философии («... Самый заурядный оратор, даже не очень образованный, но обладающий опытом в речах, побьет философов этим своим нехитрым опытом и не даст себя обижать и презирать»), и даже выше поэзии: поэзия в сравнении с риторикой, как говорит Цицерон, более легковесный вид словесного искусства.

Как пишет А.К. Михальская, «риторический идеал Цицерона – идеал философа- стоика: все страсти подвить, безобразное в мире игнорировать, наслаждаться красотой не только и не столько истины, сколько формы (речи)». Никаких «резких движений»: лучше размеренное, плавное течение в меру украшенного слова. Именно поэтому период – ритмизированная, гармонизированная фраза – стал предметом пристального внимания Цицерона как теоретика риторики и любимой риторической фигурой Цицерона-практика. На одной странице текста Цицероновой речи можно найти по 4–5 периодов – длинных, искусно построенных: для Цицерона гармония в речи, в слове – это результат подавления аффектов, торжество ритма, принципиального игнорирования всяких крайностей и темных сторон жизни (Михальская, А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М., 2001. – С. 458–459).

Завершая рассмотрение ораторского таланта Цицерона и отмечая его огромную роль в теории и практике античного красноречия, приведем слова Аполлония (оратора на Родосе), который так объяснял причины своих слез после одного из выступлений Цицерона: «Тебя, Цицерон, я хвалю и удивляюсь тебе, но жалею о судьбе Эллады, воочию убеждаясь, что единственное из прекрасного, оставшееся у нас, – образованность и красноречие, – и то, благодаря тебе, сделалось достоянием римлян».

Горгия называют «отцом софистики». Золотая статуя Горгия, поставленная в Дельфах, подтверждает заслуги этого софиста перед греческой культурой, а также заметную роль, которую Горгий сыграл в исторической судьбе Афин: своей знаменитой Олимпийской речью ему удалось сплотить греков против мидян и персов. Вот как пишет о риторической деятельности Горгия А.Ф. Лосев, опираясь на античные источники: «Он первый ввел тот вид образования, который готовит ораторов, специальное обучение способности и искусству говорить и первый стал употреблять тропы, метафоры, аллегии, превратное употребление слов в несобственном смысле, инверсии, вторичные удвоения, повторения, апострофы и парисосы... Берясь обучать всякого прекрасно говорить и будучи, между прочим, виртуозом краткости, Горгий обучал всех желающих риторике с тем, чтобы они умели покорять людей, «делать их своими рабами по доброй воле, а не по принуждению». Силою своего убеждения он заставлял больных пить такие горькие лекарства и претерпевать такие операции, принудить к которым их не могли даже врачи» (Лосев, А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М., 1969. – С. 34–35). Горгий определял риторику как искусство речей и специально за-

нимался теорией судебного и политического красноречия. По мнению А.Ф. Лосева, всю историю риторики у греков правильнее начинать именно с Горгия.

Известнейший софист Горгий утверждает, что оратор может говорить «обо всех вещах самым лучшим образом», потому что «ничто из существующего не существует». Софисты часто прибегали к так называемым **софизмам** – логически или в деталях верным, но по сути не истинным суждениям, приводящим к ложным выводам, а иногда к абсурду. Приведем примеры таких софизмов.

– *Ты имеешь то, что не потерял?*

– *Да, разумеется.*

– *Значит, ты рогат.*

Софизм построен на семантической несоотнесенности слов *иметь* и *терять*: потерять можно лишь то, что у тебя есть.

Или знаменитый софизм об Ахилле и черепахе. Ахиллес никогда не догонит черепаху: черепаха подходит к точке А, но пока Ахиллес достигнет точки А, черепаха будет уже в точке Б и т.д. Ахиллес будет приближаться к черепахе, но никогда не догонит ее. Уловка здесь в том, что решающий задачу мыслит дискретно, тогда как движение и Ахиллеса, и черепахи непрерывно, хотя и имеет разные скорости.

Таким образом, говоря об исторической роли софистов, А.Ф. Лосев называет их и наглецами, и мастерами словесной эквилибристики, и просто шарлатанами, но отмечает ум и утонченность этих шарлатанов: «Они и философы, и ораторы, и драматурги, и поэты, и учителя красноречия, и дипломаты, и представители специальных дисциплин, и актеры на своих ораторских трибунах, и воспитатели молодежи, и законодатели, и профессиональные политики, и веселые анархисты, которым все нипочем, и серьезные моралисты...» (Лосев,

А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – С. 47).

Можно сформулировать риторический идеал Сократа (Платона), в основном сходный с идеалом Аристотеля:

1. **Диалогический**: каждый из участников общения выступает как активный субъект собственной речи и мысли; не манипулирование адресатом, а пробуждение его к мысли – вот цель речевого общения и деятельности говорящего.
2. **Гармонизирующий**: главная цель разговора, спора, монолога – не победа и вообще не борьба, а объединение усилий участников общения для общей цели, достижение определенного согласия между ними по поводу смысла, цели и результатов общения; кроме того, и сама речь понимается Сократом как гармоничное «существо», все части которого образуют соразмерное целое.
3. **Смысловой** – цель разговора между людьми, цель речи – поиски и обнаружение истины, смысла, которая не есть какой-то фантом, призрак, иллюзия, а заключена в предмете речи (обсуждения) и может быть обнаружена (Михальская, А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М., 2001. – С. 454–455).

В качестве обязательных структурных частей речи Аристотель называет предисловие, обвинение, способы его опровержения, рассказ – изложение фактов, доказательства, заключение. Свои рассуждения он подтверждает ссылками на классических ораторов, гомеровский эпос, на трагиков.

Аристотель создал также учение об **этосе, пафосе и логосе** – основных категориях научной риторики. Под **этосом** понимается уме-

стность речи, ее соответствие морально-нравственным требованиям слушателей, которые могут принять эту речь или **отвергнуть**. **Пафос** – это замысел создателя речи, развиваемый перед слушателями. **Логос** – словесные, языковые средства, которые оратор использует для убеждения. При этом всякий вид речи – неизбежное единство этоса, пафоса и логоса. Все три вида речи (совещательная, эпидейктическая и судебная) выступают в единстве, во взаимодействии. Так, в судебной речи этос – народный суд в Афинах. Пафос – стремление выяснить правду, восстановить истинную картину отношений сторон. Логос – словесное оформление судебного поединка.

В «Риторике» Аристотеля впервые разобраны все составляющие речевого общения (замысел и содержание речи, образ оратора, эмоция, композиция, стиль).

Итак, аристотелевская **риторика – наука о способах доказательства вероятного, возможного, правдоподобного**. Труд Аристотеля оказал огромное влияние на все дальнейшее развитие теории красноречия.

Предметом своей деятельности Демосфен избрал защиту интересов эллинов и никогда не менял своих убеждений. Его лучшие речи – «О венке», «За освобождение от повинностей», «Против Аристогитона» – пронизаны мыслью, что все нравственно прекрасное заслуживает уважения.

Наиболее знаменита речь «О венке» («За Ктесифонта»). Демосфен выступил инициатором усовершенствования городских укреплений и вложил в это письмо немало личных средств. Ктесифонт внес в Совет 500 предложение наградить Демосфена золотым венком, однако из-за протеста македонской партии награждение было отложено. Когда Александр Македонский одержал победу над Грецией, маке-

донская партия начала процесс против Ктесифонта. По существу это был протест против Демосфена, вступившего в состязание с вождем македонской партии Эхином. В этой речи, обращаясь к Эсхину, Демосфен говорит: «Не слова, Эсхин, и не звук голоса составляют славу оратора, но направление его политики».

Интересна композиция речи: оратор начинает и заканчивает ее обращением к богам. Главной частью является изложение существа дела, ясное по форме, полное динамики и экспрессии. Здесь рассуждение перемежается с повествованием. В речи большое количество изобразительных приемов: великолепная градация, метафоры, риторические вопросы. Манера произнесения речей тоже была очень бурной, оратор стремился к максимальной внешней выразительности. Эратосфен утверждал, что во время произнесения речи Демосфена охватывало какое-то вакхическое неистовство. Особое значение он придавал интонационно-выразительным средствам.

В результате упорного труда Демосфен овладел всеми лучшими качествами, которые были у других ораторов, хотя все греческие ораторы мастерски владели правилами устной речи. Древнегреческий историк Плутарх так писал о Демосфене: «Демосфен сперва обратился к искусству речи, чтобы поправить собственные дела, а впоследствии, достигши мастерства и силы, стал первым уже на состязаниях на государственном поприще и превзошел всех остальных граждан, поднимавшихся на ораторское возвышение».

К вопросу 3. Древнерусская риторика. Развитие риторических идей в России (XVIII–XIX вв.). Русское судебное красноречие второй половины XIX века. Неориторика

Основные черты древнерусского риторического идеала можно сформулировать следующим образом:

- **Беседуй только с достойным.** Это важнейшее правило ведения беседы приводится в русских риторических руководствах вплоть до 20-х годов XX в., например в «Поучении Владимира Мономаха» правила выбора достойного собеседника определяются следующим образом: «... *С нелепыми женщицами не беседовать...*»; «*Чадо, умному мужу что ни скажешь – примет это в сердце свое, а глупца, хоть кнутом его бей, ничему не научишь*», – поучает Акир («Повесть об Акире Премудром»). В общей форме это требование выражается в пословицах: «*Лучше с умным камни носить, чем с глупым вино пить*».
- **Выслушай собеседника.** «... *С равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуместь...*, – советует потомкам Владимир Мономах, – *при старых молчать, премудрых слушать*». Достойный собеседник – старый и премудрый человек – достоин уважения и внимания к своему слову.
- **Кротость в беседе.** Здесь реализуется общая христианская заповедь кротости и смирения. Осуждаются как большой грех нарушения этого требования: словесная брань, всяческая хула, наветы, клевета, громкая и крикливая речь, пустословие, несдержанность речи и многословие. «*Глаза держать книзу, а душу ввысь*» («Поучение Владимира Мономаха»).
- **Осуждение многословия, пустословия, несдержанности языка, грубости.** В древнерусском сборнике «Пчела» приводится изречение Соломона («Муж, склонный язык распускать, попадает в беду») и специальную главку «О болтливости», в которой читаем: «*Говори, что достойно, и когда достойно, и о тех, кто достоин, – и не услышишь того, что недостойно. Цветок миндаля от мороза гибнет, ибо раньше других расцветает; люди же от излишней болтливости разрушаются. Следует постоянно сдерживать язык разумом и пресекать потоки слов...*». Грех

многословия и пустословия отражен в многочисленных русских пословицах: *«Не спеши языком, торопись делом»*. *«Слово – серебро, молчание – золото»*. *«Сын мой, если хочешь кому-либо сказать слово, то не спеши, а поразмысли в сердце своем и скажи то, что нужно, лучше ведь ногой споткнуться, чем языком»*, – наставляет Акир.

- **Хвала предстает добродетелю, а хула всегда греховна.** Доброе слово – первое, с чем нужно обратиться к человеку. *«Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите»*, – велит Владимир Мономах. Особенно предостерегает он от хулы: *«Лжи остерегайся и пьянства и блуда, от того ведь душа погибает и тело»* («Поучение Владимира Мономаха»). Достойной считалась речь, несущая правду, но не хулу, чуждая недоброжелательному осуждению, пустой злобной брани. Лучше промолчать, чем осудить, а если уж порицать, то доброжелательно.
- **Доброе слово всегда желанно и благословенно, но противопоставлено лести и лжи.** *«Лживые люди, хотя и доброю речью сговариваются, но нравом бесчестны»* («Пчела»). Похвала не должна быть чрезмерно льстивой.

Первым памятником, который является предшественником риторик XVIII в., исследователи считают трактат «О образах», входящий в «Изборник Святославов 1073 года» и приписанный Георгию Хуровскому. Это славянский перевод трактата византийского ученого и библиотекаря высшей школы в Константинополе Георгия Херобоска. Первые ставшие известными истории занятия риторикой в России были сосредоточены в монастырях – центрах древнерусской книжности. В. П. Вомперский в книге «Риторика в России XVII–XVIII вв.» (1988)

констатирует формирование четырех локальных ареалов, в которых создавались самые ранние риторики. Первый ареал – это северо-восточная и центральная Россия, где находились древние центры русской книжности и образования: Вологда с Кирилло-Белозерским монастырем, Ростов Великий, позднее Москва.

Именно в границах этого ареала дошла до нас самая ранняя из риторик Древней Руси – «Риторика» Макария (1617–1619 гг.). О происхождении риторики, приписываемой Макарию, до сих пор ведутся споры. Однако сейчас известны 34 списка этой риторики с 1620 г. и до петровского времени. Второй ареал – северо-западный: Новгород и монастыри, расположенные вокруг него. К этому ареалу относится создание в 1699 г. «Риторика» М. И. Усачева. Третий ареал (северный) сформировался позднее – к началу XVIII в. Он был создан старообрядцами в Выгорецком общежительстве. Четвертый ареал располагался на юго-западе: это Киев с Киево-Могилянской академией и Чернигов. Риторические сочинения данного ареала, относящиеся к 30-м гг. XVII в., написаны в основном на латинском, иногда на польском языках. Таковы Слуцкий «Компендиум по риторике» (1629–1631 гг.), первое печатное руководство по гомилетике ректора Киево-Могилянской академии Иоанникия Галятовского (1659 г.) под названием «Наука короткая альбо способ зложеня казаня» и ряд других киевских риторик XVII – начала XVIII в. Судьба риторики в последней трети XVII – начала XVIII в. была связана с именами А. Х. Белобоцкого, Николая Спафария, Софрония Лихуда, Лаврентия Крщоновича, Стефана Яворского. Однако подлинных вершин в теории поэтики и риторики в доломоносовский период достиг Феофан Прокопович в двух сочинениях «Искусство поэтики» (1705 г.) и «Искусство риторики» (1706 г.). Хотя это риторическое сочинение было задумано как руководство к созданию церковных проповедей, по существу оно представляло собой теоретическое обобщение и свод практических

рекомендаций по искусству красноречия. Феофан Прокопович расширил круг традиционных жанров – «видов красноречия», включил в риторiku раздел о «способе писания истории», использовал в обобщениях свой собственный писательский опыт.

М.В. Ломоносов не раз подчеркивал благотворную силу воздействия античной и европейской культур. Само определение красноречия традиционно: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению». Однако в своих эстетических и научных идеях ученый стремился к утверждению прежде всего национально-исторической темы в русской культуре. Ориентация на строй национального языка пронизывает все главы книги. Взять, к примеру, рассуждения о звуковой эвфонии: «В российском языке, как кажется, частое повторение писмени А способствовать может к изображению великолепия великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного; учащение писмен Е, И, Ъ, Ю к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей. Чрез Я показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; чрез О, У, Ы – страшныя и сильныя вещи, гнев, зависть, боязнь и печаль» (§ 172). Современно звучат все замечания о стилистике живой речи, скажем, примеры неудачных стечений согласных (ств-вз: всех чувств взор есть благороднее), гласных (плакать жалостно о отшествии искреннего своего друга); повторений одних и тех же звуков речи (тот путь тогда топтать трудно) и т. д. В «Риторике» выделены три основных традиционных раздела: «*О изобретении*», «*О украшении*», «*О расположении*». Однако в рамках традиционных схем М. В. Ломоносов изложил немало новаторских идей – о взаимоотношениях русского и церковно-славянского языка, о классификации стилей, об установлении закономерностей употребле-

ния языковых единиц, наконец, о проблеме языкового мастерства оратора, писателя, поэта. Именно в «Риторике» были высказаны мысли, которые в дальнейшем составили программу всей филологической деятельности М.В. Ломоносова. Оценивая «Риторику», академик В.В. Виноградов писал: «Можно без преувеличения утверждать, что Ломоносовым были не только заложены основы стилистики русского языка, но и предначертан проект ее будущего величественного здания. Это здание до сих пор еще не возведено, хотя материалы для него собирались многими русистами» (Виноградов, В.В. Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова // *Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика* / В.В. Виноградов. – М., 1963. – С. 212).

Риторика М.М. Сперанского была написана в 1792 г., опубликована же лишь в 1844 г. под названием «Правила высшего красноречия». Это произведение не представляет собой исчерпывающего и планомерного курса теоретической риторики. Книга посвящена искусству церковной проповеди. В отличие от авторов других академических риторик М.М. Сперанский придавал особое значение эмоциональной стороне речи: «Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий». Вслед за д'Аламбером М.М. Сперанский подчеркивал: «Ораторская кафедра есть театр великих движений духа». В наибольшей степени автора интересовала стилистика индивидуальной речи, представления о которой он раскрыл, излагая теорию слога. В книге М.М. Сперанский поставил вопрос о стилеобразующих различиях слога, о самых характерных чертах языка личности. Совершенно иной была риторика А.С. Никольского. Первая краткая риторика опубликована в 1790 г. («Краткая логика и риторика для учащихся в Российских духовных

училищах»). Третье издание вышло в составе книги «Основание Российской словесности» (СПб., 1807). Отличительные черты этой риторики – ее «грамматикализованность», усиленное внимание к проблемам жанрово-ситуативных форм речи, синкретические характеристики прозаической, ораторской и стихотворной речи. В части риторики «О сходстве слога с родом сочинений» автор классифицировал слог в зависимости от жанровых разновидностей речи (разговорный, письменный, учебный, философский, исторический, баснословный, романтический, ораторский и даже театральный). Выдающейся для своего времени следует признать риторику академика И.С. Рижского. Его «Опыт риторики» вышел в свет в 1796 г. (3-е изд. – в 1809 г.).

В истории развития русской риторики период первой половины XIX в. оказался наиболее продуктивным. Под влиянием реформы Н.М. Карамзина, ориентированной на сближение с европейской традицией, происходило становление новой стилистической концепции литературного языка, что не могло не отразиться во взглядах на новую риторику – в трудах Н.Ф. Кошанского, А.Ф. Мерзлякова, А.И. Галича, К. Зеленецкого и др. Именно на этот период приходится не менее 16 риторик широкой теоретической и практической ориентации, основной пафос которых был направлен на определение принципов организации прозаических текстов, всей сложившейся системы художественно-речевой практики. Структура риторических сочинений в то время претерпела определенные изменения. Учебная риторика, излагающая основы красноречия, существовала в двух формах: общей и частной. Общая риторика обобщала законы изобретения, расположения и выражения мысли, частная же разрабатывала принципы строения текстов по жанрам красноречия. Наиболее показательны в этом отношении риторики Н.Ф. Кошанского и К. Зеленецкого. «Общая риторика» Кошанского состояла из трех традиционных разделов: «Изобретение», «Расположение» и «Выражение мыслей, насы-

щенных новым содержанием». В центре внимания – категория стиля, именуемая слогом. Н.Ф. Кошанский определил слог как «способ выражать мысли, как искусство писать». Принципиальная позиция Кошанского в понимании стиля – требование соответствия слога изображенным мыслям, предмету изложения и закреплённость каждого вида «слога» за определенными жанрами. «Частная риторика» понималась как «руководство к познанию всех родов и видов прозы». «Частная риторика» Кошанского давала рекомендации по пяти видам красноречия: «письма», «разговоры», «повествование», «ораторство» и «ученость». Тот же принцип разграничения использован в «Общей риторике» и «Частной риторике» К. Зеленецкого. В «Общей риторике» (Одесса, 1849) излагалось общее учение о красноречии, а «Частная риторика» посвящалась другому аспекту красноречия – теории отдельных видов прозы. Нововведения К. Зеленецкого в общей риторике касались пересмотра традиции (имеется в виду отказ от учения об изобретении и распространении) и детальной разработке раздела «О чистоте письменной речи русской в лексическом отношении». Риторика все в большей степени продвигалась в сторону практической стилистики и культуры речи.

Особого внимания заслуживает труд А.И. Галича «Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» (СПб, 1830). Раскрытие Галичем признаков «совершенства языка» – это, по существу, теоретическое обращение к основным категориям и принципам, определяющим и характеризующим образцовый язык с точки зрения лучших качеств речи. Автор трактует понятие чистоты речи, ее правильности, ясности, точности и благозвучия. Пересматривая орнаментальную часть риторики, Галич отказался от традиционного деления фигур на «фигуры слов» и «фигуры мыслей» и выделил три типа фигур по их функции и характеру образования – грамматические, ораторские и политические. Употребление фигур ставилось в прямую за-

висимость от содержательного плана текста, его функционально-стилистического своеобразия. Правила общей риторики распространяются, по мнению Галича, на такие прозаические произведения, которые имплицитно обращены к адресату или слушателю: монологи, разговоры, письма, деловые бумаги, исторические сочинения, сочинения поучительные, ораторские речи. В риторике давались основные характеристики этим видам прозы и предлагались определенные рекомендации к их созданию и организации.

К вопросу 4. Понятие речевого общения. Виды общения.

Специфика речевого общения в профессиональной деятельности юриста

Рассмотрим один из примеров речевого коммуникативного акта.

Мальчик звонил в квартиру и спрашивал, живут ли здесь пенсионеры. Происходил такой диалог.

– Что тебе, мальчик?

– Я тимуровец. Мы помогаем пенсионерам, ходим в магазин за продуктами, за газетами, на почту, выполняем их поручения.

Растроганная старушка приглашает «тимуровца» в комнату.

– Бабушка, – деловито говорит он, – разрешите посмотреть вашу пенсионную книжку. У нас ведется учет пенсионеров.

Посмотрев документ:

– Все в порядке, готов выполнить все ваши поручения.

Записав в книжку все просьбы, мальчик говорит:

– Все будет сделано... Жарко у вас что-то, не дадите ли холодной водички попить?

И пока хозяйка идет на кухню за водой, подросток быстро открывает ящик буфета, из которого она доставала пенсионную книжку,

находит там деньги – недавно полученную пенсию – и прячет их в карман.

Так Саша совершил ряд краж, пока не был задержан.

В данном случае цель говорящего – создать благоприятную обстановку для кражи денег. Языковые средства рассчитаны на то, чтобы вызвать расположение собеседника (предлагает помощь, демонстрирует внимание к престарелому человеку). Условия речевого акта – непосредственное общение незнакомых друг другу собеседников разного возраста и социального опыта. В конечном итоге речевой акт достигает цели – пенсионеры обмануты, деньги украдены.

На глубинных уровнях мысли человек пользуется не только словами и предложениями, но и образами, схемами, картинками. Внутренняя речь отличается от внешней степенью ее языковой сформированности: по мере увеличения глубины ослабевает степень ее грамматического оформления. Рассмотрим примеры, характеризующие степень глубины.

I ступень. Человек составляет мысленно деловое письмо. Обдумывает каждое слово. Такая речь близка к внешней, т.к. она выверена с точки зрения литературной нормы.

II ступень. Студент обдумывает предстоящий ответ: наброски плана, факты, имена, даты. Языковое оформление не так строго.

III ступень. Вы обдумываете, ехать ли в отпуск на море. Колеситесь, подсчитываете деньги, вспоминаете прежние поездки. В сознании мелькают голоса, ощущение морского купания, запахи.... Внутренняя речь подчинена единой теме, но оформление не строгое.

IV ступень. Вы идете в ясный осенний денек по лесной дорожке. Легко дышится, мысли отрывочные и только о хорошем. Мелькают образы, вспоминаются любимые мелодии, стихи. Бывает, в таком

состоянии приходит мысль, но языковое оформление потребует записи, редактирования.

Все 4 ступени внутренней речи интересуют культуру речи, т.к. изучение внутренней речи и ее переходов в речь внешнюю дает понимание связи мышления и речи.

«Чтобы полноценно общаться, – пишет А.А. Леонтьев, – человек должен в принципе располагать целым рядом коммуникативных умений. Он должен, во-первых, уметь быстро правильно ориентироваться в условиях общения. Он должен, во-вторых, уметь правильно спланировать свою речь, правильно выбрать содержание акта общения. Он должен, в-третьих, найти адекватные средства для передачи этого содержания. Он должен, в-четвертых, уметь обеспечить обратную связь. Если какое-то из звеньев акта общения будет нарушено, то оно будет неэффективным» (Леонтьев, А.А. Психологические проблемы массовой коммуникации / А.А. Леонтьев. – М., 1974. – С. 33).

Коммуникативные умения, выделенные А.А. Леонтьевым, носят обобщенный характер. Они точно соотносятся с 4 основными этапами речевой деятельности. «Понятие деятельности, – отмечает А.А. Леонтьев, – необходимо связано с понятием мотива. Деятельности без мотива не бывает» (Леонтьев, А.А. Основы теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М., 1974. – С. 14).

Все, что мы делаем, мы делаем почему-либо или ради чего-либо. Речь – не самоцель, собственно речевого мотива обычные высказывания не имеют. Побуждением к речевому акту в естественных условиях жизни всегда является что-либо, лежащее за пределами языка. Мы говорим не для того, чтобы что-то сказать, а для того, чтобы что-либо сообщить, каким-либо образом на кого-либо воздействовать, проявить внимание к кому-либо и пр. Другими словами, мотив речи заключен

не в самой речи, а в деятельности более высокого ранга – деятельности общения (коммуникативной).

Любая деятельность включает в себя систему действий. Понятие действия имеет собственную промежуточную цель, подчиненную мотиву той коммуникативной деятельности, в рамках которой речь рассматривается.

Поясним примером. Допустим, мы хотим поздравить близкого человека с каким-либо радостным событием. Это мотив нашей деятельности, мотив, порожденный характером наших взаимоотношений, т.е. взятый из области деятельности общения. Но человека нет рядом, мы пишем ему поздравительную открытку (речевое действие), стараясь составить текст (речевая цель), чтобы передать в нем радость за него (цель подчинена мотиву).

«Способы осуществления действий мы называем операциями» (Леонтьев, А.А. Там же / А.А. Леонтьев. – С. 15). Каждое действие, помимо цели, имеет свой операционный состав. Если понятие действия соотносится с понятием цели, то понятие операции соотносится с условиями действия. Изменяются условия, в которых протекает действие, изменяются и способы осуществления действий, т.е. операции. Воспользуемся тем же примером. Допустим, мы встретились с человеком, которого хотели поздравить с успехом. Тогда, вместо того, чтобы писать открытку, мы скажем ему при встрече. Мы, так же как и в первом случае, прибегнем к речевому действию. Однако в изменившихся условиях это действие по составу и характеру входящих в него операций будет существенно отличаться от первого. Здесь будет иная форма речи – устная вместо прежней письменной; по-иному будет протекать процесс выбора языковых средств – речь спонтанная вместо прежней, подготовленной. В условиях непосредственного общения при наличии хорошей обратной связи мы отберем другие языковые средства для передачи того же содержания. Наряду с языковыми сред-

ствами мы используем также средства неязыковые – мимику, жесты, взгляд.

Примерный перечень умений, обеспечивающих восприятие высказываний (по М.С. Соловейчик):

- 1) Умение ориентироваться в ситуации и содержании общения:
 - а) осознавать свое коммуникативное намерение (есть ли желание вступать в активное общение или нет);
 - б) по отдельным признакам (заглавию, началу, внешним приметам) предполагать предмет речи, общий характер речевого произведения.
- 2) Умение планировать дальнейшие речевые действия: уточнять задачу восприятия (предельно полно «вычерпать» информацию или взять ее частично; подготовиться к возражению, продумать способ воздействия и т.д.).
- 3) Умение проникать в смысл высказывания:
 - а) умение понимать значения слов, форм слов, конструкций, интонаций, мимики, жестов;
 - б) умение реагировать на эти сигналы текста и собеседника;
 - в) умение анализировать состав микротем и формулировать общую тему высказывания;
 - г) умение определять логику развития мысли автора речи и его основную мысль, прямо сформулированную в тексте, раскрыть мысль, не сформулированную прямо в тексте (подтекст);
 - д) умение чувствовать общую тональность высказывания; отношение говорящего к предмету речи.
- 4) Умение осуществлять самоконтроль за восприятием речи: осознавать степень понимания высказывания; оценивать соотношение внутренней установки и задачи восприятия; пользоваться приемами совершенствования понимания текста.

Примерный перечень умений, обеспечивающих создание высказываний.

- 1) Умение ориентироваться в ситуации и содержании общения, т.е. осознавать свое коммуникативное намерение или мотив общения (спросить, сказать, побудить); задачи речи (говорю или пишу: чтобы поделиться мыслями, чувствами, чтобы сообщить точные сведения, чтобы воздействовать на образ мысли, чувства, поведение собеседника); особенности адресата (к кому обращаюсь: к близкому, к знакомому, постороннему человеку, равному по возрасту, положению или нет, находящемуся рядом или нет, к одному-двум или ко многим людям); предмет речи (о чем сообщает говорящий или пишущий); общий замысел, основная мысль (что хочет донести).
- 2) Умение планировать высказывание, т.е. намечать: ход развития основной мысли; микротемы, их последовательность; ведущий тип речи (повествование, описание, рассуждение), жанр; общие требования к отбору содержания и языковых средств с учетом задачи речи и адресата, замысла, типичного знания и жанра.
- 3) Умение создавать высказывание, устное или письменное, т.е. развивать тему и основную мысль, отбирать необходимое содержание с учетом ситуации общения, замысла, типа речи, жанра, распространения по микротемам, организация в рамках каждого из них; выбирая языковые средства, формулируя каждую мысль, конструируя предложение с учетом замысла и логики его развития, стиля, типа речи, жанра, требований культуры речи.
- 4) Умение осуществлять контроль за разговором; оценивать соответствие сообщения ситуации общения, замыслу, требованиям культуры речи; воспринимать или предполагать реак-

цию собеседника (степень понимания, отношения и т.д.); совокупность высказывания по ходу его создания или после.

Правила говорящего (по Н.И. Формановской)

1. Говорящему предписывается доброжелательное отношение к собеседнику. Запрещается своей речью наносить адресату разного рода ущерб: обиду, оскорбление, пренебрежение. Следует избегать прямых негативных оценок личности собеседника. *Дурак, растяпа, бестолочь, перестаньте пороть глупости, еще никогда не встречал такого бестолкового сотрудника* не способствуют достижению коммуникативной заинтересованности, благоприятным взаимодействиям.
2. Говорящему предписывается осуществлять доброжелательность, проявлять уместную в данной ситуации общения вежливость. Необходимо учитывать возраст, пол, служебное или общественное положение адресата и др. его социальные позиции и роли и соразмерить собственные социальные признаки с этими показателями партнера. Необходимо стараться смягчить речь, снять излишнюю категоричность.
3. Говорящему не рекомендуется ставить в центр внимания «я», предписывается быть скромным в самооценках, не навязывать категорично собеседнику собственных мнений и оценок, уметь встать на точку зрения партнера.
4. Говорящему предписывается поставить в центр внимания слушающего, учитывать его социальные роли, личность, осведомленность в теме, предмете речи, степени заинтересованности. Обращения, средства адресации, жесты, мимические знаки позволяют постоянно поддерживать внимание, интерес. *Вам на-*

верное интересно узнать... Вы конечно знаете что... Мы еще раньше говорили о... Хочу еще раз остановиться на... Теперь мы с вами рассмотрим... Вам наверное интересно знать... Вернусь к сказанному ранее...

5. Говорящий должен постоянно вести отбор языковых средств в соответствии с избранной стилистической тональностью текста, ориентируясь не только на адресата, но и на ситуацию общения в целом, официально – неофициально. Например, лектор говорит: «Сейчас перекрутим все с ног на голову и как жажнем по этой теории». Или дома за семейным обедом: «Нет альтернативы – борщ или рассольник. Прибегнем к референдуму и сделаем справедливый выбор», если, конечно, говорящий не иронизирует или не пародирует специально.
6. Говорящий должен помнить, что в устном контактном непосредственном общении слушающий не только слышит, но и видит его, следовательно, принимает множество сигналов невербальной (несловесной) коммуникации. Жесты, поза, мимика, общая манера держаться, культура поведения и речи. Необходимо сохранять дистанцию, принятую в данной национальной и социальной среде (латиноамериканцы любят меньшую дистанцию, чем, например, англичане). Жесты в меру.

Условия эффективного слушания:

1. Принять активную позу.
2. Сосредоточить взгляд на говорящем.
3. Поддерживать устойчивое внимание к говорящему.
4. Логически планировать процесс слушания.
5. Преждевременно не оценивать беседу или выступление.

Правила слушающего
(по Н.И. Формановской)

1. Если кто-либо обратился к вам с речью, необходимо прервать дела и внимательно выслушать, о чем вам сообщают. Отдай предпочтение слушанию перед всеми другими видами деятельности.
2. Уважительность к партнеру во время слушания. Необходимо доброжелательное, уважительное отношение к говорящему, терпение, такт.
3. Не перебивайте, не сбивайте с мысли, не вставляйте едких и колких замечаний, не переводите слушание в собственное говорение.
4. Выслушивая, поставьте в центр внимания говорящего и его интересы. Дайте ему проявить себя в речи. Подчеркивайте заинтересованность в нем, в его словах взглядами, мимикой, жестами, междометиями и «жестовыми поддакиваниями» (кивками головой), подтверждайте контакт внимания, понимания.
5. В роли слушателя надо уметь вовремя оценить речь собеседника, согласиться или не согласиться с ним, ответить на поставленный вопрос, на побуждение среагировать действием и словесно.
6. Слово – серебро, молчание – золото. Не следует вмешиваться в разговор двух лиц, отвечать на вопрос, заданный другому собеседнику, реагировать на речь не тебе.

К вопросу 5. Теория речевой деятельности.

Виды речевой деятельности (слушание, говорение, чтение, письмо)

Отбор слов, формирующих предложение, связывающих их в единое словесное целое – это еще не все. Смысл устного высказывания воплощается в интонации. Адекватная интонация – интонация, соответствующая смыслу высказывания. Можно обучиться способам найти нужную интонацию: логический способ (умение делить голосом высказывание на смысловые части), эмоциональный способ (умение передавать интонацию различных по характеру предложений: вопрос, побуждение, сообщение, восклицание). По способу осуществления говорения можно рассматривать его с точки зрения громкости, быстроты, четкости произношения. Существуют «нормальные» для данной национальности громкость и быстрота. Уместный выбор громкости, силы и четкости произношения в зависимости от того, когда, с кем и для чего говорить, имеет прямое отношение к коммуникативному общению. Где-то неуместно кричать, где-то шептать.

Цицерон говорил: «Нехорошо, когда звуки выговариваются слишком подчеркнуто; нехорошо, когда их затемняет излишняя небрежность; нехорошо, когда слова произносятся слабым, умирающим голосом; нехорошо, когда их произносят пыхтя, как в одышке. Существуют такие недостатки, которых следует избегать, например голос слабый, женственный или немзыкальный, неблагозвучный и глухой».

Проговаривание написанного текста в устной форме считается лишь воспроизведением письменного. Так действуют дикторы на телевидении, артисты, произносящие с эстрады литературные произведения.

И. Андроников в статье «Слово написанное и сказанное» пишет: «Если человек выйдет на любовное свидание и прочтет своей любви»

мой объяснение по бумажке, она его засмеет. Между тем та же записка, посланная по почте, может ее растрогать. Если учитель читает текст своего урока по книге, авторитета у такого учителя нет. Если агитатор пользуется все время шпаргалкой, можете знать – такой никого не сагитирует. Если человек в суде начнет давать показания по бумажке, этим показаниям никто не поверит. Плохим лектором считается тот, кто читает, уткнувшись носом в принесенную из дома рукопись. Но если напечатать текст этой лекции, она может оказаться интересной... Она скучна потому, что письменная речь заменила на кафедре живую устную речь» (по Н.И. Формановской).

Исследования показывают, что современный взрослый человек на чтение и письмо затрачивает 20% времени, а на слушание и говорение – 80% времени.

Письмо – тяжелый труд, т.к. здесь участвуют различные психические функции, а также мышечная энергия тренированной руки. Нужно овладеть техникой письма (карандаш, ручка), правописанием (орфография – пунктуация), уметь положить свои мысли на бумагу. Писать не то же самое, что говорить. Различают следующие виды написания.

Некоммуникативное – письмо для собственной тренировки, здесь нет адресата. Коммуникативное – передается определенная информация для адресата.

Дневниковые записи, пометки для себя образуют такую разновидность письма, которое адресовано самому себе, совпадают пишущий и читающий, но по времени речевой деятельности расходятся – всегда сначала пишут, а затем читают.

Написание классифицируют и по цели: для сообщения смысловой информации (официально-деловые бумаги), инструкции, настав-

ления, реклама – побуждающие к действию тексты. Может быть запрос информации, ставится цель поиска истины, передача эмоциональной информации (о чувствах, оценках, отношениях) в частных письмах к близким людям, в любовных письмах.

Множество жанровых разновидностей письменных текстов, и все они связаны с целевой установкой автора, ориентацией на адресата.

По способу написания классифицируют с учетом графических знаков – печатных и письменных букв, словных стенографических знаков. Каллиграфия и скоропись – по тщательности написания. Написание может быть полным и сокращенным (конспект лекции). По степени готовности для прочтения различают черновик и беловик.

Тема № 2. Специфика речевого поведения юриста

Основы речевого этикета

К вопросу 1. Речь как продукт речевой деятельности.

Функции речи. Разновидности речи. Монолог и диалог.

Структура диалогического единства

Цель общения состоит именно в восприятии речи, в ее понимании. Поэтому восприятие – это особая ступень речевого действия, весьма сложная, в ней выделяются собственные шаги (ступени).

Проследим эти ступени. Предположим, мой собеседник произнес свою реплику, акустический сигнал прозвучал, он принят мною, перцепиентом. Это и есть первая ступень восприятия: прием сигнала. Заметим, что из-за шумовых помех или из-за низкого уровня внимания эта ступень может не сработать, и процесс общения прервется.

Вторая ступень – анализ акустического потока с точки зрения фонетики того языка, на котором передается высказывание. На этой ступени мы видим начало понимания слов. Например, в акустическом

потоке: [Москвааткапепчнайсвечкизгорела] следует выделить слова *Москва, от, копеечной, свечки, сгорела*. Если неожиданно для слушателя-русского прозвучит речь на ином языке, механизм восприятия должен быть перестроен на фонетику этого языка, – или восприятие речи не состоится.

Далее (третья ступень) – узнавание значения каждого фонетического слова. Для этого оно сравнивается с имеющимися в моей памяти эталонами. Предположим, в воспринятом мною высказывании 8 слов, и для всех них в моей памяти нашлись эталоны. Это значит, что я понял все слова, и теперь мне нужно расшифровать грамматические связи между словами, чтобы понять всю фразу (это четвертая ступень восприятия).

Но допустим такую ситуацию: на 7 слов эталоны в памяти нашлись, а на одно слово нет эталона: я этого слова не знаю. Что же делать? Смириться с тем, что сообщение не понято и ниточка общения прервалась? Бывает и так, но есть у человека способность догадки на основании общего понимания ситуации речи, на основании других, понятых слов. Учитывая такую возможность, я продолжаю идти по ступеням восприятия: пятая ступень – включение понятой или не до конца понятой фразы в контекст, связывание этой не вполне понятой фразы с предыдущими репликами диалога. Может оказаться, что догадка «сработает» не сразу, а через две-три реплики диалога; бывает и так, что она не «срабатывает», в понимании остается пробел... Догадка – великое дело не только в понимании речи, но и во всей познавательной деятельности человека.

Шестая ступень – понимание второго, дополнительного, переносного смысла. Заметим, что этот уровень понимания доступен не каждому, до него надо дорасти, надо обладать не только широкими знаниями, чтобы понять скрытый смысл, но иметь развитое воображение, определенную смелость мысли. Без этого не понять прелести

метафоры, не дойдет подчас убийственная ирония, не «сработает» аллюзия.

Известно изречение Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Слушатель без воображения поймет прямолинейно и сделает вывод, что Сократ совсем не мудр, ибо он ничего не знает. Но другой слушатель, мыслящий философски, подумает: «Мудрец дошел до стадии сомнения в любых человеческих знаниях». Третий – скептик: «Старец решил порисоваться перед нами своей скромностью, своим смирением».

Седьмая ступень: оценка слушателями языкового, риторического мастерства оратора или собеседника, которое проявилось, в выступлении. Его ошибки в ударениях, в орфоэпии, в выборе слов, в образовании падежных форм и т.д. раздражают слушателя; примитивный уровень речи разочаровывает. С другой стороны, мастерство, остроумие, уместный намек, яркий художественный образ вызывают уважение к выступающему, и, следовательно, доверие к его речи.

Полный цикл речевого действия (акта) завершается новым актом, свидетельством результативности выступления.

Это может быть новый речевой акт, который имеет свою мотивацию, свои ступени внутренней подготовки, письменной или устной реализации, например, новая реплика в диалоге; письмо в редакцию – отклик на статью; письмо моего друга – ответ на мое письмо; устное выступление по следам моего доклада на собрании; звонок по телефону вечером по моему дневному выступлению.

Обратная связь – вопросы лектору из зала после лекции; многочисленные письма на телестудию после интересной передачи; это молчание («Народ безмолвствует») в заключительной сцене драмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина; это сегодняшние споры об «Илиаде» Гомера – «обратная связь» через тысячелетия; это толпа покупателей у дверей магазина после вчерашней телерекламы; это голосование на

выборах депутатов Думы после долгой кампании предвыборной агитации за того или иного кандидата; это ответы учеников на уроке или на экзамене.

Забота об обратной связи в деятельности оратора – одно из главных требований неориторики. Ведь если цель выступления – убеждение слушателей, то результат этого убеждения – это главный критерий мастерства оратора.

В сущности, все материалы современного речеведения, которые легли в основу неориторики, не только помогают понять механизмы и структуру процессов речевого общения, но конкретно подсказывают пути его совершенствования: и изучение речевых ситуаций, а также их конструирование, и забота о мотивах общения, о ясных целевых установках. И вероятностное прогнозирование результата, и четкое планирование речи, и использование различных способов выбора слов – все это дает новые возможности для мастерства речи.

Выделенные выше общие функции языка в процессе коммуникации в речи часто сочетаются друг с другом, так как общение нередко требует выражения не только мысли, но и эмоций, и воли. Примером такого сочетания могут служить многие газетные тексты. Вместе с тем указанные общие функции в речи конкретизируются в зависимости от конкретных задач общения и обстоятельств, его сопровождающих. Особенно это относится к функции общения: речь произнесенная или записанная служит средством организации совместного труда в коллективе, средством коммуникации в обществе, в стране, наконец, средством связи поколений. В одних случаях (на производстве, в быту), при непосредственном общении людей, речь представляет собой двусторонний или многосторонний процесс: она предполагает коммуникатора, т. е. того, кто говорит или пишет, и перцепиента

– лицо, воспринимающее речь. При этом в процессе коммуникации роли могут постоянно меняться.

В других случаях, при отсутствии обратной связи, речь выступает в функции сообщения (односторонний акт) и в функции сохранения информации: ср., например, ведение протокола и протокол, который хранится в архиве.

Необходимо отметить и **функцию выражения мысли**: в речи – устной, письменной или внутренней – мысль не только формулируется, но и формируется. В функции выражения мысли речь занимает огромное место в жизни человека: человек мыслит всегда, за исключением полного отдыха и глубокого сна.

С функцией выражения мысли связана еще одна функция речи – познавательная. В сущности, все человеческое познание заключено в речевые формы: книги, журналы, другие записи, устные доклады и лекции. Учебная деятельность детей – это чтение, записи, пересказы, сообщения, т. е. также виды речевой деятельности. Сами понятия изучаемых наук, как правило, обозначаются языковыми единицами – словами и словосочетаниями.

Наконец, выделяется еще одна функция речи – планирующая, регулятивная: человек устно, письменно или мысленно планирует свои действия, анализирует и оценивает поступки свои и других людей.

Наиболее естествен монолог в театре: персонажу необходимо как-то донести до зрителя мысли, вложенные в него драматургом, и здесь монолог ему необходим. Таковы монологи Гамлета, Бориса Годунова, Ленского или Германа. В спектакле или в опере монолог – одна из условностей, о которых зритель знает и на которые заранее дает согласие. Но даже в театре произносящий монолог нуждается в себе-

седнике, будь то родной сын (Годунова) или истлевший череп (в трагедии «Гамлет»).

Монолог естественен и в образовательном процессе: профессор читает лекцию студентам, излагает им научный курс, они слушают, записывают – конспектируют, иногда обращаются с вопросами: на первый взгляд монолог как монолог, речь одного.

Но и в этом случае можно подойти к лекции с точки зрения общения, и сразу станет ясно, что данная ситуация диалогическая: профессор передает материал (информацию), студенты ее воспринимают, перерабатывают в своем сознании, готовятся к обратной связи – к собеседованию, зачету, экзамену. А бывает – внутренне спорят с лектором.

Кстати, лекцию воспринимает и сам профессор, он не механически повторяет хорошо известный ему материал, он обдумывает лекцию, слушая сам себя, чему-то радуется, чем-то лишь удовлетворен, а чем-то и недоволен.

Особый вид монолога – это труд автора: писателя, работающего над романом, ученого, пишущего статью в журнал. Но специфика письменного монолога, заключающаяся в возможности длительной подготовки, корректирования, создания вариантов текста, приводит к тому, что монологом его не называют.

Специфика устного монолога: в нем сильны мотивы самовыражения личности; ослабленная установка на ответ собеседников в сравнении с репликами диалога; структура, композиция монолога всегда строже, ее организация выше, чем в реплике диалога, то же можно сказать и о выборе языковых средств – в нем меньше случайного; монолог характеризуется относительной завершенностью, как правило, он не требует непосредственной обратной связи. Нередко отмечается также, что монолог рассчитан на пассивное восприятие. Вряд ли с

этим можно согласиться: трудно представить себе такого оратора, артиста, который не рассчитывал бы на реакцию своих слушателей.

Виды монологов в жизни: речь оратора, эгоцентрическая речь ребенка или взрослого, лекция в университете, письмо – деловое или интимное, дневниковая запись, молитва, монолог в драматическом произведении, внутренний, мысленный, монологическое чтение чужого текста или своего собственного, полузабытого.

Необходимо различать монологическую речь как процесс ее порождения и монолог как текст (так же как мы различаем речь-процесс и речь-текст). Монологическая речь активна, но рассчитана на пассивное и отсроченное восприятие, возможно, критическое перечитывание и обсуждение. Это речь строгая, правилосообразная, композиционно выверенная. Но бывают монологи-импровизации, в них звучат страсть и увлечение. Таким образом, сопоставление монолога с диалогом помогает проникнуть в его природу, но не отрицает необходимости принимать его как самостоятельную форму речи.

Диалогичность речи проявляется в беседе, дискуссии, диспуте, споре, опросе. При несоблюдении правил ведения диалога он может перерасти в перебранку, создать конфликтную ситуацию. Поэтому возникла проблема культуры ведения диалога. Прежде всего должны соблюдаться принципы полемического кодекса чести. В нем сформулированы общие требования, предъявляемые к ведению диалога:

- принцип равенства, предполагающий, что ни один из участников диалога не имеет каких-либо преимуществ;
- принцип демократизма, запрещающий подмену рассуждений любыми формами превосходства одного из участников диалога;
- принцип уважения, не допускающий замены умозаключений рассуждениями, оскорбительными для партнера оценками;

– принцип объективности, нарушение которого связано с опасностью перерождения интеллектуального поединка в состязание острословов и демонстрацию пустого красноречия, не способствующего продвижению к истине.

Таким образом, в дискуссиях: 1) никто не владеет истиной в последней инстанции, «категорические императивы» исключаются; 2) всякий аргумент власти безусловно заменяется властью аргумента; 3) запрет, нажим, ярлык, в былые времена заменявшие доказательство, изымаются из обихода; 4) отныне дискуссия мыслится как словесное состязание с целью совместного поиска истины, а не с целью взаимного избиения; 5) надо уметь слушать (и слышать!) оппонента, извлекать из его суждений рациональные зерна, а не копить лишь контраргументы, оставаясь глухим к его доводам; 6) естественная эмоциональность спора не должна переходить в перебранку, нанесение ущерба достоинству участников.

Существует немало правил ведения диалога, которые выработаны в процессе общения речевой практикой и которые успешно применяют опытные ораторы. Вот основные из них:

1) не доказывайте очевидного – оппонент ждет от говорящего чего-то нового, незнакомого;

2) не приводите ярких доказательств без известной подготовки. Сначала должны быть приведены доводы не столь категоричные, но все же верные и убедительные, а в заключение произносится окончательный веский неоспоримый довод;

3) избегайте ненадежных доводов. Только самые убедительные доказательства должны входить в речь. Важно качество, а не количество;

4) в ходе доказательства не упускайте из виду главной мысли, наоборот, используйте любой случай, чтобы напомнить о ней;

5) никогда не спорьте с неумным – люди могут не заметить разницу между вами (первый закон спора по Мерфи).

Особенность речевой деятельности следователя – в диалогизации общения. Эта диалогическая сущность определена целями и формальной стороной общения следователя с участниками уголовного процесса и характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, диалог следователя с процессуальным партнером носит принудительный характер: функциональная обязанность следователя – спрашивать, для участника уголовного процесса (потерпевшего, свидетеля, эксперта) – отвечать. Общение в данном случае имеет особую психологическую атмосферу. Допрос и другие вербальные следственные действия – это не беседа на равных.

Во-вторых, инициатива диалога принадлежит следователю. В ходе диалога необходимо следить за тем, чтобы лидерство в общении оставалось за следователем.

В-третьих, роль процессуального партнера в диалоге со следователем «приглушена». Он лишен возможности активно задавать вопросы следователю.

В-четвертых, задавая вопрос, следователь прогнозирует ответ, так как располагает знанием о предмете вопроса. Он побуждает вопросом своего процессуального противника или партнера к самостоятельному изложению информации.

В-пятых, так как в вопросе содержится определенное знание, заложена исходная информация, участники диалога ревностно следят за тем, чтобы вопросом не передать излишнюю информацию противнику, широко используя для этого рефлексивное мышление.

В-шестых, диалог на предварительном следствии фиксируется процессуальным документом – протоколом следственного действия. Протокол – результат диалога, но не сам диалог, если не велась фоно- или видеозапись.

Диалогизация в речи следователя наиболее ярко проявляется в вербальных следственных действиях, и в первую очередь в допросе и очной ставке. В предъявлении для опознания, в выходе на место происшествия для проверки показаний – во всей группе вербальных следственных действий – присутствуют элементы допроса, общая система приемов общения с источником информации.

В криминалистической литературе принято говорить о допросе как о следственном и судебном действии, в процессе которого орган расследования или суд получают информацию от допрашиваемого об обстоятельствах, имеющих значение для установления истины по делу. Подчеркивается, что допрос относится к сложному, многоплановому, имеющему процессуальные, криминалистические, организационные, психологические и этические аспекты действию, в то же время является самым распространенным способом получения доказательств.

К вопросу 2. Функционально-типовые формы речи. Описание, повествование, рассуждение. Система речевых стилей и жанров

Какие же существуют функциональные разновидности языка и какие требования с точки зрения культуры речи к ним следует предъявлять? Учение о функциональных разновидностях языка имеет свою историю. Долгое время разные сферы общения понимались как стили языка и стили речи. Стилями языка считались, например, язык науки, язык художественной литературы, разговорная речь. Стилями речи признавались устные реализации стилей, такие, как учебная лекция и научный доклад, в основе которых лежит научный стиль. В последнее время лингвисты пришли к выводу, что языковые различия между некоторыми сферами общения столь значительны, что использовать по отношению к ним одно общее понятие «стиль» едва ли целесообразно. Поэтому вводится понятие «функ-

циональная разновидность языка». Широкое признание получила типология функциональных разновидностей языка, сравнительно недавно предложенная академиком Д.Н. Шмелевым. Эта типология такова:

Разговорная речь	Язык художественной литературы	Функциональные стили	
	официально-деловой	научный	публицистический

Стилями Д.Н. Шмелев называет только функциональные стили, которые (все вместе) по своей языковой организации имеют существеннейшие отличия как от языка художественной литературы, так и от разговорной речи.

Как уже говорилось, главной отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность. Вся организация языковых средств в художественной литературе подчинена не просто передаче содержания, а передаче художественными средствами. Главная функция языка художественной литературы – эстетическая (или поэтическая). С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться не только функциональные разновидности литературного языка, но и литературные формы национального языка: диалекты, просторечие, жаргонизмы и др. Интересный пример обыгрывания элементов официально-делового стиля в художественных целях В. Шукшиным в рассказе «Чудик» приводит в одной из своих работ Д.Н. Шмелев:

«В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлился. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васятка».

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде.

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверное, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал:

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка». Стало: «Долетели. Василий».

Культура владения разными функциональными разновидностями языка – это прежде всего такой выбор и такая организация языковых средств, которые отличают данную разновидность от других, определяют ее лицо.

Среди функциональных разновидностей особое место занимает **разговорная речь** (далее – РР). Еще не так давно РР рассматривалась в ряду функциональных стилей.

Дело в том, что **разговорная речь** по сравнению с другими функциональными разновидностями имеет весьма существенные особенности. Если язык художественной литературы и функциональные стили языка строятся на основе зафиксированных в словарях и грамматиках правил языка, то особенности разговорной речи нигде не фиксируются. Нигде не говорится, например, что в определенных условиях общения можно встретиться с употреблением именительного падежа существительного в высказываниях типа: «*Не скажете Третьяковку как пройти?*». Поэтому разговорная речь противопоставляется как не кодифицированная всем другим кодифицированным функциональным разновидностям языка и будет рассмотрена в специальной главе.

Для официально-делового стиля характерной чертой является штамп. Невозможно представить себе вольную форму в заявлении о командировке или об отпуске, существуют установленные образцы дипломов, паспорта и т. п. Но, конечно, культура владения официально-деловым стилем не ограничивается только знанием штампов. Разные его жанры требуют разных речевых навыков. Исследователь этого стиля П.В. Веселов рассматривает, например, культуру ведения деловой беседы по телефону. Отмечается, в частности, что для эффективности беседы необходимо сразу же отрекомендоваться (следует говорить: «Иванов у телефона», «Петров слушает», а не «Я у телефона», «Слушаю»), при ведении разговора не должно быть никаких стилевых излишеств. «Служебный диалог по телефону, – пишет П.В. Веселов, – не подробный обмен мнениями, а обмен информацией оперативного значения с целью достижения определенных действий». И продолжает: «Подобно тому, как унифицирована письменная деловая речь, можно унифицировать и устную. Зачем? Чтобы меньше говорить и больше делать» [2].

Особый жанр официально-делового стиля – это юридические документы: конституция, своды законов и др. Главное для этих документов – четкие, полные, не оставляющие места для двусмысленности формулировки, ничто не должно оставаться в подтексте; неявно выраженный смысл для официально-делового стиля не характерен. Некоторая тяжеловесность многих юридических текстов неизбежна. При их написании действует своего рода принцип: хорошо бы сказать проще, но проще не скажешь, например: «Защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом путем: признания этих прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего пра-

во, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, – неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом».

Такие юридические тексты не предназначены для быстрого усвоения неспециалистами: они требуют неоднократного прочтения.

Эффективный набор языковых средств для построения добротных в плане культуры речи научных текстов подчиняется таким требованиям, как логичность изложения, точное обозначение понятий и реалий. Научный текст немислим без терминологии, поскольку именно она обеспечивает точность обозначения. Последовательное развитие научной мысли (логика мысли) не позволяет, с одной стороны, использовать, как и в официально-деловом стиле, неявно выраженный смысл, а с другой – требует того, чтобы новое предложение постоянно вбирало в себя смысл предшествующих. Это можно осуществить, просто повторив предшествующее предложение в форме придаточного, ср.: *В предложении слова объединяются в словосочетание. То, что в предложении слова объединяются в словосочетание, определяет особые синтаксические свойства слов.* Такой способ крайне неэкономичен. Поэтому чаще используются другие способы: свертывание предшествующего предложения в отглагольное существительное, замена его местоимением и т. п., ср.: *Такое объединение определяет особые синтаксические свойства слова.* В результате этого научные тексты оказываются информативно насыщенными в гораздо большей степени, чем, например, разговорные или публицистические. В текстах многих научных специальностей (математика, физика, химия, логика и др.) органически входят формулы. Поэтому научные тексты объективно трудны для восприятия. К ним нельзя предъявлять требование вседоступности.

Нетрудно видеть, что официально-деловой и научный стили имеют немало общего. Это прежде всего **т о ч н о с т ь о б о з н а ч е -**

ний (термины), отказ от смысла в неявном *выражении*. Эти стили относятся к разряду строгих. Они заметно отличаются от нестрогой разговорной речи. Особое промежуточное положение между строгими и нестрогими функциональными разновидностями языка занимает **публицистический стиль**. Известный языковед В.Г. Костомаров, анализируя один из основных жанров публицистики – язык газет, показал, что в нем соединяются две противоположенные тенденции: тенденция к стандартизации, свойственная строгим стилям, и тенденция к экспрессивности, характерная для разговорной речи и для языка художественной литературы.

Жанры речевого общения

Спор. Спор – это обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины. Различные точки зрения по тому или иному вопросу тем не менее имеют общую фазу, в явном виде не выраженную языковыми формами, – заинтересованность в общении. Это обуславливает позитивное начало в диалоге или полилоге, своего рода кодекс доверия, правдивость и искренность, выражающиеся в этикетных формах обращения, вежливости, истинности аргументов. Цель спора – поиск приемлемого решения, но одновременно это и поиск истины, единственно правильного решения. В зависимости от темы спора возможно формирование эпистемической модальности (в спорах на темы науки, политики) или аксиологической модальности (в спорах о мире ценностей, по вопросам морали и т. п.).

Конструктивным началом в этом жанре речевого общения является подчеркивание собеседниками общности взглядов, общности позиций. Декларация непогрешимости собственного взгляда, наоборот, ведет к коммуникативной неудаче. В теории спора существует правило «презумпции идеального партнера», которое ставит в центр внима-

ния предмет спора и запрещает затрагивать личные качества партнеров. Выражение несогласия говорящим, изложение его точки зрения, приведение доводов ее истинности целесообразно с использованием так называемых глаголов мнения (*считаем, полагаем возможным* и т. п.).

Участники спора, приводя различные доводы в защиту своей точки зрения, демонстрируют приверженность истине, а не несогласие. Аргументация, или показ того, что высказывание истинно, имеет много приемов (см. выше, § 7). «Впечатление истинности» создается при сознательном использовании изъяснительных сложноподчиненных предложений типа: *Само собой разумеется, по...; Известно, что...* и т. п.; или предложений с частицами, интонациями, отсылающими адресата к оценке истинности; например: *Сын, слишком многое мы с матерью тебе прощали...*

Помимо приведения объективных доводов и использования приемов скрытого спора при ведении спора иногда встречается «довод к личности». Это может быть или лесть адресату, чтобы он принял точку зрения адресанта, или, наоборот, прием психологического давления на адресата через унижение его человеческого достоинства, оскорбление чувств. Многие «доводы к личности» считаются в теории спора запрещенными приемами [34].

В бытовых спорах при стратегии примирения позиций уместна тактика изменения темы: например, высказывание типа: *Давайте лучше о погоде*. В любых спорных ситуациях к партнерам следует относиться уважительно, смотреть как на равных себе.

Рассказ. Это жанр разговорной речи, в котором преобладает монологическая форма речи внутри диалога или полилога. Главная стратегическая линия речевого общения – солидарность, согласие, кооперация, «разрешение» одному из участников осуществить свою коммуникативную интенцию, которая в основном сводится к инфор-

мации. Темой рассказа могут быть любые события, факты, которые произошли с рассказчиком или кем-либо другим. Ход рассказа может прерываться репликами-вопросами или репликами-оценками, на которые рассказчик отвечает с той или иной степенью полноты.

Характерная черта жанра рассказа – целостность передаваемой информации обеспечиваемая связностью отдельных фрагментов. В рассказе адресант, интерпретируя реальные события, выкупает в роли автора, произвольно, со своей точки зрения, оценивает их. При этом при помощи определенной функциональной перспективы предложений, порядка слов, интонации, вводных и вставных конструкций, частиц, наречий, перифраз (например: *И Петя, этот Плюшкин, вдруг расщедрился...*) адресант создает не только эпистемический (ориентированный на мир знаний адресата) модальный план рассказа, но и аксиологическую канву повествования (предлагает иерархию ценностных ориентиров, согласуясь с миром социокультурных стереотипов адресата).

Поддержка коммуникативной инициативы рассказчика и заинтересованность слушателей может проявляться в перебивках, репликах-повторах, восклицаниях, не адресованных говорящему.

Тема рассказа и характер реальных событий (страшные, нейтральные, смешные, поучительные) также определяют модальность речи.

Фразеология, идиоматика, аллюзивные прецедентные тексты и «модные» лексемы представляют собой и смысловые блоки, и способ представления себя говорящим как рассказчика.

История. Этот жанр разговорной речи, так же как и рассказ, является по преимуществу монологической речью, которая учитывает все компоненты прагматической ситуации. Кроме того, важный прагматический фактор речи при рассказе «истории» – память. Этот фактор обуславливает структуру повествования и содержание речи. Ха-

рактарно, что истории не включают самого адресанта как действующее лицо.

Коммуникативная цель истории – не только передача сведений о происшедших ранее (в не определенный момент) событиях, но и подведение смыслового итога, резюме, сопоставление с оценкой современных событий и фактов.

В отличие от других видов речевого общения рассказ и история относятся к запланированным видам речи, «разрешенным» участниками коммуникативного взаимодействия. Поэтому коммуникативный успех здесь предрешен в большей степени, но не абсолютно.

Стилистика истории впитала все особенности разговорного синтаксиса: тематическую фрагментарность («мозаичность»), ассоциативные отступления от «сюжета» повествования, эллиптированные конструкции, вопросно-ответные ходы. Экспрессивность лексических элементов обусловлена культурным фоном ситуации общения, отражает спонтанность, неподготовленность повествования, поэтому в речи обилие конкретизирующих лексем, а также вводных слов, показывающих контроль говорящего над ходом изложения и способом выражения.

Письмо. Необходимым условием этого жанра речевого общения является искренность, которая возможна при внутренней близости родственных или дружелюбно настроенных людей. «Характерный для понятия искренности контекст согласия соответствует этимологическому значению слова: искренний означало «близкий, приближенный, находящийся рядом». Какой бы модус ни преобладал в письме, сам факт адресации своих чувств-мыслей в письменной форме, предполагающей несиюминутное прочтение, свидетельствует о существовании у автора возможности использовать естественный способ экспликации себя как личности (а это является самым главным прагматическим условием всякого речевого общения).

Регулярность переписки определяется рядом факторов: а) отношениями между участниками этого вида речевого общения; б) внешними обстоятельствами переписки; в) актуальностью для адресата тем; г) частотностью переписки.

И.Н. Кручинина, анализируя стилистические особенности этого жанра, приходит к выводу о том, что непринужденность отношений с адресатом – главное условие переписки, а «отсутствие этой предпосылки обычно сразу же ощущается как препятствие для общения и может даже привести к его прекращению; см., например, в письме Пушкина к Вяземскому: «Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться в халате, нараспашку и спустя рукава (ноябрь 1825)» [25, 25]. Стихия разговорной речи в письме сказывается в диссонансе линейных синтаксических связей; это свидетельствует о «быстром проговаривании» пишущего, о произвольном характере тематических элементов в ходе изложения мыслей (например: *О Вале я смеялась, когда читала о ее проделках...* ; что может быть аналогом конструкции кодифицированного языка: *Что касается Вали, то я смеялась...*). Эта тенденция «нанизывания» тематически важных, с точки зрения автора письма, элементов характерно и для формирования всей структуры письма: письмо может быть тематически дискретным, насыщенным ассоциативными элементами и добавочными сообщениями.

Прагматическое условие солидарности и согласия в жанре письма находит свое формальное выражение в «формулах» приветствия и прощания, берущих свое начало в глубине веков.

Записка. В отличие от письма, этот жанр письменной разговорной речи в большой степени формируется общим миром чувств-мысли адресанта и адресата, одинаковой эпистемической и аксиологической модальностью, актуальностью одних и тех же обстоятельств. Поэтому содержание записки обычно кратко; развернутое рассужде-

ние может заменяться одним–двумя словами, играющими роль намека.

Так, например, записка, оставленная в студенческом общежитии, может содержать всего два слова: «Звонили. Ждем». Адресат записки догадывается и об авторах записки, и об их коммуникативной цели. Ситуативная обусловленность и близкие отношения между адресантом и адресатом делают возможным свободное выражение и недоговоренность; см., например, записку А.Н. Островского Н.А. Дубровскому: «Николка! Что ж ты не ведешь Ветлицкого и где тебя самого черти носят? Будешь ли ты меня слушаться! Ну, погоди ж ты!» Так нельзя писать, я только так думал, а писать надо вот так: «Милостивый государь Николай Александрович, Не угодно ли будет Вам пожаловать ко мне сегодня прямо из конторы к обеденному столу, чем премного обяжете глубокоуважающего Вас и преданного А. Островского (окт. 1870)».

Неофициальный дружеский тон первой записки и сугубо официальный характер второй объясняют неполноту конструкции первой записки (куда ведешь?). Вторая записка не имеет модальных компонентов первой: здесь не высказывается вероятность отказа и тактика воздействия на адресата.

В записке, как и в письме, возможна самопроверка адресантом способа своего выражения, хода мыслей; например: *Пойду? (нет, побегу с утра пораньше)*. Кроме того, записка, как и письмо, может представлять собой не спонтанный поток чувства-мысли, а обработанный, списанный с черновика, вариант, в котором «смягчены» и редуцированы неровности импровизации, неожиданность появления в сознании содержательных элементов высказывания.

Дневник. Дневниковые записи представляют собой тексты адресованной разговорной речи, а следовательно, имеют все стилистические особенности текстов, обусловленных многофактор-

ным прагматическим пространством. Адресат текстов дневника – альтер-эго, надсубъект, «высшая инстанция ответного понимания» (в терминологии М. М. Бахтина), которая помогает пишущему выражать свои мысли, чувства и сомнения. Этот прагматический фактор заставляет автора дневниковых записей верифицировать точность выражения мыслей, вводить синонимы-конкретизаторы, употреблять такие синтаксические приемы, как градация, вопросно-ответные ходы, риторические вопросы; вводные слова и предложения, которые являются сигналами авторской рефлексии; см., например, фрагмент дневника Андрея Белого (запись 8 августа 1921 года; на следующий день после кончины А. Блока): «Я понял, что одурь, которая вчера напала на меня, от сознания, что «Саша» (живой, на физическом плане) – часть меня самого. Как же так? Я – жив, а содержание, живое содержание души моей умерло? Бессмыслица?! Тут я понял, что какой-то огромный этап моей жизни кончен» [Литературная газета. – 1990. – 1 августа].

Стилистика дневниковых записей обусловлена всеми ипостасями личности (Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-духовное и т. д.); в зависимости от преобладания того или иного начала меняется характер изложения. Дневниковые записи разделяются на два больших разряда. Одни дневники отражают ориентацию автора на описание дня как временного пространства. Это могут быть перечисление сделанного, итог, размышления, анализ чувств и мыслей, планы и т. п. Дневники другого типа (они могут вестись нерегулярно) – «разговор» о себе во времени, размышления о том, что волнует, своего рода «поток сознания» с ассоциативными подтемами «главных» мыслей дня. Дневниковые записи людей, ведущих творческую работу, представляют собой лабораторию творческих поисков и мало чем отличаются от «записных книжек» и «рабочих тетрадей» писателей и поэтов.

К вопросу 3. Основы речевого этикета. Речевое поведение юриста.

Судебная этика

Правила вежливости для прокурора

В России эти требования были впервые сформулированы Анатолием Федоровичем Кони: «Прокурор не должен озлобляться против подсудимого, обвинять его во что бы то ни стало; для него должна быть характерна опрятность приемов обвинения... в силу этических требований; прокурор приглашается сказать свое слово и в опровержение обстоятельств, казавшихся сложившимися против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он – говорящий публично судья, который должен выполнить свою функцию «со спокойным достоинством исполняемого грустного долга, без пафоса, негодования или преследования какой-либо цели, кроме правосудия». Эти требования не устарели и в наши дни. Нравственный долг прокурора заключается в том, чтобы создать у присутствующих правильное представление об общественной опасности деяния, вызвать у них уважение к закону, содействовать правовому воспитанию граждан. Все присутствующие в зале суда совершенно обоснованно смотрят на прокурора как на лицо, провозглашающее точку зрения государства. Поэтому характер его общения с судебной аудиторией должен соответствовать профессии и функции в судебном процессе, должен быть сдержанным и тактичным. Не соответствует этикету чтение обвинительной речи с листа, так как нарушает контакт с судом и аудиторией; кроме того, свидетельствует о неуважительном отношении к слушателям. «Не читайте вашу речь. Записки помогают организовать выступление, но вы разговариваете с присяжными, а не читаете им книгу», – пишет и американский юрист Дэйвид Рэйбин.

Современные государственные обвинители в своих речах обращают внимание на соблюдение и охрану правоохранительными орга-

нами прав подсудимого. Первый пример: «В ходе судебного следствия Цигун и Бобров изменили свои показания, в связи с чем показания, данные ими в ходе предварительного расследования, были оглашены в судебном следствии. Эти показания признаны допустимыми доказательствами; права подсудимых при их допросе в качестве обвиняемых не были нарушены, допрос проводился в присутствии адвокатов» (Кадочников Н.П., г. Красноярск).

Давая отрицательную характеристику подсудимой, прокурор делает это тактично, с помощью метафор: «Ее показания, данные со слезами на глазах, возможно, и вызвали у кого-то жалость, однако прошу вас при принятии решения не руководствоваться этим чувством. На самом деле за слезами скрываются ледяное сердце и трезвый расчет».

Правила этического поведения адвоката

Адвокат является субъектом защиты и представительства; это участник доказывания по конкретным уголовным, гражданским делам. Одно из основных правил поведения адвоката – безусловное уважение к суду, сдержанность и самая строгая корректность по отношению к судьям. Это проявляется в почтительном тоне при обращении к суду, во внимательном отношении к предлагаемым вопросам.

На адвоката возлагается обязанность использования всех предусмотренных законом средств и способов защиты, обоснования выдвигаемого в интересах подзащитного или доверителя тезиса. «При соблюдении должного уважения к суду адвокат обязан защищать интересы клиента добросовестно и с максимальной для него выгодой, однако не выходя за предусмотренные законом рамки», – записано в «Общем кодексе правил для адвокатов стран Европейского сообщества» (п. 2.7). Единственными критериями защиты являются законность и нравственная безупречность.

Адвокат, защищая права подсудимого, совершившего убийство, как правило, выражает сочувствие, соболезнование родственникам погибшего. Вот как это сделал Я.С. Киселев в речи по делу Прокофьевой:

«Товарищи судьи! Дело Натальи Прокофьевой – дело горькое и трудное. Серафима Ивановна и Александр Григорьевич Прокофьевы потеряли сына. Геннадию было только 24 года, могучего здоровья, нерастраченной силы – ему бы жить да жить. Горе Серафимы Ивановны и Александра Григорьевича вызывает самое глубокое сочувствие и сострадание».

Вопросы уважительного отношения к подсудимому поднимали в судебных речах дореволюционных и советских адвокатов. Н.П. Карабчевский, защищая Мироновича, обвинявшегося в убийстве, спрашивает: «Что было в распоряжении властей, когда Миронович был публично объявлен убийцей и ввержен в темницу?» и отвечает:

«Достаточно было... констатировать, что хозяином ссудной кассы был кто иной, как Миронович, прошлое которого будто бы не противоречило возможности совершения гнусного преступления, насилия, соединенного убийством, и обвинительная формула была тут же слажена, точно сбита крепко на наковальне... В этом прошлом обвинительная власть ищет прежде всего опоры для оправдания своего предположения о виновности Мироновича. Но она, по-видимому, забывает, что, как бы ни была мрачна характеристика личности заподозренного, все же успокоиться на «предположении о виновности» нельзя. Ссылка на прошлое Мироновича несколько не может облегчить задачи обвинителям. Им все же останется доказать виновность Мироновича. Этого требуют элементарные запросы правосудия...».

Высокой нравственностью, вниманием к «живому человеку» отличались речи Я.С. Киселева. Он всегда щадил самолюбие, человеческое достоинство подсудимого и потерпевшего, с особой осторож-

ностью обращался к фактам, которые могли бы причинить подсудимому ненужные страдания. В речи по делу Кудрявцевой он сказал:

«Ирина Николаевна Кудрявцева согласна, чтобы был признан любой мотив, пусть даже в самой большей степени ухудшающий ее положение, лишь бы не были вскрыты подлинные побудительные мотивы, обусловившие преступление. То, что душевное состояние, ее переживания будут выставлены, как ей кажется, на всеобщее обозрение, страшит ее, ибо это доставит ей боль, которой она боится больше, чем наказания. Это и обязывает меня кое-что не договаривать».

В речи по делу Теркина Я.С. Киселев обратил внимание суда на замечание прокурора о том отталкивающем впечатлении, которое производит подсудимый:

«Может быть, и мне, его адвокату, не удастся увидеть нимб святости над его головой, может быть, и мне он кажется с простой человеческой точки зрения не очень приятным. А какое это имеет значение для дела? Разве можно допустить, чтобы симпатии или антипатии влияли на самые доказательства по делу? Разве можно допустить, что симпатия ослабит улики, собранные против подсудимого? А если подсудимый вызывает чувство антипатии, разве это увеличит силу улик, собранных против него?».

Эта же мысль развита в его речи по делу Пуликова, обвиняемого в убийстве с корыстной целью:

«Прав товарищ прокурор: облик Пуликова не светел. Но если бы я защищал праведника, то перед его светлым ликом обвинение поникло бы. Но я защищаю человека, относительно которого можно легко ошибиться. Я защищаю человека, в отношении которого судебная ошибка наиболее вероятна именно потому, что облик его не без пятен».

Уважительное отношение к подсудимому обусловлено осознанием общественной значимости судебного процесса, пониманием его

глубокого воспитательного воздействия. «К сожалению, – отмечал Н.И. Холев, – с некоторых пор в наши судебные нравы внедрилась пагубная и зловредная манера – под видом «изучения лично «характеристики подсудимого» так чернить обвиняемых, что нередко эти престолуемые «характеристики» оказываются нестерпимо обиднее и тяжелее самого обвинения».

Бывают случаи, когда адвокат вынужден изобличать другого подсудимого не только ради интересов своего подзащитного, но и ради самой истины. Такие примеры находим в речах А.И. Урусова, Ф.Н. Плевако и В.Д. Спасовича по делу Дмитриевой и Каструбо-Карицкого, где защита одного противоречила защите другого, так подсудимые перекладывали виновность друг на друга. *Боем гигантов слова* назвал эту защиту А.Ф. Кони.

Весь судебный процесс проходит в обстановке состязательной борьбы мнений процессуальных противников. Полемика, как уже говорили, необходимая черта судебных прений. Но она должна относиться только к существу дела и быть безусловно вежливой. Борьба мнений процессуальных оппонентов, самая накаленная атмосфера, не дают судебным ораторам права некорректно отзываться друг о друге, о потерпевшем, подсудимом или свидетелях, так как понятие «полемическое мастерство» включает не только умение доказывать и опровергать, но и соблюдение основных требований культуры спора. «Опровергать можно самым решительным образом не оскорбляя чужих мнений насмешками, резкими словами, и издевательством; особенно – не глумясь над ними...» – советует С.И. Поварнин. Обратим внимание, как убедительно и этично полемизирует с обвинением адвокат И.М. Кисенишский:

«Обвинение считает, что Марков преждевременно покинул капитанский мостик, что он должен был там находиться до расхождения пересекающих судов.

Надо сказать, что на первый взгляд обвинение это выглядит где-то убедительным и даже одиозным. Как это капитан ушел с мостика пассажирского парохода, на котором находится огромное количество людей? Невольно создается впечатление, что Марков «покинул» корабль, оставил его «безнадзорным», бросил на «произвол судьбы»!

В действительности это вовсе не так, и разобраться в этом надо спокойно и объективно, без воспаленного воображения и без каких-либо тенденции тенденциозных преувеличений и эмоциональных оценок».

Судебный процесс проходит при непосредственном общении с народом, и это требует от судебных ораторов сдержанности, вежливости. «Соблюдайте уважение к достоинству лиц, выступающих в процессе», – напутствовал судебных ораторов П.С. Пороховщиков.

Процессуальной роли прокурора и адвоката в судебном процессе должно соответствовать и их речевое поведение, которое определяется официальной обстановкой общения, официальным характером взаимоотношений общающихся.

Юмор в судебных прениях

Некоторые авторы работ о судебной речи пишут о необходимости в ней «даже комического», элементов юмора, который «повышает образность речи, делает ее более выразительной и эмоциональной... им уместно пользоваться для критики вскрытых во время судебного процесса отрицательных явлений, при анализе отдельных источников доказательств, для полемики с другими участниками судебных прений». Но не пострадают ли от этого этические нормы? Ведь что такое юмор?

Юмор (англ. *humour*) – это: 1. Добродушно-насмешливое отношение к кому-либо, умение представить события, недостатки, слабо-

сти в комическом виде. 2. Изображение каких-либо явлений действительности в комическом, смешном виде, когда при это насмешка, внешне комическая трактовка сочетается с внутренне серьезностью, сочувственным отношением к предмету смеха.

Удачный, на взгляд автора, пример непреднамеренного юмора можно найти в речи советского адвоката П.А. Дроздова по делу Кадаева, обвиняемого в покушении на изнасилование и отказавшегося от него. Объективно анализируя и оценивая соответственно поведение подсудимого, бросая ему «заслуженный упрек в нечистоплотности, в аморальности его поведения», оратор восстанавливает картину происшествия для того, чтобы объяснить причины подачи потерпевшей заявления в суд. Итак, «со слов самой потерпевшей мы знаем, что Кадаев прекратил свои попытки после того, как она сказала: «Я – девушка». Когда подсудимый помог потерпевшей подняться с земли, он ударил ее по лицу. По этому поводу сама потерпевшая показала суду так: «Он, Олег, слегка ударил меня, думаю, за то, что я ему не отдалась». В ответ на это Нина крикнула, крикнула инстинктивно, бессознательно. Она крикнула: «Мама!». Но вместо мамы совершенно неожиданно из кустов газона показалась внушительная фигура милиционера. Он, стоя тут же поблизости на посту, услышал крик и явился на помощь. Он видит молодую пару, состояние их туалетов не может не навести на размышления, и тогда Нина, показывая на подсудимого, сказала: «Он хотел меня изнасиловать!».

Позже, когда уже обо всем узнала мать, Нина повторила эту мысль в своем письменном заявлении. Она это сделала потому, что была застигнута в таком состоянии, при котором другое объяснение было бы неизбежно связано для нее с весьма компрометирующими фактами. Она не была бы привлечена к уголовной ответственности, но моральный приговор для нее был весьма и весьма нежелателен».

Здесь юмор (см. 2-е значение слова) создается сопоставлением слов *мама* и *милиционер*, которые в данном случае являются ситуативными антонимами. Подобный прием не столько усиливает эмоциональное воздействие на судей, сколько содействует установлению причины возникновения данного уголовного дела.

Но использовать юмор следует крайне осторожно. Он должен быть строго мотивированным и не должен нарушать такое качество судебной речи, как уместность. На суде, где рассматриваются человеческие драмы, а нередко и трагедии, юмор, как правило, неуместен.

К вопросу 4. Судебная речь как жанр ораторского искусства.

Назначение и отличительные черты судебной речи.

Виды судебных речей (обвинительная, защитительная, самозащитительная речь обвиняемого)

Соотнесенность судебной речи с книжно-письменными стилями

Одним из важных вопросов, связанных с монологической судебной речью, является вопрос о ее стилевом статусе. На важность, практическую значимость вопроса о соотнесенности судебной речи с функциональными стилями литературного языка указывает тот факт, что юристы неоднократно делали попытки соотнести речь судебного оратора с тем или иным функциональным стилем. Р. Экземпляров, например, приходит к выводу о том, что в наше время судебные прения больше походят на деловое, профессиональное обсуждение. В.И. Царев выражает мнение, что в суде следует говорить языком закона. З.В. Макарова считает, что современная судебная речь носит ярко выраженный разговорный характер.

Е.Е. Подголин выделял в судебной речи черты научного стиля (точность словоупотребления, строгая последовательность изложения, синтаксическая усложненность предложений, употребление термино-

логии); отмечает «соотносительность» с литературно-художественным стилем, а также публицистическую окраску (лексика, фразеология, синтаксис, свойственные общественно-политической, эстетической сферам речевой деятельности); указывает слова, обороты разговорной речи, которые «позволяют выразить отрицательную оценку действий, лиц, предметов»; отмечает словесные повторы, уточнения, оговорки, самоперебивы. Однако Е.Е. Подголин придерживается мнения, что важную роль в оформлении «стилистического лица» судебной речи играют средства официально-деловой речи», что общие указания о языке и стиле процессуальных документов должны учитываться и при произнесении судебной речи, так как доказываемые обстоятельства, выводы должны излагаться с соблюдением норм письменной книжной литературной речи.

Филологи рассматривают судебную речь как сложное функционально-стилевое образование, в котором используются признаки и средства различных функциональных стилей – от научного и публицистического до разговорно-просторечного. Д.Х. Баранник, М.М. Михайлов выделяют судебную разновидность публицистического стиля.

Давайте рассмотрим функции судебной речи, проанализируем языковые средства, используемые в ней, и сделаем соответствующие выводы.

Язык обслуживает все сферы человеческой деятельности: научную, официально-деловую (правовую), общественную, эстетическую, бытовую. Задачи общения в каждой сфере, преобладающая в ней форма мышления и обуславливают основные особенности речи в этой сфере человеческой деятельности. Функциональное многообразие использования литературного языка неразрывно связано с вопросом о его стилях, закрепленных за теми или иными общественными функциями его употребления. Основными функциями языка принято считать функцию общения, сообщения (информативную), функцию воз-

действия (и долженствования), эстетическую. Функциональный стиль – это разновидность языка, используемая в определенной сфере общественной деятельности и характеризующаяся совокупностью лексических, фразеологических, грамматических и отчасти фонетических признаков. Каждый стиль выполняет соответствующую функцию:

Научный – сообщение

Официально-деловой – долженствование

Публицистический – воздействие

Разговорный – общение

Художественная речь – воздействие, эстетическая.

Монологическая речь участников судебных прений осуществляется в правовой сфере и обслуживает официально-деловые отношения между органами правосудия и подсудимым, определяет одностороннюю позицию органов надзора, государства по конкретному делу. Важная общественная функция судебной речи позволяет говорить о ее соотнесенности с официально-деловым стилем. Но мы уже отмечали, что основное назначение судебной речи – оценить действия, доказать правильность позиции оратора, воздействовать на формирование убеждения судей. Значит, судебная речь – это относительно законченное выступление по поводу правовой и общественно-политической оценки определенного деяния. Каждая обвинительная речь является публичным политическим выступлением. Поддерживая государственное обвинение, прокурор выступает как борец с преступностью. Речь адвоката исполнена чувства гуманности и снисхождения, но, защищая права подсудимого, адвокат выражает отрицательное отношение к совершенному его подзащитным преступлению. Таким образом, судебная речь будит мысль, заставляет думать, служит важным средством воздействия.

Формирование у слушателей определенного мировоззрения, общественно-политического сознания – функция публицистического

стиля. Публицистический стиль характеризуется многоплановостью, открытостью темы, он включает в себя черты всех функциональных стилей: официально-делового, научного, разговорного, художественной речи.

Для того чтобы убедить судей, необходима система доказательств, логичность, а это уже признаки научного стиля.

Существен в судебной речи и психологический момент в таких композиционных частях, как «Характеристика личности подсудимого» и «Причины, способствовавшие совершению преступления», где оратор анализирует различные жизненные ситуации. А психологический анализ чаще всего выражается не в отвлеченных рассуждениях, а в картинном воспроизведении, в детальном изображении действий. Заданная самим назначением речи экспрессивность сближает ее в названных композиционных частях с художественной речью.

Как проявляются черты каждого стиля в судебной речи? Для официально-делового стиля характерна в первую очередь предельная точность, не допускающая инотолкования. Каждое уголовное дело, как писал Я.С. Киселев, – это всегда человеческая беда. И человеческая судьба. Поэтому судебный оратор, анализируя обстоятельства дела, не имеет права допускать ошибки в их квалификации. Здесь каждая фраза, каждое слово должны адекватно передавать мысли говорящего. Требование точности ведет к употреблению большого количества имен существительных и прилагательных (чаще терминологического характера), составных юридических терминов с последовательной цепочкой родительных падежей: «В соответствии с диспозицией / части второй статьи 85-й / нарушение правил безопасности движения / и эксплуатации транспорта / только тогда считается преступлением // когда оно / заведомо для виновного лица / создало угрозу наступления тяжелых последствий //». При назывании лица употребляются имена, обозначающие лицо по признаку, обусловленному

каким-либо действием, отношением, положением: *государственный обвинитель, судьи, подсудимый, потерпевший, свидетели.*

Официально-деловой стиль основан на общественно закрепленных формулах (клише), выражающих юридические отношения, однозначно и точно передающих соответствующие понятия и факты: *отсрочка наказания, квалифицировать действия, вредные последствия, злоупотреблять спиртными напитками, по предварительному сговору* и др.

Официальность речи требует объективного характера выражения, то есть мысль выражается не от лица говорящего, а от лица государства, органов правосудия. Это проявляется чаще в пассивной форме изложения, когда сказуемое выражается страдательным причастием или глаголом страдательного залога: *В итоге Кошкин был уволен с работы за прогулы.* Для официально-делового стиля характерно «расщепленное» сказуемое, в котором употребляется глагол с ослабленным лексическим значением, а основное значение заключено в существительном: *Предъявленное обвинение нашло подтверждение* (подтвердилось).

Функция волеизъявления, императивности проявляется в большом количестве безличных предложений со значением долженствования: *В таких случаях не положено брать на поруки.* Как видно из приведенного материала, употребление языковых средств официально-делового стиля наиболее характерно для называния элементов состава преступления, процессуального положения лиц, процессуальных действий и документов, для формулирования выводов о фактических обстоятельствах дела, о квалификации преступления, мере наказания. Средства официально-делового стиля в современной судебной речи составляют от 15 до 23% языковых единиц.

Черты и языковые средства научного стиля чаще всего проявляются в таких композиционных частях, как «Анализ доказательств»,

«Юридическая квалификация преступления». Основной целью научного стиля является доказательство, а основными чертами, вытекающими из абстрактности и строгой логичности мышления, – обобщенность и подчеркнутая логичность изложения, когда динамика мышления развивается от констатации преступных действий к опровержению точки зрения процессуального противника к доказательству правильности своей позиции; суждения и умозаключения идут одно за одним в строгой логической последовательности. Рассмотрим пример. Защищая Гурова, преданного суду за хулиганство, адвокат, отрицая применение Гуровым оружия в хулиганских целях, раскрывает понятие «применение оружия» и затем развертывает систему доказательств: «Материалами дела установлено / что действительно Гуров совершил / преступление / и он должен нести ответственность // за хулиганские действия / по части второй статьи 213-й УК // Я обращаю внимание суда на то / что по смыслу части третьей / ст. 213-й УК / под применением оружия следует понимать / пользование оружием / непосредственно для нанесения / телесных повреждений / а также такую / форму применения оружия / при которой заведомо для виновного / создавалась непосредственная угроза / для жизни и здоровья // В данном конкретном случае / стреляя вверх и в землю / Гуров не имел умысла / на причинение телесных повреждений / или вреда здоровью / кому-либо из граждан / и никакой угрозы для жизни или здоровья людей / он не создавал // Поэтому в действиях Гурова / нет состава преступления / предусмотренного частью третьей ст. 213-й // Гуровым совершено хулиганство / подпадающее под часть вторую ст. 213-й УК / по признаку особой дерзости //».

Мысль оратора раскрывается последовательно и аргументированно. Выдвинув антитезис, защитник дает определение понятия, выделяет конструирующие признаки преступления, опровергает антитезис и делает вывод. Логичный ход рассуждений особо подчеркивается

конструкциями связи: переход к определению понятия выражается путем высказывания «*Я обращаю внимание суда на то*». Опровержение связано с определением понятия словосочетанием «*В данном конкретном случае*»; вывод о квалификации преступления оформляется средством подчеркнутой логичности поэтому.

В следующем тексте:

«Прежде чем высказать свое мнение / об обоснованности иска / я хочу остановиться на том / что такое трудовой договор // В соответствии со статьей 18-й / Основ трудового законодательства / трудовой договор есть соглашение / между трудящимися и предприятием / по которому трудящиеся / обязуются выполнять работу // по определенной специальности / квалификации или должности / с подчинением внутреннему трудовому распорядку / а предприятие обязуется выплачивать трудящимся зарплату / и обеспечить условия труда / предусмотренные / законодательством о труде / коллективным договором и соглашением сторон // Ну / предоставленные условия труда у нас в данном случае не оспариваются // Все предоставленное / и кабинет / и рабочее место / и «Эра» и ключи / все условия у нас имеются // В данном случае только интересует меня / права и обязанности истца // то есть выполняла ли она все свои обязанности / возложенные на нее трудовым договором / и имеются ли с ее стороны / нарушения внутреннего трудового распорядка//» – также вначале определяется понятие «*трудовой договор*». Подчеркнутая логичность находит выражение в словосочетаниях и фразах: *прежде чем; в соответствии с; что меня в этой статье интересует; в данном случае.*

Для научного стиля характерно наличие сложных высказываний, передающих последовательность рассуждений оратора: «Я не буду оспаривать / ту квалификацию действий / которая вменена ответственными органами Василевскому // Действия его правильно квалифицированы / частью первой статьи 111-й Уголовного кодекса / так

как телесное повреждение / признается тяжким / если оно было опасным для жизни / и повлекло любое из указанных / в части первой статьи 111-й / последствий / а к ним относится и потеря слуха и зрения / и душевная болезнь / и иные расстройства здоровья / соединенные со стойкой утратой трудоспособности // У нас имеется заключение / о том что месяц / находился на излечении потерпевший Калашников // ». Сложные конструкции выражают сложную аргументацию мысли оратора, стремление к тому, чтобы каждое положение вытекало из предыдущего и обуславливало понимание последнего. Указание на источник информации или доказательства важно для определения достоверности. Характерны для научного стиля развернутые двусоставные высказывания с выраженными средствами подчинения.

Черты и средства публицистического стиля проявляются во всей речи в сочетании предметно-логического плана и идеологического воздействия на слушателей процесса, особенно же ярко во вступлении, где дается моральная оценка деяния, а также при анализе характеристики личности подсудимого и причин, способствовавших совершению преступления, кроме того, в так называемых «общих местах». Основная черта публицистического стиля – открытая оценочность. Каждый эпизод обвинения, каждое доказательство не только анализируются оратором, но и оцениваются с точки зрения обвинения или защиты. В языке это находит отражение в высказываниях «Я считаю», «Я думаю», «Мне представляется», «По мнению защиты» и др. Сам текст речи вполне определенно выражает отношение оратора к излагаемому. Характерно для публицистического стиля вовлечение второго лица в обсуждение: «Вы знаете», «Вам известно...».

Авторское **мы**, довольно часто используемое судебными ораторами, отражает такую черту публицистического стиля, как собирательность, когда мнение выражается от имени нескольких представи-

телей правосудия. Это создает впечатление значительности высказывания.

В советский период активно использовалась в судебных прениях фразеология публицистического стиля: *гармоническое развитие личности, заниматься общественно полезным трудом, в рядах Советской Армии* и т.д.

Для синтаксиса публицистического стиля характерно использование вопросно-ответных реплик, риторических вопросов, расчлененность высказываний (Характеристика из института // Отличный студент // Шахматист // Спортсмен // Хороший товарищ //), использование средств поэтического синтаксиса: антитезы, инверсии, единоначатия, параллелизма конструкций.

Итак, особенности содержательного плана позволяют утверждать, что судебная речь является разновидностью публицистического стиля, который включает в себя элементы официально-делового и научного стилей. Язык судебной речи тяготеет к логическим построениям, суждениям с последующими выводами. Однако переход от одной темы к другой делает необходимым переход из одной стилевой тональности в другую.

Эмоциональность судебного выступления является необходимым, рабочим компонентом: ведь оратор должен не только выразить мысль, но и вызвать нужные эмоции у слушателей. Объективный и беспристрастный прокурор не может оставаться равнодушным. Он не может лишать свою речь обвинительной силы и гражданского пафоса, превращать ее в скучный доклад.

Устная же форма обуславливает принципиальную необходимость использования разного рода устно-речевых средств, в том числе и устно-разговорных типизированных построений. Письменно-литературные средства в устной судебной речи изменяются в соответствии с законами устной формы речи.

Типизированные предикативные построения – в данном случае конструкции, характерные для разговорной речи.

Тема № 3. Коммуникативные качества речи.

Культура устной речи юриста

К вопросу 1. Понятие о культуре речи юриста.

Качества воздействующей речи

Культура речи понимается как умение использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач. Это употребление единственно нужных слов и грамматических конструкций в каждом конкретном случае.

Культура речи в значительной степени обусловлена культурой мышления, сознательной любовью к языку и уважением к себе как к личности. Однажды писатель Корней Иванович Чуковский на коряво сформулированный вопрос, «как повысить качество своего языка», ответил: «Нет ничего проще. Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего интеллекта».

Основной критерий культуры речи – нормативность, которая понимается как точность, правильность, чистота речи. Это умение точно, в соответствии с нормами литературного языка выразить мысли, без употребления жаргонных, диалектных и просторечных слов.

Нарушение юристом языковых норм (например, употребление просторечных форм *не ложи, хотишь* и др.) может вызвать отрицательную реакцию или недоверие со стороны слушателей; пропадает уважение к юристу, появляется неуверенность в его знаниях.

Формулируя и оберегая нормы права, юрист не может не охранять нормы родного языка. Этого требует и высокий статус права.

Крайне важно, чтобы общение в правовой сфере соответствовало требованиям правовой культуры, одной из составных частей которой ученые-юристы считают культуру речи. От уровня культуры речи во многом зависит престиж органов правосудия, выполнение юристом его высокой общественной функции.

Кроме того, большинству юристов приходится читать лекции на правовые темы или выступать в суде в качестве обвинителя или защитника, представителя гражданского истца или ответчика. А для этого важно владеть навыками публичной речи. А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, П.А. Александров, В.Д. Спасович, В.И. Жуковский, Н.П. Карабчевский, Н.И. Холев, К.Ф. Хартулари, С.А. Андреевский, А.И. Урусов, М.Г. Казаринов оставили нам прекрасные образцы ораторского мастерства. Высокий рейтинг многих современных судебных ораторов определяется тем впечатлением общей культуры и интеллигентности, которое создают их выступления, безукоризненное владение литературным языком, умение точно, ясно, правильно и логично выразить мысль. Это обязательное условие успешной самопрезентации судебного оратора.

Но можно ли говорить о культуре речи юриста, если его профессиональная речь звучит в сугубо официальной обстановке, если язык права довольно специфичен? В нем, например, много терминов, имеющих особое юридическое значение, таких, как *кодекс, контрабанда, улика, мотивы преступления, конфискация* и др. В качестве терминов используются некоторые разговорные слова, напр.: *попрошайничество, оговор*; устаревшие: *деяние, сокрытие*; отглагольные существительные, не характерные для общего употребления: *вменение, приискание*. Большинство многозначных слов обозначает особые юридические понятия. Так, *возбудить* – начать производство уголовного дела; *склонить* – заставить совершить преступление; *смягчить* – сделать наказание менее суровым и строгим; *статья* – определенный

раздел, параграф в юридическом документе; *организатор* – инициатор преступления; *погашение* – прекращение срока судимости и др. Наблюдаются своеобразные словосочетания, не употребляющиеся за пределами правовой сферы общения, напр.: *применить меры, противная сторона, виновная связь*.

В речи юриста много готовых стандартных выражений – «юридических формул»: *рассмотрев материалы дела, вменить в вину, заключить сделку, возместить ущерб, в установленном законом порядке*.

Слова характеризуют оратора как личность, поэтому речь его должна быть **чистой**. Чистой признается такая речь, в структуре которой нет чуждых литературному языку фразеологизмов, диалектной, жаргонной и просторечной лексики. Довольно часто речь может быть засорена словами типа *тусовка, разборки, раскрутка*; современными устойчивыми словосочетаниями: *лапшу на уши вешать, крыша поехала, встать на уши, высокая крыша, лицо кавказской национальности* и др.

Одним из основных качеств судебной речи, определяющих ее эффективность, является **правильность**, которая предполагает соблюдение общепринятых норм литературного языка. Языковые нормы – это наиболее распространенные, принятые в общественно-речевой практике и регламентированные правилами варианты произношения, употребления слов, правописания, постановки знаков препинания, словообразования. Нормы складывались в языке исторически, они являются результатом отбора наиболее пригодных из числа сосуществующих и отражают реальные тенденции развития языка. Нормы языка характеризуются относительной устойчивостью; общеобязательностью. Важно соблюдение лексических норм, обеспечивающих точность словоупотребления; орфоэпических (произносительных) и акцентологических (норм ударения), обуславливающих

единство звукового оформления речи. Грамматические нормы (морфологические и синтаксические) устанавливают единообразие форм словоизменения и соединения слов в словосочетания и предложения. Стилистические нормы обеспечивают уместность в речи эмоционально и функционально окрашенных языковых средств.

В примере *Все свои документы я утратил* нарушена лексическая норма (надо: потерял); манерное произношение *пионэр, сэссия, шинэль, акадэмия* нарушает орфоэпические нормы; в словах *звонишь, красивее, средства* нарушены акцентологические нормы (надо: звонишь, красивее, средства).

Довольно часто приходится наблюдать нарушение судебными ораторами синтаксических норм, в частности, норм управления, напр.: *не касались к нему, согласно приказа, согласно статьи, уточнили о том, попытка о смягчении наказания, благодаря трудолюбия, установили о причина преступления* и т.д. (надо: *не касались его, согласно приказу, согласно статье, уточнили что-то, попытка смягчения наказания, благодаря трудолюбию, установили причины преступления*).

Неумение употреблять в речи деепричастные обороты также нарушает синтаксические нормы: *Имея большой опыт самолетовождения / курс им был взят правильно //*. Следует помнить, что деепричастный оборот всегда обозначает добавочное действие подлежащего, главное же действие подлежащего выражается глаголом-сказуемым, напр.: *Рассмотрев материалы дела, суд принял решение*. Посмотрите: главное действие (принял решение) и добавочное (рассмотрев материалы дела) выполняются одним и тем же подлежащим *суд*.

Из-за небрежного отношения к словам, к их составу слово *почтамт* довольно часто произносится и пишется как *почтамп*, что является просторечным вариантом (надо: *с почтамта, на почтамте* и т.д.). Мы настолько привыкли слышать *орать* вместо *кричать, заби-*

рать вместо *брать*, что уже не замечаем их разговорно-просторечной окраски.

Умение говорить грамотно – обязанность судебного оратора. Казалось бы, внимание, судей и присутствующих на суде граждан сосредоточено на содержании речи, однако любое нарушение нормы языка вызывает негативную реакцию, недоверие оратору, кроме того, отвлекает от восприятия материала.

«Речь должна быть коротка и содержательна», – указывал П.С. Пороховщиков. Некоторые юристы, авторы работ о судебной речи, считают, что «лаконизм речи достигается употреблением коротких фраз, ибо они легче воспринимаются». Конечно, короткие высказывания воспринимаются легче, чем длинные построения; об этом пишут и психологи. Однако лучшие судебные ораторы использовали и используют сложные синтаксические конструкции с причастными и деепричастными оборотами, с однородными членами предложения; но, когда ораторы говорят по существу, убедительно, названные языковые средства способствуют проявлению ораторского мастерства.

Можно ли требовать от юриста краткого выступления на суде? А если обстоятельства дела требуют и подробного изложения действий подсудимого, и опровержения точки зрения процессуального оппонента, и глубокой правовой оценки материалов дела? УПК РФ определяет, что судебные прения не могут быть ограничены во времени. Другое дело, что судебный оратор должен уметь заставить суд и аудиторию выслушать свое выступление.

Лаконичность речи достигается точным выражением мыслей, наличием четких формулировок, отсутствием лишних слов, не несущих информации, отсутствием многословия и лишних, неуместных мыслей. Распространенной ошибкой является многословие: *Подсудимый был / в совершенно нетрезвом состоянии //*.

Краткость речи должна сочетаться с ее глубоким содержанием, чему содействуют **эмоциональность** и **экспрессивность**. Эмоции вызывает сам материал судебной речи. Экспрессивность (выразительность) выступления оратора зависит от самостоятельности его мышления, от его интереса к тому, о чем говорит; от умения контролировать свою речь; от сознательного намерения говорить выразительно. Выразительная речь вызывает интерес у судей и присутствующих в зале суда граждан, поддерживает интерес к предмету разговора.

Созданию экспрессивности, а также эмоциональности служат языковые средства, с помощью которых оратор выражает эмоционально-волевое отношение к предмету речи и тем самым воздействует на эмоции присяжных заседателей и слушающих дело граждан. Это различные изобразительно-выразительные средства. Однако каждое изобразительно-выразительное средство уместно в судебной речи в том случае, когда помогает усилить звучание аргумента, а также выразить важную, с точки зрения оратора, мысль, передать ее суду, подсудимому или присутствующим в зале суда гражданам. Использование риторических приемов ради украшения речи ослабляет ее логический аспект, снижает ее убедительность.

Особо ценным качеством публичной речи является **индивидуальность** (самобытность) – умение говорить о самых знакомых фактах своими словами, не употребляя речевых штампов. Штампы – это шаблонные, часто употребляемые в речи и надоевшие слова и выражения с потускневшей от частого употребления семантикой. Штампы люди используют бездумно, по привычке, лишая тем самым свою речь индивидуальности. Еще совсем недавно были распространены в речи такие штампы: *активный борец; неизгладимое впечатление; резкая критика; широкий размах; бурные, продолжительные аплодисменты; горячий отклик* и др. Определения в них неполноценны,

так как они выражают мысль шаблонно. Сейчас эти штампы используются в речи намного реже.

В юридической речи часты штампы *беспричинно, из хулиганские побуждений; пинать ногами; назначить дело слушанием* и др.

Штампом может стать и метафора, повторяемая из процесса в процесс. П.С. Пороховщиков предупреждал судебных ораторов: «Не говорите: преступление совершено под покровом ночи, цепь уликов сковала подсудимого... Уши вянут от таких метафор».

И еще одно важное, просто необходимое качество убеждающей речи – это ее **богатство**, или **разнообразие**. Что это такое? Это максимальное использование разнообразных средств языка, которые необходимы для эффективной передачи информации. Если в речи не повторяются одни и те же языковые средства (слова, словосочетания и однотипные синтаксические конструкции), если в ней большой словарный запас, активный состав моделей словосочетаний и предложений, такую речь называют богатой, или разнообразной.

Рассмотрим для примера два отрывка из судебных речей. Первый текст из речи С.А. Андреевского по делу Андреева: «Весь обычный порядок жизни исчез! Муж теряет жену. Он не спит, не ест от неожиданной беды. Он все еще за что-то цепляется, хотя и твердит своей дочери: «Я этого не перенесу...». Пока ему все еще кажется, что жена просто дурит...

Но Андреева... только бесилась, что муж осмеливается перечить ее капризу.

И вот утром 23-го августа она решила разрубить узел. В это время муж после двенадцати бессонных ночей, все еще на что-то надевшийся, уже собрался куда-то выйти по делу и, как автомат, надел пальто. Зинаида Николаевна в туфлях на босу ногу поспешила задерживать его, чтобы сразу добиться своего.

Ни ей, никому в доме, ни менее всего ее мужу не могло бы прийти в голову, что в эти самые мгновения она прямо идет к своей смертной казни и даже делает последние шаги в жизни.

Она была слишком самоуверенна. Муж был слишком тих и покорен. Но она поступила как дикое, тупое существо, забывшее о всем человеческом. На безвинного и любящего мужа она накинулась с яростной бранью... Она уже вообразила себя знатной дамой, с властью Трепова в руках... Подбежавшая на шум дочь услышала последнюю фразу матери: «Я сделаю так, что тебя вышлют из Петербурга!..».

Эта женщина, спасенная Андреевым от ссылки, поднятая им из грязи, взлелеянная, хранимая им как сокровище в течение 16 лет, – эта женщина хочет «скрутить его в бараний рог», истребить его без следа, раздавить его своей ногой!

Тогда Андреев быстрым движением сбросил с себя пальто, со словами «Долго ли ты будешь оскорблять нас?» схватил жену за руку, потащил в кабинет – и оттуда, у самых дверей, раздался ее отчаянный крик...».

Второй отрывок взят из защитительной речи по делу Кителева, записанной на магнитную пленку: «Что же произошло // Почему / вместо того / чтобы жить честно и трудиться / соблюдать наши законы / и быть достойным членом нашего общества / он оказался на скамье подсудимых // Материалами предварительного следствия установлено / что шестнадцатого апреля / восемьдесят шестого года / Кителев в своей квартире / по улице Железнодорожников 18 «б»/ изготовил / из трех килограмм сахара / и триста грамм дрожжей / массу / которая хранилась до 19-го апреля / восемьдесят шестого года / то есть до того момента / когда было установлено и выявлено / данное нарушение // Жидкость хранилась в емкости / представляющей собой бутылку / емкостью двадцать литров / светло-серого цвета / жидкость с запахом / свойственным спирту //».

В ходе судебного следствия / а также предварительного / подсудимый вину признал / и пояснил / именно данный факт / который я только что изложил // Товарищи судьи / Кроме того / в ходе судебного следствия / были допрошены свидетели / в частности / это лица / которые работают вместе с ним в одном коллективе // В ходе предварительного следствия и судебного // подсудимый / вину признал полностью // Действительно / от факта / который установлен / показаниями свидетелей / а также обнаруженной жидкостью в квартире / никуда не денешься / остается только признать / что действительно / изготовил и хранил // В ходе судебного следствия / подсудимый признал вину / пояснил / обстоятельства / при которых именно изготовлялась жидкость / называемая брагой //».

В первом тексте представлена лексика многих семантических групп, например, обозначающая конкретные действия: *твердит, выйти, надел, задержать, накинулась, сбросил, схватил, потащил, скрутить*; состояния: *не спит, не ест*; черты характера: *самоуверенна, тих, покорен*; психические процессы: *цепляется, дурит, бесилась, вообразила, решила* и др. Использована лексика и фразеология разных стилевых пластов: книжная (*дама, взлелеян, разрубить (гордиев) узел*), разговорная: *дурит, бесилась, тупое существо, на босу ногу, скрутить в бараний рог*. Из синтаксических конструкций здесь восклицательные и повествовательные предложения, простые и сложные, конструкции с прямой речью, сравнительными и причастными оборотами, с однородными членами предложения, с уточняющими обстоятельствами.

Во втором отрывке – юридические стандарты: *материалами предварительного следствия установлено, в ходе судебного следствия; подсудимый вину признал и пояснил*; встречаются клише публицистического стиля: *честно жить и трудиться, быть достойным членом общества*; многочисленны страдательные глагольные формы,

что характерно для официально-делового стиля: *установлено, допрошены, хранилось*. Слов абстрактного значения в этом тексте нет. Из синтаксических структур – вопросительные построения, оформляющие переход от одной микротемы к другой, причем второе составлено из стандартных выражений. Основная модель предложений – сложно-подчиненные с придаточными изъяснительными, чаще – с придаточными определительными. В тексте всего два простых предложения. Все это свидетельствует о бедности речи.

Выразительность речи зависит от того, насколько активно мышление оратора, в какой мере сильны и ярки его эмоции, в какой степени владеет он богатством языка. Дореволюционные русские судебные ораторы, уважавшие свою профессию и людей, к которым обращена речь, умели использовать разнообразные языковые средства, передающие движение мысли, тончайшие оттенки состояния и действий человека, последовательность рассуждения оратора. В речах А.И. Урусова, например, преобладали сложные предложения с придаточными, логические построения, отражающие последовательность рассуждения. Этому же способствовало большое количество логических вопросов, противопоставлений. Слова употреблялись чаще всего в их прямом значении. Экспрессивность речей достигалась использованием редких восклицательных предложений, риторических вопросов, метафор, параллелизма, иронии. В речах П.А. Александрова, Ф.Н. Плевако, Н.И. Холева, М.Г. Казаринова, С.А. Андреевского отмечены разнообразные пласты русской лексики (довольно часто слова использовались в их метафорическом значении), многообразные модели синтаксических построений.

Судебная речь, обладающая всеми названными качествами, воспринимается как **воздействующая**. Только при этом условии она может выполнить свою высокую общественную функцию. Не забывайте слова, когда-то сказанные А.В. Луначарским: «Ведь мы бьем в

набат не в колокол – в сердце человеческое, а это тонкий музыкальный инструмент».

К вопросу 2. «Цветы красноречия».

Риторические тропы и фигуры.

О метафоре

Чтобы научиться использовать метафору, нужно понять, как она строится. Впервые механизм создания метафоры описал Аристотель, который хорошо понимал, что ритор должен сам уметь создавать метафоры.

Структура метафоры и сравнения одинакова: метафора – «скрытое» сравнение, последнее строится при помощи сравнительных союзов *как*, *будто*. Есть некоторые правила, по которым можно построить выразительную метафору или сравнение.

1) **Члены сравнения** (сравниваемые предметы или явления) должны быть разнородны, далеки друг от друга. Никто не скажет: *этот дуб как вяз, этот карась как щука* (П. Сергеич). Напротив, удачны метафоры: *сосны подняли в небо свои золотистые свечи* (М.Г.).

2) **Термин сравнения** должен выявлять не любой случайный, а сущностный, важный, характерный признак сравниваемых объектов. Вспомните, как определяла Цветаева В. Брюсова: *«Римлянин, а значит – воля: вол: волк. Волк – потому что человек человеку волк, так, по ее мнению. Брюсов относился к людям; вол – потому что рабски трудолюбив; римлянин – потому что поэт города – города имперского, каменного, несвободного».*

3) От того, где вы будете искать объект сравнения, во многом зависит оценка предмета речи. Здесь возможно: а) проявление положительной оценки (*мечта сравнивается с птицей*); б) отрицательная оценка (*мечта сравнивается с мыльным пузырем*).

4) Метафора должна быть свежая, творческая.

5) Сравнение и метафора могут быть краткими – образ только намечен, назван; иногда прибегают к развитию метафоры или сравнения, получая развернутый, обстоятельный текст, который позволяет полнее описать и проанализировать предмет речи. Так, изобретая содержание речи, поступают риторически образованные люди: набирают ассоциации к предмету речи, а затем развивают одну, самую важную, самую выгодную, оставляя прочие без упоминания, либо разрабатывают все по очереди, последовательно. Вот Марина Цветаева начинает очерк о художнике Наталье Гончаровой с описания ее мастерской: *Пустыня. Пещера. Что еще? Да палуба! Первой стены нет, есть – справа – стекло, а за стеклом...* (далее развивается, «раскручивается» свернутый в метафоре «палубы» клубок значений и возможностей для описания комнаты, а перед этим в тексте очерка уже описана та же комната, вначале как пустынная, потом как пещера).

6) Если вы не просто употребляете метафору, но стремитесь развить, «раскрутить» ее в речи, следите за тем, чтобы соблюдалось «единство образа». Риторика требует, чтобы, начав развивать образ или сравнение, говорящий не сбивался на другой образ или сравнение: метафоры не должны путаться. Иначе может получиться: *Голубая река похудела на 50%* – говорит диктор в информационной программе. Голубая река – журналистский штамп для обозначения потока газа в трубопроводах. Метафора реки совершенно не приемлет слова *пхудела* (второй перенос – метафора в той же фразе; значение – «уменьшилась»). Похудеть может чье-то тело, но никак не поток: две метафоры вступили в противоречие.

7) Неверное понимание демократии как ослабления контроля, в том числе и за формой выражения мысли, привело к распространению в языке физиологической метафоры типа *импотенция силового фактора, раковая опухоль коррупции, сперматозоид демократии*. Подоб-

ная физиологическая метафора отражает накал политических страстей в обществе, однако не следует забывать о морально-этических принципах.

Риторические приемы

На развертывании метонимии строится риторический прием «перифраз» (греч. periphrasis – пересказ) – **название предмета заменяется описанием его признаков, как бы «расшифровывается», замещается определением через признаки и свойства:** *Пришли мне витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т. е. штопор* (А.С. Пушкин «Письмо Пушкину Л.С.»).

Обратимся к некоторым рекламным текстам, показывающим, что с метонимией нужно обращаться осторожно, использовать этот троп обдуманно.

Ты возьми большую свежесть... – слышали мы ежедневно в телевизионной рекламе жевательной резинки. Жевательная резинка (предмет речи) названа (обозначена) по характерному свойству – свежести вкуса.

Однако в приведенной фразе нарушены законы сочетаемости слов русского языка. Если можно взять одну «жвачку», то никак нельзя взять свежесть: ее можно только почувствовать.

Кроме того, свежесть не бывает ни первой, ни второй – она или есть или нет. Во фразе дважды нарушены нормы русского языка.

Еще пример. *Разноцветные конфетки – конфетки всех цветов радуги* – названы радугой (предмет назван по признаку: метонимия). Слышится призыв: *Попробуй радугу фруктовых ароматов!* Радуга ароматов не очень хорошо: не цвет главное в конфетах, а вкус и запах. Автору текста рекламы приходится вернуться от радуги (цвета) к более существенному признаку – он выбирает запах (фруктовый аромат

и разнообразие этих фруктовых ароматов). Не чувствуя слова и его возможностей, создатель текста прибегает к насилию над ним. Получается странная радуга фруктовых ароматов: цвет – запах – разнообразие того и другого. Сознание слушателя (адресата) – получателя рекламы не может справиться с задачей живо представить себе одновременно все компоненты смысла текста (цвет, запах, фрукты). Однако автор текста призывает адресата еще и попробовать все вместе (к смыслу рекламного текста добавляется еще одна идея – вкус). Нарушена и психология восприятия речи, и нормы сочетаемости слов языка: попробовать радугу невозможно не только реально, не только «психологически», но и «лингвистически». Проанализированный текст – один из многочисленных текстов-монстров, чудовищ, которые предлагаются нам потребителям.

Ирония (греч. *eironēia* – притворство) – риторический троп, который также, как метафора и метонимия, удерживает в сознании адресата два значения слова: прямое (буквальное) и переносное (противоположное первому).

Сила и важность иронии как риторического средства известна еще в древности. Сократ прославился своей знаменитой иронией: именно она наряду с майевтикой (искусством повивальной бабки – искусством помочь истине родиться в беседе) была «могучим и гибким инструментом сократовской философии» (А. Лосев). Ирония является не только инструментом воздействующей речи, но и инструментом философии, орудием мысли.

Ирония Сократа была «всецело пронизана этикой и моралью» (А. Лосев). Эта ирония была инструментом созидательным, а не разрушительным. Она «медленно, но верно перевоспитывала людей уже на новый лад» (Лосев, А.Ф. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – М., 1969. – С. 78).

К сожалению, такая ирония в современной речи практически не встречается. Зато часто можно услышать пагубное, разъедающее воздействие иронии. Ирония может переходить в едкую издевку, сарказм, но никогда не должна превращаться в грубость.

Простейший вид иронии – так называемый «**антифраз**», когда слово употребляется в противоположном смысле: безобразного называем *Аполлоном*, слабого *Геркулесом*.

По принципу иронии целиком построены такие известные тексты, как «Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского (1509).

Справедливую оценку действий и явлений можно дать и с помощью **иронии** – приема, состоящего в том, что слова или выражения употребляются в смысле, противоположном буквальному. За внешне положительной оценкой скрыта острая насмешка. Ирония усиливает полемический тон речи. А.Ф. Кони с помощью иронии оценил заключение, данное помощником пристава: *«Мы знаем, что молодой банкир женился, поколотил студента и был посажен под арест. На другой день после этого нашли его жену в речке Ждановке. Проницательный помощник пристава усмотрел в смерти ее самоубийство с горя по мужу...»*.

Очень тонко применяет иронию адвокат Я.С. Киселев по делу Бердникова: *«Легко может показаться, что то объяснение, которое она дает фактам, похоже на правду. Наталия Федоровна, видя внимание и заботу мастера, была убеждена, что он все это делает, так сказать, по зову совести. Но как она ошиблась! Оказывается, Бердников расставлял силки, надеялся склонить ее к сожигательству. Действовал он осторожно, ничем не возбуждая ее подозрений. По простоте душевной она поделилась с Бердниковым своей радостью: муж, который свыше года был в отсутствии, приехал к ней. И тут-то Бердников, сообразив, что рушится все, что он так коварно и так тщательно готовил, потребовал грубо и цинично: «Сожигательствуй*

со мной!». Потребовал угрожая и запугивая. И только тогда открылись глаза у Наталии Федоровны. Это было для нее катастрофой. Так гибнет вера в человека. А когда возмущенная до глубины души Наталия Федоровна отвергла циничное предложение Бердникова, он стал выживать ее с завода». Здесь в каждом высказывании содержится ирония.

Ирония нередко осуществляется в форме **парадокса**.

Парадокс (греч. *paradoxos* – неожиданный, странный) – утверждение, изречение, противоречащее, на первый взгляд, здравому смыслу, но таящее в себе более глубокое значение, чем то общепринятое, банальное высказывание (мнение), которое служит в парадоксе предметом иронии. *Лучшее правительство то, которое меньше всего правит,* – сказал американский философ Джефферсон. *Только неглубокие люди не судят по внешности,* – заявил Оскар Уальд, заметивший также: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра.*

Парадокс – прекрасное риторическое средство, придающее речи блеск, вызывающее у слушателя удовольствие, помогает разрушить догму, высмеять устаревшее. Для того чтобы успешно пользоваться парадоксами, нужно помнить, что он должен быть краток, четок, афористичен, логически завершен.

Термин парадокс возник в Древней Греции (так называли оригинальное, самобытное мнение). Целый философский трактат под названием «Парадоксы» принадлежит Цицерону. Можно обратиться также к парадоксам Ф. Ларошфуко, Ж.-Ж. Руссо, А. Моруа, Б. Шоу, О. Уайльду, М.Е. Салтыкову-Щедрину и др. По моделям парадоксов построены и многие пословицы (*Тише едешь – дальше будешь*).

Даже заимствованные, чужие парадоксы могут быть с выгодой использованы в речи. Некоторые парадоксы постоянно используются ораторами в публичной речи: *Твои взгляды мне ненавистны, но всю*

жизнь я буду бороться за твое право отстаивать их (изречение Вольтера).

Аллегория (намек) является средством непрямого (косвенного) информирования. Это значит, что адресат речи получает высказывание, которое может понять и буквально, но должен расширить, дополнить его, развить работой собственной мысли. Категория намека подразумевает «додумывание» адресатом высказывания говорящего. Категория аллегии предполагает, что и говорящий, и адресат оперируют и прямым значением, и противоположным ему косвенным значением; категория намека – что в высказывании нечто не выражено; что именно – это и есть загадка для адресата. Чем удачнее намек – тем больше вероятность, что адресат почувствует, что что-то не договорено.

В книге П. Сергеича «Искусство речи на суде» есть глава, которая называется «О недоговоренном». Автор пишет: «Оратор должен... не только сам быть умен, но и возбуждать ум в других». Приведем самые общие положения и рекомендации, выработанные П.С. Пороховщиковым:

1. У каждого человека есть «потребность дополнить чужую мысль или возразить ей». Она «бывает особенно сильна, когда возражение подсказывается знанием, жизненным опытом и еще более самолюбием».

2. «Опытный оратор всегда может прикрыть от слушателей свою главную мысль и навести на нее, не высказываясь до конца». Надо запомнить, что половина больше целого. Это значит, что хороший оратор не все должен договаривать, а предоставить возможность слушателю самому прийти к нужным выводам, желательному для оратора мнению, и полюбить это свое «детище». «Недоговоренная мысль всегда интересней высказанной до конца; кроме того, она дает

простор воображению слушателей; они дополняют слова оратора каждый по-своему: половина больше целого!».

3. «Не договаривайте, когда факты говорят сами за себя», – советует автор судебному оратору. Эта рекомендация полезна в любой сфере деятельности.

4. Наиболее широкая и естественная сфера для намека, для «недоговоренного» в речи – область похвалы и порицания. «Неумелое восхваление переходит в лесть, насмешку, оскорбление или пошлость»; ничто так не требует сдержанности в выражениях, как похвала», – отмечает П. Сергеич. То же можно сказать и о порицании. У нас сейчас распространено прямое осуждение, неприкрытая хула, которая переходит в речевую агрессию, брань.

Избежать излишней категоричности в оценочных суждениях, в выражении похвалы и высказывании хулы помогает намек. «Хочешь воздать должное Цезарю, – говорится у Шекспира, – скажи: «Цезарь». Никто не подумает, что это значит трус, скряга, честолюбец; напротив, всякий представит себе те достоинства и заслуги, которые особенно ценит в людях» (П. Сергеич).

У Цицерона: *Вы, судьи, уже давно догадались, о чем я хочу сказать, верней, умолчать*, – говорит Цицерон в речи «В защиту Марка Целия Руфа».

В речи ораторов советского времени возник особый тип «намек-штампа». *Кое-где у нас еще имеются отдельные недостатки; кое-кто еще не проявляет полной бдительности* – модель ущербных намеков, брошенных в лицо всему обществу. Это намек, используемый в тоталитарном обществе, средство запугивания, террора.

Риторические фигуры

Насчитывается несколько десятков риторических фигур; все они очень интересны и полезны.

За два тысячелетия истории риторики создано много различных классификаций риторических фигур. Первая включает фигуры, при которых структура (конструкция, схема) фразы определяется соотношением значений слов – понятий в ней. Это антитеза и градация. Противопоставление понятий и соответствующее построение фразы образует фигуру антитезы, расположение понятий в порядке нарастания или убывания значения – фигуру градации.

Вторая группа объединяет синтаксические схемы (фигуры), закрепившиеся в речевой традиции как особые риторические средства потому, что они обладают свойствами облегчать ее слушание, понимание и запоминание. Это повтор, единоначатие, параллелизм и период.

Третью группу образуют риторические фигуры, рассматриваемые как приемы диалогизации монологической речи, привлекающие внимание адресата, активизирующие его, побуждающие к «собственному внутреннему слову», способствующие установлению гармонических отношений между говорящим и слушающим. Это риторические обращения, риторические восклицания, риторические вопросы.

Антитеза и градация – фигуры, часто встречающиеся в фольклоре. Это говорит об универсальности риторических форм, об их всеобщем значении: они делают речь легкой для восприятия, выразительной, запоминающейся, «интересной». Вспомним «Сказку о золотой рыбке» Пушкина. И она построена по принципу градации.

В современной ораторской практике градация употребляется часто, но не всегда удачно, вызывая комичный эффект или загромождая речь. Чтобы эта фигура была действенной, употреблять ее нужно не часто и так, чтобы ряд близких по значению выражений был построен действительно по нарастающей. Вот пример неудачного использования градации, выбранной П. Сергеичем из речи одного адвоката: *«Показания свидетелей в главном, в существенном, в основном*

совпадают; развернутая перед вами картина во всей своей силе, во всем объеме, во всей полноте изображает такое обращение с ребенком, которое нельзя не признать издевательством во всех формах, во всех смыслах, во всех отношениях; то, что вы слышали, это ужасно, это трагично, это превосходит всякие пределы, это содрогает все нервы, это поднимает волосы дыбом».

В этом тексте усиление эмоции создает нагромождение слов и выражений, близких по значению, но не нарастающих по эмоциональной силе. В этих рядах необходимо только одно слово из трех или одно из трех словосочетаний. Нагромождения их создают неясность и избыточность речи. Последний же в приведенном фрагменте словесный ряд действительно построен по нарастающей эмоциональной силе. Однако оратору недостает чувства меры, и результат скорее комический. Подобное наблюдается нередко и в публичных выступлениях наших дней.

Рассмотрим теперь удачный образец использования в публичном выступлении фигуры градации. Возьмем в качестве примера отрывок речи Толстого, произнесенной в Обществе любителей российской словесности (1859): *В последние два года мне случалось читать и слышать суждения о том, что времена побасенок и стишков прошли безвозвратно, что приходит время. Когда Пушкин забудется и не будет более перечитываться, что чистое искусство невозможно...*

Трехчленный словесный ряд, в котором значения его членов расположены по нарастающей или убывающей силе, придает смысловой структуре речи упорядоченность и стройность, облегчает ее восприятие, т. к. соответствует ожиданиям адресата. Поэтому такие трехчленные ряды, в основном восходящие, очень часты в публичной речи.

Повтор является мощным риторическим средством воздействия, употребляемым на всех уровнях языка и речи. *Карфаген должен быть разрушен!* – вот призыв, которым, как свидетельствует Плутарх, Тит Ливий, Цицерон и другие античные авторитеты, начинал и заканчивал свою речь Катон Старший (234–149 гг. до н. э.), непримиримый враг Карфагена. Этот риторический повтор и прославил Карфагена как оратора, сделал его имя бессмертным.

Каковы правила употребления повтора как риторической фигуры?

1. Если вы повторяете мысль, подумайте о том, чтобы она была высказана в разных формах. Возьмем хотя бы первую речь Цицерона против Катилины: *До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости?*

Все три фразы, по сути, означают одно: «Доколе?» Но показано происходящее в разных ракурсах: а) с точки зрения общества; б) как характеристика Катилины и отношений его с сообществом; в) как призыв к обществу ответить на брошенный вызов.

2. Ничуть не менее действенны повторения слов и словосочетаний: они создают ритм речи, делают ее поэтому в определенном смысле «музыкальной», а значит – легкой для усвоения и запоминания. Слушающий уже настраивается на определенную модель (схему) фразы или текста, знает, чего ему ждать. Это выгодно для говорящего и приятно для адресата. К таким повторам относятся следующие:

а) риторическая фигура **анафоры** (единоначатия) заключается в повторении слова (нескольких слов) в начале нескольких фраз, следующих одна за другой: *Таковы времена! Таковы наши нравы! (О времена! О нравы!) Все понимает сенат, все видит консул, а этот человек еще живет и здравствует!* (Цицерон);

б) **эпифора** – повтор заключительных элементов последовательных фраз: *Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник?* (Гоголь);

в) **фигура стыка**: последующая фраза начинается с повтора элемента, завершающего фразу предыдущую: *Жил на свете таракан. Таракан от детства (Достоевский); О весна без конца и без края – Без конца и без края мечта!* (Блок);

г) **повтор синтаксических конструкций (фигура параллелизма)**; параллелизм – особое устройство следующих друг за другом фраз с одной и той же синтаксической структурой, с однотипным порядком слов, с однотипными сказуемыми. Чаще всего такой параллелизм встречается в периодах.

Очень часто в фольклоре, в ораторской речи одна из параллельных конструкций описывает жизнь и чувства человека, а вторая представляет сходную картину из жизни природы; на параллелизме такого рода основана поэтика древнейших письменных памятников. Так, в Библии читаем: *Но гора, палая разрушается, и скала сходит с места своего; вода стирает камни, разлив ее смывает земную пыль; так и надежду человека Ты уничтожаешь. Теснишь его до конца, и он уходит; изменяешь ему лицо, и отсылаешь его. В чести ли дети его, он не знает; унижены ли, он не замечает. Но плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает* (Книга Иова, XIV, 18–22).

Повторы, т.е. повторение слова или словосочетания, используются судебными ораторами с целью привлечь внимание суда к важным моментам, подчеркнуть значимость того или иного факта. Вот как адвокат с помощью лексического повтора выражает мысль о справедливости российского суда: *«Все с нетерпением ждут исхода этого судебного процесса, ждут коллеги, близкие, студенты... Ждут приговора мудрого и справедливого, ждут торжества законности и правды!»* (И.М.К.).

Повторы помогают усилить, подчеркнуть мысль о случайном характере преступления: *«Что же представляет собой Саша Соновух, так неожиданно оказавшийся на скамье подсудимых? Я подчеркиваю неожиданно. Неожиданно для педагогов, неожиданно для родителей, неожиданно для товарищей. Почему неожиданно? Да потому, что поведение в прошлом было безупречным».*

Для выделения и подчеркивания каких-то явлений широко используется **инверсия** – изменение обычного порядка слов в предложении: *«Угрюм и мрачноват Сергей Тимофеевич. Да и как ему быть другим? Безрадостными были последние, перед встречей с Туркиной, годы его жизни»* (Я.С.К.). Или: *«О неприязненных чувствах ее к зятю шла уже речь. Не по сердцу был теще зять»* (Н.И.Х.).

К вопросу 3. Судебная речь как аргументативный текст.

Тезис и доказательства в аргументативном тексте

Под *логической культурой мышления* понимается умение раскрывать суть противоречий в реальной жизни, видеть за случайными событиями проявление закономерных связей, выявлять существенные стороны протекающих в мире социальных процессов и выражать логичность в устной речи. Логичность рассуждения – это ясность основных понятий и утверждений, отсутствие противоречий и несогласованностей, последовательность переходов от одной мысли к другой, аргументированное изложение материала. Именно эти качества логичного рассуждения регулируются известными в логике законами тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания.

Нарушение названных законов обычно выражается в неясности и двусмысленности, противоречивости, непоследовательности или бездоказательности. Это делает выступление нелогичным и малоубедительным. Именно о такой речи говорят, что в ней мало логики или

логика такого выступления «хромает». Оратору в данном случае мало помогают и профессиональные приемы, и правильность речи, и эмоциональная ее насыщенность. Сами по себе они могут оказывать лишь временное влияние, конечное же, их убеждающее воздействие на слушателей при отсутствии логики в рассуждениях выступающего оказывается крайне незначительным. «Для успеха речи важно течение мысли лектора. Если мысль скачет с предмета на предмет, перебрасывается, если главное постоянно прерывается, то такую речь почти невозможно слушать, – писал А. Ф. Кони и при этом указывал на возможные приемы обеспечения последовательности. Надо построить речь так, чтобы вторая мысль вытекала из первой, третья из второй и т. д., или чтобы был естественный переход от одного к другому». Последовательность изложения тесно связана с последовательностью мысли, с логикой речи.

Опираясь на законы тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания, на правила оперирования понятиями и суждениями, используя различные виды умозаключений и доказательств, оратор добивается точных формулировок, последовательности в изложении материала, непротиворечивости выводов, строгой аргументации выдвинутых положений. Однако подчеркивая важное значение формальной логики в риторике, необходимо сказать и о том, что логические основы устной речи не ограничиваются принципами формальной логики. Ведь формальная логика – наука о выводном знании; она изучает законы правильной связи мыслей в процессе рассуждения, выясняет условия выведения новых знаний из знаний, установленных и проверенных. Ее задача состоит в том, чтобы определить условия получения истинных выводов из истинных посылок на основании правильного применения к ним законов. Логика – это инструмент, помогающий оратору доказывать выдвинутые тезисы, убеждать аудиторию, делать свои мысли ясными, четкими, стройны-

ми. Пренебрежение логикой, ее законами так или иначе резко отражается на содержании речи, затрудняет ее восприятие. В этом смысле принято говорить о логической культуре речи, включающей в себя понятие о логико-композиционном оформлении речи, о методах изложения материала и способах аргументации.

Неопытным ораторам свойственны следующие композиционные ошибки:

- неконкретность изложения в случаях, когда говорящий хочет рассказать много о разных по содержанию вопросах;
- уход от основной темы, стержня выступления, подмена его ненужными деталями;
- отступление от намеченного плана речи. Оратор, например, говорит, что он намерен остановиться на трех вопросах, но во время выступления или пропускает какие-то пункты, или переставляет их местами;
- нарушение связи между композицией и аргументами, стилем изложения и языком;
- неумение распорядиться отведенным временем: растянутое вступление в начале и скороговорка в конце, скомканность основных положений;
- отсутствие четких выводов в заключительной части выступления;
- неумение организовать материал с учетом аудитории, обстановки и целей, которые были поставлены перед выступающим.

Внутренняя гармония речи, слаженность и пригнанность всех ее частей, стройная композиция вызывают у слушателей ощущение эстетического удовольствия.

В юридической деятельности и особенно в законотворческой постоянно приходится оперировать логическими терминами и строго

следовать правилам их построения и использования. Это относится прежде всего к требованиям, предъявленным к конструированию *определений*, введению в речь новых понятий, использованию рассуждений и умозаключений.

Вот правила, которыми руководствуются при создании определения:

- определение должно быть соразмерным: объемы определяемой и определяющей частей должны быть равными;
- в определении нельзя использовать другое, которое само определяется при помощи первого;
- определение должно быть ясным. Ошибочно конструировать определение неизвестного через неизвестное. Например, идентификация – это установление тождества, тождество – это идентификация;
- определение должно быть положительным, в нем должно что-то утверждаться, а не отрицаться принадлежность какого-либо признака содержанию определяемого понятия.

К понятиям, вводимым в речь, логика сформулировала следующие требования:

- используемые понятия должны быть истинными по своему существу, т. е. соответствовать действительности, отражать реально существующие явления, связи, отношения;
- в понятиях следует фиксировать существенные признаки рассматриваемых явлений, а не второстепенные, поверхностные, малозначимые. Если это требование не соблюдается, то понятие утрачивает свою значимость, теряет свой основной смысл, что снижает познавательную и воспитательную функции речи;

- вводимые понятия должны быть логически непротиворечивыми;
- понятия должны быть доказательными, т. е. соответствовать логическому закону достаточного основания. В противном случае они не будут приняты слушателями, а значит и не будут способствовать выработке убеждений;
- любое сложное понятие должно быть разъяснено на основе понятий элементарных, простейших (но не примитивных). Лишь таким путем его можно довести до сознания слушателей. Понятие усваивается, когда оно изложено четко, ясно, просто, коротко и недвусмысленно.

Рассуждение – функционально-смысловой тип речи (наряду с описанием, повествованием), строится на логических умозаключениях, на причинно-следственных связях. Истинность какого-либо суждения доказывается или опровергается с помощью аргументов. Рассуждение – это цепь умозаключений, это доказательства и опровержения, это сопоставления и противопоставления, это причинно-следственные связи явлений, обобщения и выводы. Цель рассуждения состоит в проверке истинности какого-либо утверждения (тезиса) с помощью таких доводов, которые признаются убедительными, истинность которых проверена ранее, не вызывает сомнений. Рассуждение часто используется в дискуссионной речи (полемика, обсуждение, судебные прения) и в научных выступлениях, в публицистике и в деловых беседах, в образовательном процессе. Юрист П. Сергеич (П. С. Пороховщиков) рекомендовал, чтобы речь была написана в виде подробного логического рассуждения. Каждая отдельная часть рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого, а эти части соединены между собой в общее неуязвимое целое. Очень важно, чтобы каждое звено в цепи было прочным – ни одно

умозаключение не содержало ошибку. В противном случае цепь окажется разорванной, последовательность рассуждений нарушенной.

Умозаключение представляет собой логическую связь суждений, где вывод из посылок возможен благодаря тому, что процесс рассуждения подчинен логическим законам, правилам логики. Истинный вывод из истинных посылок мы получим лишь в том случае, если умозаключение построено в соответствии с этими правилами.

Логическая культура речи – это смысловая стройность, ясность и строго мотивированная последовательность, развернутая ораторская мысль посредством звучащего слова, умелое владение законами мышления и его формами, что находит отражение в понятиях, суждениях, аргументации публичного выступления. Законы формальной логики в речи оратора подчинены научному методу познания логики диалектической, требующей конкретно-исторического подхода к любому явлению и предмету, развития мысли от явления к сущности первого порядка, от непосредственного к опосредованному, от абстрактного к конкретному, от анализа к синтезу, от общего к особому и отдельному.

Главный принцип диалектической логики – всестороннее, конкретное рассмотрение предметов и явлений в их развитии с использованием критериев практики.

Логическая культура оратора проявляется прежде всего в рациональной организации информации, содержащейся в его выступлениях. Это выражается в четком изложении основных идей, в конструировании относительно самостоятельных информационных блоков, последовательном и внутренне согласованном их изложении, умелой расстановке логических акцентов в процессе выступления. Успех публичной речи во многом зависит от умения ее построить. Четкая композиция – логическая структура, которая способствует сознательному и активному восприятию темы, и, наоборот, слишком усложнен-

ная или расплывчатая композиция рассеивает внимание слушающих, действует на них демобилизующе.

Оратор строит свое выступление, заботясь о единстве трех его композиционных частей: вступления, главной части и заключения. Эти части публичного выступления подчинены цели речи, и это рождает нечто стройное, живое и органичное, о чем древнегреческий философ Платон писал: «Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому».

Задача вступления – подготовить аудиторию к восприятию темы, связав его с уже известными понятиями, положениями, с темой предыдущего выступления, пробудить интерес, завладеть вниманием присутствующих. Вступительной части речи вредит растянутость, условность при определении цели выступления – все то, что может оттолкнуть слушателей, возвести невидимый барьер между ними и выступающими. Вступление должно быть «упругим», отличаться краткостью, простотой, естественностью и быть занимательным, если позволяет тема и обстановка, в которой произносится речь.

Главная часть – самая большая и самая ответственная в публичной речи. Подведя аудиторию к восприятию темы, оратор должен переключить ее внимание на существо излагаемого вопроса и постоянно следить, чтобы аудитория «шла» за ним. Для достижения этой цели оратор тщательно продумывает методы логической организации материала, помогающие ему четко построить главную часть речи. К этим методам относятся индукция, дедукция, аналогия, сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение.

Индуктивный метод побуждает аудиторию проделать путь познания общего через частное. Достоинства этого метода отмечал еще Аристотель: «индукция убедительна и проста и с точки зрения чувст-

венного познания более выгодна и доступна». Аудиторию с невысокой общеобразовательной подготовкой лучше всего вести к научным выводам через простые, жизненные, впечатляющие факты. При дедуктивном методе рассуждения оратор ведет своих слушателей к познанию истины от общего положения к частным случаям его проявления. К этому методу прибегают в случае необходимости разъяснить сложный, малоизвестный вопрос в хорошо подготовленной аудитории.

Если выступление касается вопросов, требующих изложения в развитии, в соблюдении хронологии событий, содержание предпочтительнее подать в историческом плане.

Заключение способствует осмысливанию всего сказанного, уяснению выводов, вытекающих из произнесенной речи, и вместе с вступлением является как бы обрамляющей частью. Здесь уместно вспомнить немецкую пословицу: «Конец содержит краткий смысл длинной речи».

В юриспруденции разработаны правила использования аргументов в процессах межличностного противодействия, в условиях конфликтных ситуаций, характерных для предварительного следствия. Правила эти следующие.

Перед использованием системы аргументов целесообразно снять напряжение у конфликтующего партнера, ослабить силу воздействия переживаний, связанных с расследуемым делом, т. е. установить с участником процесса психологический контакт. Затем надо адаптировать систему аргументов к личности партнера, чтобы он понял и принял смысл оказываемого воздействия, но не обратил особого внимания на форму и цели передачи аргументов. При этом учитывается уровень его интеллекта, общего и специального образования. После этого избирается тактика аргументации, которая может быть либо прямой, когда аргументируется тезис следователем, либо обратной

(контраргументация), с помощью которой опровергается прямая аргументация процессуального партнера.

При аргументации важно придерживаться еще двух правил:

- признавать правоту партнера при наличии достаточных аргументов хотя бы для того, чтобы сохранить с ним контакт и иметь время для проверки истинности заявлений;
- не упорствовать в неверно избранной позиции, так как все это делается в судопроизводстве не ради победы в споре, а для установления истины.

Разработаны приемы прямой и обратной аргументации. Вот они:

- прослушать аргументацию партнера, проанализировать, найти противоречия и предъявить их для последующего обсуждения;
- позитивно оценить аргументы, отличающиеся правдивостью, что будет способствовать контакту и демонстрации объективности следователя. Ни один позитивный аргумент партнера не должен остаться без внимания и положительной оценки;
- провести дробление аргументов партнера на более мелкие, чтобы извлечь максимум информации из фрагментов, недостаточно защищенных партнером;
- из каждого своего аргумента или аргумента партнера следователь может извлечь выводы на перспективу, в ретроспективу, об основах аргумента, его условия, мотивации, последующим следствиям. Аргумент здесь выступает поводом для глубокого и долговременного проникновения в борьбу мотивов партнера;
- системный анализ аргумента с публичной демонстрацией его преимуществ и слабых сторон. Например: «Вы совершенно правы в своих оценках, предложенных для анализа доказательств, но...». После этого вся положительная оценка позиции партнера разбива-

ется более крепкими доказательственными фактами или логическими приемами;

- игнорирование определенных блоков информации, предлагаемых партнером. Следователь как бы не замечает предложенных партнером аргументов или занижает их доказательственную ценность. Вместе с тем следователь впоследствии возвращается к данному эпизоду, когда накопит достаточный потенциал для опровержения данной позиции;
- тактическая дифференциация и извлечение наиболее активных аргументов противодействия. Суть приема в «выдергивании» отдельных фраз, фрагментов аргументации и рассмотрении их в невыгодных для партнера контекстах. Технически это можно сравнивать с использованием цитат и «за» и «против» аргументированной позиции. Один и тот же аргумент, но в разных контекстах и разных фоновых показателях следственной ситуации будет выглядеть диаметрально противоположно;
- изменение направлений воздействия аргумента в обратную сторону, т. е. обращение его не в защиту позиций, а в сторону их разрушения. Это характерно при аргументации ложного алиби обвиняемого, когда инсценировка невинности несет в себе следы инсценированности, что опрокидывает желание обвиняемого продолжать держаться за предложенную следователю легенду;
- разделение аргументов на главные и второстепенные и рациональное распределение интенсивности процесса контраргументирования. Разумно контраргументировать второстепенные и малозащищенные аргументы, чтобы при накоплении определенных потенциалов приступить к главным аргументам, которые наиболее защищены и продуманы партнером. В реализацию данного приема аргументирования вводится серия вопросов-разрушителей: повторные, контрольные, детальные, уточняющие.

Юрист должен своевременно закончить аргументацию, чтобы не девальвировать собственную позицию. Способность достойно отступить так же важно, как и умение наступать.

К вопросу 4. Инвенция (изобретение речи).

Работа судебного оратора над содержанием речи

Общие места рассуждений. Топика

Особое место в классической риторической традиции на этапе инвенции занимает так называемая **топика** – **система «общих мест» (топов, смысловых моделей) и способов их применения на этапе изобретения речи.** Топика отражает наиболее общие, универсальные законы человеческого мышления.

Термин *топ, топос (общее место)* занимает в теории и практике риторики особое положение. В современном русском языке словосочетание *общее место* обозначает «всем известная истина, слишком часто употребляющееся, всем известное выражение» (Словарь русского языка в четырех томах). **Общее место** понимается как **общее рассуждение, наблюдение, расхожая истина**, которые используются в подходящем случае (*время летит, нельзя дважды войти в одну и ту же реку, смерть уготована всем, человек смертен*).

Однако в древней риторике, в классической риторической традиции общие места представляли собой вовсе не избитые фразы, не готовый результат чужого творчества, а настоящие смысловые модели, по которым может быть построена любая речь. Общие места представляли собой универсальные модели, с помощью которых осуществлялась мыслительная деятельность человека и с помощью которых он создавал понятия. Таким образом, модель, по которой можно было изобрести новую идею, новое понятие, получила имя **место** (топос, топ, англ. topic – тема речи). Общими эти смысловые модели названы

по причине их обобщающей природы, см. у Аристотеля: «О чем мы говорим общими местами-топами; они общи для рассуждений о справедливости, о явлениях природы, и о многих других, отличных один от другого предметов; таков, например, топ большего и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему, как относительно явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе» (Риторика. Книга первая).

Перечень этих смысловых моделей у разных риториков разный. Так, Аристотель в своей «Риторике» дает описание около 40 моделей – 28 «надежных» топов (10 «ненадежных», «ошибочных»), которые советует использовать для изобретения речи и составления энтимем. У Аристотеля перечень смысловых моделей и их описание приводятся для обучения искусству аргументации. Это значит, что каждая смысловая модель-топ может использоваться не только для изобретения содержания речи, но и для доказательства, как довод (аргумент). У Цицерона в трактате «Топика» имеется 16 основных топов, которые автор также представляет для доказательства. Это такие общие места, как определение, часть, род, вид, сходство, различие, причина, следствие, сравнение и т. д.

В русской риторической традиции топика описывается в трудах Ломоносова, Кошанского. Так, Ломоносов предлагает 16 моделей-способов «расплодить» простые идеи (16 топов). Он при этом предлагает различать идеи «простые» (понятия) и «сложенные» (сложные суждения). К «простым» идеям у Ломоносова относится, например, *ночь*. Сложенная – *Ночью люди после трудов покоятся*. Ломоносов, человек всесторонне образованный, человек универсальный, творческий заметил необыкновенно интересную закономерность: идеи живут. И они обладают одним из важнейших средств жизни – идеи способны размножаться! «Из одной простой идеи расплодятся могут

многие», – пишет ученый в «Кратком руководстве к красноречию...» (СПб, 1810, с. 18).

Как же размножаются, как «плодятся» идеи? Удивительно! Но делают они это аналогично живым клеткам: идеи размножаются делением! Способы размножения идей и открывает одна из главных частей риторики – инвенция, изобретение. Именно она, – говорит Кошанский, – «дает способы думать и, думая, соединять одну мысль с другой» (Общая риторика. – СПб, 1844. – С. 2), «открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых», а значит – мыслить (С. 7).

В «Общей риторике» Кошанского таких топов-моделей 24. Рассмотрим наиболее последовательный набор общих мест или топов, которые предлагает классическая риторика.

Список топов

Наименование топа	Краткое его описание	Примеры построения речи
Род и вид, разновидности	Топ отражает универсальный закон человеческого мышления – нисхождение от общего к частному (логическая дедукция) и от частного к общему (логическая индукция). Представляет собой последовательное расчленение родового понятия на видовые и возве-	Представьте, что предмет вашей речи – «простая идея», например, роза. Никакая речь о розе невозможна без разложения этой простой идеи по модели «общее / частное», или «род и вид». Общим, родовым понятием (идеей) по отношению к розе будет цветок и расте-

	<p>дение видовых понятий к одному общему, универсальному, родовому понятию.</p>	<p>ние (более высокая степень обобщения), а еще садовый цветок (если вы захотите противопоставить красоту розы или ее капризность естественной красоте, скромности, неприхотливости полевых цветов). Видовыми (частными) понятиями (идеями) будут разновидности розы: простой дикий шиповник, махровая садовая роза, белая и алая роза.</p>
<p>Определение (дефиниция, экпликация)</p>	<p>Определение, по словам Н.Ф. Кошанского, «труднейший, но и полезнейший» источник изобретения. Чаще всего оно осуществляется «через ближайший род и видовое отличие». Но определение не обязательно должно</p>	<p>«Человек – двуногое без перьев» (Аристотель). «Человек есть животное, одаренное разумом, словом или бессмертной душой» (Н.Ф. Кошанский). «Дуб – самое красивое лесное дерево нашего климата».</p>

	<p>следовать сократовской традиции (общий род – специфическое отличие). Часто встречаются и определения-метафоры, образные, яркие определения, построенные на сходстве или на смежности предметов.</p>	<p>«Лето – самое благословенное время года».</p> <p>«Медведь – всем известный зверь, своею неуклюжестью и неповоротливостью вошедший в пословицу».</p> <p>Очки – род инструмента, который употребляется для того, чтобы лучше видеть вблизи и вдали («Стилистические задачи. Рассказы, описание, сравнение, периоды и хрии» (1874), составленные И. Гавриловым).</p> <p>«Жизнь есть сон» (название пьесы испанского драматурга Кальдерона).</p> <p>«Любовь, любовь, гласит преданье, союз души с душой родной, их съединенье, сочетание, и роковое их</p>
--	--	---

		<p>слиянье. И поединок роковой (Ф. Тютчев). «Что такое осень? Это небо, плачущее небо под ногами» (Ю. Шевчук).</p>
Целое – части	<p>Предмет речи (идею) нужно рассмотреть: а) как часть некоего целого и рассуждать также об этом целом (У Кошанского: если вы говорите о Москве, естественно сказать и о России; если предмет вашей речи – беседка, говорите также и о саде); б) рассмотреть элементы, части, составляющие предмет речи, и говорить о них по отдельности. Данный риторический топ отражает универсальный закон работы мышления – движение от целого к частям предмета и</p>	<p><i>Карандаш – одна из письменных принадлежностей. В нем две части: деревянная палочка, а в нее вставляется графитовая сердцевина.</i> <i>Очки (определение, функции). Очки большей частью состоят из двух круглых или овальных стекол, вделанных в легкую оправу. Стекла в очках бывают белые, синие и зеленые, и притом выпуклые и вогнутые... Оправа очков делается из стали, черепаховой кости, гуттаперчи, а также из серебра и золота</i> (примеры из дорево-</p>

	<p>снова к целому. В традиционной речи – описании конкретного предмета это описание отдельных его частей следует непосредственно за определением предмета.</p> <p>Разделение предмета на части» - в риторических целях (в целях эффективности речи) – вовсе не такая простая задача, как может показаться на первый взгляд. Даже простое описание конкретного предмета требует соблюдения принципов: а) выделяются только те части таких предметов, которые делают их функциональными, непосредственно служат для их употребления; б) самые заметные, бросающиеся в глаза пред-</p>	<p>люционных риторик).</p> <p><i>Хорошо, подробно знает десятилетний мальчик свои коленки, – расчесанный до крови волдырь, белые следы ногтей на загорелой кожи и все те царапины, которыми расписываются песчинки, камушки, острые прутики. Комар улетал, избежав хлопка, французенка просила не егозить; с остервенением, скаля неровные зубы, которые столичный дантист обхватил платиновой проволокой, – нагнув голову с завитками на макушке, он чесал, скреб всей пятерней укушенное место... (В. Набоков. «Защита Лужина»).</i></p>
--	---	--

	меты, отличающие их от других сходных предметов (принцип дифференциальных частей-признаков).	
Свойства	<p>Свойства – это признаки предмета речи, его качества, функции, характерные действия. Топ свойства занимает особое место в текстах-описаниях. Умение хорошо описывать предмет подразумевает умение выделять важнейшие свойства и характерные признаки предмета речи.</p> <p>При этом, чтобы правильно использовать топ свойства, нужно отбирать только существенные, характерные признаки, качества объекта, те, которые делают его действительно интересным как предмет</p>	<p><i>Демоническая женщина отличается от обыкновенной прежде всего манерой одеваться. Она носит черный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой «для цианистого калия, который ей непременно пришлют в следующий вторник», стилет за воротником, четки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке. Носит она также и обыкновенные предметы дамского туалета, только не на том месте, где им полагается быть. Так, например, пояс</i></p>

	<p>речи для говорящего и для адресата, не избегает при этом выражения собственных оценок, эмоций.</p> <p>Всякое неумелое, школярское описание отличается тем, что признаки предмета перечисляются без разбора, равнодушно, в описании никак не отражаются собственные чувства, оценки говорящего, отсутствует его личностный, субъективный взгляд на описываемое.</p>	<p><i>демоническая женщина позволит себе надеть только на голову, серьгу на лоб или на шею, кольцо на большой палец, часы на ногу. За столом демоническая женщина ничего не ест. Она вообще никогда ничего не ест. К чему? (Тэффи. «Демоническая женщина»).</i></p>
Сопоставление	<p>Сравнение – поиски сходства между предметами и явлениями, поиски общего.</p> <p>Сравнение рассматривается как важнейший механизм познания мира, при котором одно познается через другое, демон-</p>	

	<p>стрируется через что-то другое. Модель сравнение построена из двух членов (объект сравнения – то, что сравнивается; предмет сравнения – то, с чем сравнивается) и термина сравнения, связывающего эти члены (то общее, что дает возможность сравнивать вещи).</p>	
Противопоставление	<p>Поиски в предмете различного (противоположного). Мышление и речь, сопоставляя окружающие человека явления и предметы, оперируют и другим, хотя и сходным по сути и структуре механизмом: познать вещь и представить ее в речи можно и «сталкивая» ее с другой вещью, обладающей противоположными свой-</p>	<p><i>Остается нам, судьи, размыслить, который же из двоих скорей, можно думать, убил Секста Росция: тот ли, к кому пришло с этой смертью богатство, или тот – к кому скудость? Тот ли, кто прежде был не богат, или тот, кто после стал нищим? Тот ли, кто, расплаемый алчностью, бросается на своих, или тот, кто всею</i></p>

	<p>ствами. Из этого столкновения рождается специальная риторическая фигура – антитеза. Сам процесс, механизм поисков противоположностей является смысловой моделью, универсальным способом познания и речи. «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они еще понятнее...» (Риторика. Книга третья, с. 9).</p>	<p><i>жизнь был стяжательства чужд, зная только доход, приносимый трудом? Тот ли, кто наиболее дерзок из всех в своем промысле, или тот, кто, непривычный к форуму и судам, страшится здесь не только скамей, но и самого города? (Цицерон. «Речь в защиту Секста Росция Америкейца»).</i></p>
<p>Причина и следствие</p>	<p>Причинно-следственные отношения чрезвычайно важны в аргументирующей речи (при рассуждении, в доказательстве), поэтому такое большое место уделяется это-</p>	<p><i>Чем больше в Англии старых дев, тем больше там удои молока. Старые девы любят держать кошек, кошки истребляют мышей; мыши разоряют гнезда по-</i></p>

	<p>му общему месту у Аристотеля, у Цицерона и в других поздних риториках.</p> <p>При использовании для изобретения содержания речи этот топ, находя причины предмета речи, обнаруживая его следствия, нужно помнить о наиболее часто встречающейся в речи оратора ошибке. Отношения причины и следствия часто подменяются отношениями временной последовательности событий.</p>	<p><i>левых шмелей; полевые шмели опыляют посевы клевера на полях; клевер урождается, если нет мышей и есть шмели; коровы получают в достатке корм; удои молока увеличиваются</i> (Ч. Дарвин. «Происхождение видов»).</p> <p><i>Если выйду замуж за Ганса, и родится у нас ребенок, вырастет он большой, и придется ему пойти в погреб пива нацедить, то вдруг упадет ему на голову кирка и убьет его насмерть</i> («Умная Эльза». Немецкая сказка).</p>
Обстоятельства	<p>Модель представлена топами-вопросами <i>что? где? когда?</i>, при помощи которых можно описать время, место событий и само событие.</p>	<p>Сципион Африканский (псевдоним писака-журналиста, героя рассказа Н. Тэффи «Карьера Сципиона Африканского») побеждает в жизни и</p>

	<p>Особенно важны эти топы в повествовании, однако могут употребляться и в описаниях.</p>	<p>преуспевает в газетном деле благодаря искусству употреблять топ «место, время, условия». Вот как это происходит.</p> <p>Журналистов не пустили в Думу. Однако Сципион спасает свою газету, легко сочиняя «репортажи из кулуаров»:</p> <p><i>Прекрасная зала екатерининских времен, где некогда гулял сам светлейший повелитель Тавриды, оглашается теперь зрелищем народных представителей. Вот идет П.Н. Милюков.</i></p> <p>– <i>Здравствуйте, Павел Николаевич!</i> – говорит ему молодой симпатичный кадет.</p> <p>– <i>Здравствуйте!</i></p> <p><i>Здравствуйте!</i> – приветливо отвечает ему лидер партии на-</p>
--	---	---

		<p><i>родной свободы и пожимает ему правую руку своей правой рукой... После краткой беседы с социал-демократами мы вынесли убеждение, что они бесповоротно примкнули к партии с.-д. Вот раздалась звонкая польская речь, это беседуют между собой два представителя польской группы. В глубине залы, у колонн, стоит Гучков. – Какого вы мнения, Александр Иванович, о блоке с кадетами? Гучков улыбается, делает неопределенный жест. У входа в кулуары два крестьянина горячо толкуют об аграрной реформе. В буфете, у стойки, закусывает селедкой Пуришкевич, который принадлежит к край-</i></p>
--	--	--

		<p><i>ним правым. «Нонича, теперича, тае-тае», – говорят мужички в кулуарах.</i></p>
<p>Пример, свидетельство</p>	<p>Примеры, иллюстрирующие мысль говорящего, черпаются им из собственного жизненного опыта, из истории, фольклорных источников (сказок), из художественной литературы, из Священного писания. При использовании примеров следует помнить об общериторическом принципе конкретности и близости, т. е. иллюстрации должны быть взяты из области, хорошо знакомой и близкой адресату речи, соответствующей уровню его восприятия и понимания.</p> <p>Свидетельства – риторическое общее</p>	<p>Тема. <i>Добрый конец всему делу венец.</i></p> <p>Примеры: жизнь Ломоносова, история начала Московского княжества.</p> <p>Свидетельства: <i>Грустно думать, что напрасно была нам молодость дана.</i> (Пушкин).</p> <p>Тема. <i>Юность нам советует лукаво, и шумные нас радуют мечты.</i> (Пушкин).</p> <p>Примеры: Ломоносов, Пушкин, подвергавшиеся искушениям в юности, но преодолевшие их.</p> <p>Свидетельства: <i>Увы! На разные забавы я много жизни погубил</i> (Пушкин).</p> <p><i>Минутной младости</i></p>

	<p>место, представляющее собой цитаты и изречения, которые употребляются в речи с целью придать ей весомость авторитета.</p> <p>Чтобы соблюдать общериторический принцип «гармонии речевого события», нужно помнить: источники, к которым вы обращаетесь, должны быть авторитетными прежде всего для вашей аудитории.</p> <p>В качестве материала для примеров берутся биографии прославленных ученых, знаменитых писателей, мыслителей прошлого, известных государственных деятелей.</p>	<p><i>минутные друзья</i> (Пушкин).</p> <p><i>Опомнимся, но поздно!</i></p> <p><i>И уныло глядим назад, Следов не видно там</i> (Пушкин).</p>
Имя	Смысловая модель <i>имя</i> является еще одним источником изо-	У Кошанского: «Владимир... повод для мысли: властелин ми-

	<p>бретения мыслей, развития темы – обращение к происхождению смысла слова, обозначающего явление или понятие, которое входит в название темы.</p>	<p>ра». Если вы говорите о городе, можно обратиться к его названию: <i>Петербург – город Петра.</i></p> <p>В сфере художественного творчества топ «имя» получает самоценность, достигает высочайшего статуса. Звучание слова, значение его становятся уже не просто средством изобретения смыслов, но приобретают качество живого материала поэзии.</p> <p>См. следующий текст:</p> <p><i>Пусти меня, отдай меня, Воронеж, Уронишь ты меня иль проворонишь, Ты выронишь меня или вернешь – Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож! (О. Мандельштам. «Воронежские тетради»).</i></p>
--	---	--

Тема речи должна быть осмыслена. Это значит, что ее нужно разработать, т. е. подразделить на ряд подтем, которые в совокупности и составят тему. Как это сделать? Античный образец предлагает уже готовую, четко очерченную программу, или понятийную «решетку», в соответствии с которой можно представить любую тему. Мысли приходят и уходят; иногда они трудноуловимы. Как их вызвать, привлечь, поймать? Это можно сделать, набросив на мелькающие в сознании идеи специальную «ловчую сеть» – сетку понятий, которые и «остановят» главные, нужные для развития вашей темы мысли. Эта «сеть» есть набор так называемых «общих мест», а по сути дела, заранее разработанная система понятий, предлагающая «способы мысли» о любой данной теме.

Приведем пример. Допустим, нам нужно говорить о зависти. Сначала полагается дать определение этого понятия (ответить на вопрос, что такое зависть), затем доказать справедливость этого определения, выделить разновидности зависти, сравнить их, чтобы оценить, далее показать, как избежать плохих разновидностей и как получить и развить хорошие и т. д. Таким образом, инвенция – испытанная веками традиция развития мысли о каждом данном предмете, культура мысли.

Классический канон подразумевает и нечто гораздо более сложное. Он ставит задачу отбора элементов в данной парадигме, т. е. «общих мест» (или «узлов сети») в соответствии с ситуацией общения, а таким образом – задачу выбора способов убеждения слушателя (Аристотель, напомним, определял риторику как «способность находить возможные способы убеждения для каждого данного предмета»). Скажем, из приведенного примера (разработки темы «Зависть») в конкретной ситуации и для конкретной речи вовсе не все

основные «узлы сетки» могут понадобиться: из них какие-то нужно выбрать (например, определение зависти и доказательство его), а какие-то можно опустить.

Каков же принцип отбора способов убеждения? На этот важнейший вопрос Аристотель отвечает исходя из структуры ситуации речевого общения.

Изобретая содержание конкретной речи, говорящий должен думать сразу «в трех измерениях»:

- 1) о том впечатлении, которое он сам производит на слушателей (это проблема нравственности говорящего и доверия к нему, проблема «образа говорящего», честности и ответственности оратора);
- 2) о слушателях и их эмоциях («о страстях», по Аристотелю);
- 3) о доказательности самой речи («о доводах»): «Доказательство достигается с помощью нравственного характера говорящего в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия и неудовольствия, любви или ненависти. Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличии для каждого данного вопроса» (Аристотель. Риторика. Книга первая).

Все это означает, что, обдумывая речь на этапе инвенции, ритор сначала выбирает определенную стратегию речевого поведения, в частности – «аргументативную стратегию», т. е. определенную систему способов убеждения. Ей, этой стратегии, он и подчиняет отбор элементов, на которые членится тема при ее понятийной разработке. Понятия и идеи, которые выберет из набора традиционных «общих мест» говорящий для своей темы и для конкретного выступ-

ления, должны в совокупности быть необходимы и достаточны для понимания данным слушателем сущности предмета речи.

Вернемся для объяснения к нашему примеру. О зависти (это предмет нашей речи) можно сказать, безусловно, многое и сделать это по-разному. Представьте себе, что хотите поговорить об этом: а) с учениками младших классов или со своими младшими братьями или сестрами; какую роль вы выберете тогда для себя как оратора (ритора-собеседника): наставника, старшего друга и советчика или другую;

б) со своими товарищами – в риторическом классе; на вечеринке во время застолья, произнося тост; при других обстоятельствах;

в) с незнакомой аудиторией, состоящей из ваших сверстников, – во время дискуссии при обсуждении нравственных проблем; в беседе на радио или телевидении.

Ясно, что в этих различных речевых ситуациях ритор должен по-разному определить и свою задачу, и развитие темы, и характер примеров и фактов, нужных для доказательства своих мыслей, исходя из особенностей слушателей, из принятой им речевой роли, из обстоятельств речи. Однако во всех случаях риторически образованный человек сможет использовать тот набор идей, служащий для развития, членения любой темы, который предоставляет ему классическая система «общих мест». Этим его задача существенно облегчается.

Итак, будем считать, что для перехода ко второму этапу пути от мысли к слову (для расположения, или диспозиции) готов (отобран) набор идей («подтем»), представляющих избранную тему речи в соответствии с ситуацией речи, задачей и ролью говорящего.

Речь должна быть тщательно обдумана и написана полностью или в виде развернутых тезисов, подробного плана, детальных набросков. Если в оратороведении не возникает вопроса в целесообразности

написания полного текста предстоящего выступления, то в юридической литературе относительно предварительного написания обвинительной речи имеются различные мнения.

Против предварительного составления обвинительной речи высказывались М. Аджам, Л.В. Владимиров, А.Ф. Кони, Т.В. Губаева. В книге «Словесность в юриспруденции» Т.В. Губаева пишет: «Что касается устного публичного выступления в суде, то мы должны признать наиболее целесообразной позицию А.Ф. Кони, утверждающего, что тот, кто «высидел предварительно свою речь на письме», уже не способен следить за ходом судебного следствия, не может правильно воспринимать «перемену декораций», так как «ревниво любит» свой готовый текст и не желает вносить туда никаких изменений, даже необходимых с учетом интересов дела. Произнесение такой речи напоминает затверженный урок. «Подогретое блюдо», подаваемое суду в подобном виде, всегда бывает «неудачно и безвкусно».

Противоположной точки зрения придерживался П.С. Пороховщиков: «Знайте, читатель, – писал он, – что, не исписав нескольких сажен бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руках». Все возражения против письменной работы над судебной речью П.Н. Обнинский удачно назвал «самонадеянным оправданием собственной лени». Прокурор не может, не вправе рассчитывать на свой интеллект, прошлый опыт, экспромт. «Импровизаторы, – говорит Квинтилиан, – хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми».

Импровизация, вдохновение – слишком ненадежная основа формирования речи. Они никогда не в состоянии заменить добросовестной предварительной подготовки, компенсировать отсутствие дисциплины мысли и продуманности суждений. Они всегда таят угрозу подвести самого опытного оратора, лишить его речь цельности и чет-

кости, увести далеко в сторону от первоначально намеченных выводов, сделать речь поверхностной, малоубедительной.

Задача защитника – «смягчить краски картины, нарисованной прокурором, пользуясь тем же самым фактическим материалом, но придавая ему несколько иное объяснение».

Разногласия в оценке фактов между обвинением и защитой отмечал и П.С. Пороховщиков: «Прокурор всегда склонен считать подсудимого худшим, защитник – лучшим, чем он есть на самом деле; к потерпевшему, к его друзьям у них бывает обратное отношение».

Вот как проявилось, например, различие в оценке личности обвиняемой, даваемое прокурором и защитниками по делу Максименко, обвинявшейся в отравлении мужа. Прокурор настаивал на аморальном ее поведении, адвокаты – Ф.Н. Плевако и Н.И. Холев – это опровергали: *Подсудимая характеризуется (в обвинительном акте) как легкомысленная, ветреная, чуть не ежедневно меняющая свои привязанности... Она, молоденькая, миловидная, богатая наследница, была желанной невестой, руки которой одновременно добивались 40 женихов, способна ли она была проявить приписываемую ей распущенность?*

Исследование речей государственного обвинителя и защитника по одному и тому же делу убеждает нас в том, насколько важно, чтобы прокурор и защитник соответствовали друг другу по интеллекту, культуре, образованию, опыту, общественному положению. П.С. Пороховщиков, характеризуя речь Н.П. Карабчевского по делу Кашина, писал: «... защита проведена в высоте, настолько приподнятой, что прокурору не дотянуться до защитника».

Прокурор поставлен в психологически не равное положение с защитником: он выполняет функциональные обязанности на уровне служебного долга и субъективно не заинтересован в исходе дела, в то

время как защитник лично более заинтересован, ибо подзащитный его «нанимает».

В деле Засулич обвинение поддерживал К.И. Кессель, защищал Засулич выдающийся русский юрист П.А. Александров. Суть дела заключалась в следующем: Вера Ивановна Засулич обвинялась в покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова, совершенного ею 24 января 1878 года. Обвинительной властью преступление Засулич квалифицировалось как умышленное, с заранее обдуманном намерением. Истинным мотивом этого преступления было возмущение Засулич незаконными действиями генерала Трепова, отдавшего распоряжение высечь розгами содержащегося в доме предварительного заключения политического подследственного Боголюбова.

А.Ф. Кони накануне процесса (27 марта 1878 г.) объяснял графу Палену: «Вы знаете Александра больше, чем я, и не станете отрицать за ним ни таланта, ни ловкости... Против такого защитника и по такому вообще благодатному для защиты делу необходим, по меньшей мере, уверенный в себе обвинитель и привыкший представлять суду более широкие горизонты, чем простое изложение улик».

К вопросу 5. Структура судебной речи.

Ее трехчастное построение. Принципы расположения материала

Структура хрии

Берем тему «**Корень учения горек, но плоды его сладки**»; это тезис (предложение, по Кошанскому), справедливость которого мы должны доказать.

Часть 1. Приступ, в котором «похвален или описан быть должен тот, кто речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою

хрии» (Ломоносов); приступ называется еще «Dictum cum laude auctoris» – «Сказано с похвалой авторитетам». Пример: *Изречение это, вошедшее в пословицу, принадлежит Исократу, который много потрудился на пользу науки и образования и сказанное проверил собственным опытом.*

Часть 2. Парафразис (греч. paraphrases – описательный оборот, описание), или экспозиция (лат. изложение, описание) – «изъяснение темы через распространение» (Ломоносов). Пример: *Мысль Исократа выражена образно. Он сравнивает учение с плодовым деревом, разумея под корнем начало учения, а под плодами приобретенное знание или искусство. Итак, кто стремится к знанию, должен, по словам Исократа, перенести горечь труда и тягость утомления; превозмогли все это, он приобретает желанные выгоды и преимущества.*

Часть 3. Причина (aetiologia causa): в этой части «присовокупляется достаточная для доказательства тезиса причина» (Ломоносов). В третьей позиции выступает топ «причина и следствие». Причин может быть несколько, они должны использоваться для доказательства тезиса-темы. Примеры. *Причина 1. Корень, т. е. начало учения, сопряжено с некоторыми неприятностями, потому что:*

- 1) *способности начинающего еще не развернулись: ум не привык быстро и верно схватывать, а память – крепко и прочно удерживать в памяти преподаваемое; воля еще бессильна, чтобы сосредоточивать и останавливать внимание на данном предмете до тех пор, пока он будет схвачен и усвоен;*
- 2) *учащийся имеет дело с элементами науки или искусства, которые состоят из мелочей и подробностей, большую частью неинтересных, часто не имеющих приложения к его текущей жизни, и требуют при освоении неослабного при-*

лежания, упорного труда, частых повторений и продолжительных упражнений;

- 3) *учащийся не понимает пользы элементарных сведений относится к учению не со всем прилежанием, не с надлежащей аккуратностью и терпением.*

Переход: Кто превозможет эти ничтожные неприятности, тот убедится, что...

Причина 2. Последствия учения приятны, ибо:

1) *знания, умения, образование, сами по себе, без всякого приложения к практической, обыденной жизни, доставляют человеку, владеющему ими, высокое наслаждение: просветляют его взгляд на мир, расширяют его кругозор, ставят его в надлежащее отношение к людям, государству, обществу;*

2) *доставляют ему материальные выгоды и преимущества в обществе и государстве.*

Часть 4. Противное, или *Contrarium*: «что предложенному в теме противно» (Ломоносов); в четвертой позиции речи используется топ «сопоставление». Пример: *Кто не хочет подвергаться ограничениям, у кого не хватит терпения преодолеть трудности учения, без которых невозможно приобрести образование и достигнуть прочных знаний, тот не смеет рассчитывать и на преимущества и выгоды, достающиеся учености, искусству и образованию в награду за труд.*

Часть 5. Подобие, или *Simile (Comparatio)*, «которым изъясняется и подтверждается тема» (Ломоносов). В пятой позиции употребляем топ «сопоставление: сходное». Пример: *Посмотрите на земледельца: сколько упорного труда и усилий тратит он на получение со своего поля урожая! И чем тяжелее его труд, тем с большим удовольствием и радостью собирает он плоды; чем заботливее возделывает он свое поле, тем обильнее будет урожай. Тем же самым ус-*

ловиям подвержены и выгоды образования. Они приобретаются лишь после того, когда рядом непрерывных усилий сознание приводится к убеждению, что честным трудом и неусыпным прилежанием побеждены все повстречавшиеся препятствия».

Часть 6. Пример, или *Exemplum*: здесь приводится подтверждающий пример из истории. Шестую позицию занимает топ «пример». Пример: *Примеров из того, какими последствиями увенчиваются прилежные, добросовестные занятия, в истории находим много. Вот косноязычный, безвестный грек Демосфен, учением приобретающий высокий дар ораторского искусства и бессмертную славу; а вот и наш гениальный преобразователь Петр Великий, предварительно сам прошедший ту дорогу, по которой потом повел своих подданных!*

Часть 7. Свидетельство, или *Testimonium*: используем «мнение или учение древних Авторов» (Ломоносов); в седьмой позиции появляется топ «свидетельство» во всем его возможном многообразии, а не только как ссылка на авторитет древних, как того требует Ломоносов. Пример: *То же самое, что Исократ, говорит и Гесиод, утверждая, что дорога к добродетели вначале увесиста и крута, но когда достигнешь вершины, идти по ней приятно. «Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни» (Пушкин).*

Часть 8. Заключение, или *Conclusio* – «краткое увещательное заключение всего слова» (Ломоносов). Пример: *О вы, которых ожидает отечество от недр своих!.. дерзайте... «раченьем вашим показывать, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать» (Ломоносов).*

В позиции заключение может употребляться топ «свидетельство» – цитата, афоризм; или же формулируется собственный вывод – следствие из тезиса (темы), справедливость которого уже доказана всем рассуждением.

Такова структура строгой, классической хрии.

Когда же лучше использовать искусственную хрию? Если аудитория не склонна принимать оратора благожелательно, если она плохо подготовлена к восприятию речи, более выгодным оказывается именно способ расположения «доводы-тезис», а не «тезис-доводы». Такой способ расположения материала даже получил название «сократического», в отличие от прямого – «аристотелевского» (от тезиса к доводу). Мудрость Сократа свидетельствует о том, что не стоит не расположенную к вам аудиторию сразу, с самого начала речи, огорошивать категорически высказанным тезисом. Лучше подвести к нему постепенно, предложив слушателям сначала убедительные доводы, которые могут заставить аудиторию прислушаться к оратору, а затем и благоклонно принять сам тезис, который он защищает.

Таким образом построена и первая речь Цицерона против Катилины. Основной ее тезис – Катилина должен быть изгнан – является в этой речи, обращенной к сенаторам, не в начале ее, а ближе к концу, после многочисленных доводов. Так строится большинство речей, в которых доказывается нечто особенно важное, имеющее серьезные последствия.

Возьмем еще краткую политическую речь Козьмы Минина – образец искусственной хрии, приведенный в «Общей риторике» Кошанского.

Приступ: *Сограждане! Отечество гибнет!*

Доказательство тезиса: *Свирепость врагов неимоверна, они заняли Москву.*

Связь: *Если падет Москва, падем и мы.*

Тезис: *Пожертвуем всем, зложим жен и чад наших и искупим Отечество. Воздь Пожарский укажет нам путь к Победе.*

Заключение: *Сограждане! Решите, что ожидает нас – рабство или свобода.* Тут сограждане вооружаются и приносят свое «имение». Речь убедительна.

Композиция обвинительной речи прокурора

Участие прокурора в судебных прениях, его речь – это итог обвинительной деятельности, кульминационный момент в рассмотрении конкретного уголовного дела. Выступая с речью в судебных прениях, прокурор способствует постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора. Основная его задача – доказать факт преступления и виновность обвиняемого, обосновать правильность предъявленного ему обвинения, помочь суду установить истину, чтобы суд мог принять правильное решение. «Обвинительная речь рождается, как правило, – писал Е.А. Матвиенко, – в напряженной судебной борьбе. Подвергая всестороннему анализу фактические обстоятельства уголовного дела, критически оценивая каждое обстоятельство в отдельности и все в совокупности, полемизируя по отдельным вопросам с защитой, прокурор изобличает подсудимого, индивидуализирует его ответственность, выдвигает требование о мере наказания».

Но этим не ограничивается роль речи прокурора. Она обращена и ко всем присутствующим в зале, поэтому имеет своей целью воспитание граждан в духе уважительного отношения к закону.

Судебная речь – разновидность публичной речи. Композиционно она также состоит, как и любая публичная речь, из трех частей: вступления, основной части и заключения. Если эти составляющие части конкретизировать применительно к задачам судебных прений, то обвинительная речь прокурора будет состоять из следующих элементов:

1. Вступительная часть.

2. Содержание речи:

– изложение фабулы дела – фактических обстоятельств преступления;

– анализ и оценка собранных доказательств по делу; обоснование квалификации преступления; характеристика личности обвиняемого и потерпевшего; предложение о мере наказания;

– рассмотрение вопросов, связанных с возмещением причиненного ущерба;

– анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложений по их устранению.

3. Заключительная часть.

Эта схема обвинительной речи практиками судебного оратороведения считается общепризнанной. В зависимости от рассматриваемого дела и судебной ситуации конкретное содержание этих частей может варьироваться.

Одна из особенностей выступления прокурора в том, что его речь произносится в атмосфере авансированного внимания; все присутствующие в зале судебного заседания с нетерпением ждут, что скажет прокурор. И задача прокурора состоит в том, чтобы воспользоваться этим вниманием. Начальная пауза после предоставления председательствующим слова прокурору, негромкий его голос, умышленно замедленный темп начала речи, внешний вид и форменная одежда придают официально-строгую весомость выступлению.

Первые слова, с которыми обратится прокурор к суду, должны быть заранее продуманы и подготовлены. «Тот, кто хорошо начал, может считать свое дело выполненным наполовину», – сказал знаменитый римский поэт Гораций. Эти первые фразы вступительной части могут быть посвящены особенностям данного дела, трудностям задачи, стоящей перед государственным обвинителем в данном процессе,

изложению плана обвинительной речи, показу общественной опасности совершенного преступления. Структура вступительной части определяется характером рассматриваемого дела, личностью обвиняемых, степенью доказанности их вины, подготовленностью прокурора к выступлению.

Со временем каждый прокурор приобретает свою манеру выступления в суде, использует свой апробированный план построения речи, стилистические обороты, удачные выражения. Но практика судебных прений выработала общие требования, которым должны отвечать речи судебных ораторов. И, прежде всего, речь должна быть логически стройной, состоять из трех частей: вступления, содержания и заключения.

Вступление – отправная точка речи прокурора. Оно должно быть кратким по времени, емким по содержанию и упругим по стилистической конструкции. Всем последующим выступлением прокурор подготавливает подсудимых и судебную аудиторию к мысли о необходимости наказания за содеянное и справедливости предлагаемой меры наказания.

Основная часть обвинительной речи прокурора начинается, как правило, с изложения фактических обстоятельств преступления, фактуры дела. Обвинитель указывает, где, когда, каким способом, с какой целью и с помощью каких средств совершено преступление, каковы его результаты и последствия. «Значение этой части речи состоит в том, что она помогает восстановить в памяти присутствующих общую картину совершенного преступления и тем самым подготавливает их к правильному восприятию и пониманию представляемых прокурором доказательств».

В силу своего профессионального долга прокурор обязан быть объективным в изложении обстоятельств дела, которые подверглись исследованию в ходе судебного следствия, не преувеличивать опас-

ность совершенного преступления, представить суду как изобличающие доказательства, так и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого. Поверхностное знание материалов дела, непоследовательность в их изложении, акцентирование внимания на несущественных обстоятельствах рассматриваемого преступления, проявления неуважительного отношения к участникам судебного разбирательства снижают действенность обвинительной речи, подрывают авторитет государственного обвинителя.

Основная часть выступления может быть изложена несколькими способами. Во-первых, хронологически, т. е. в той последовательности, как совершалось преступление. Во-вторых, ретроспективным способом, при котором анализируется путь, по которому шло расследование преступления. В-третьих, анализ и оценку доказательств целесообразно сгруппировать по эпизодам преступления. Если преступление многоэпизодное, либо применительно к каждому подсудимому, если их несколько, либо, наконец, в той последовательности, в которой изложены в статьях 89 и 90 УПК обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность обвиняемого в совершении преступления;
- обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;
- характер и размер ущерба, причиненного преступлением;
- причины и условия, способствующие совершению преступления.

Центральная часть обвинительной речи и наиболее сложная и ответственная – анализ и оценка собранных по делу доказательств. В ст. 104 УПК подчеркивается, что все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и су-

да. Эта проверка включает анализ и сопоставление полученных фактических данных с имеющимися в деле, получение новых данных из других источников. Проверка доказательств проводится с целью выяснения противоречий между ними, установления их причин и принятия мер к их устранению. Проверка усиливает убежденность в правильности сделанных выводов относительно достоверности их источника, относимости и значимости доказательств. Она осуществляется: 1) с помощью тактических приемов в ходе судебного следствия; 2) сопоставлением с уже установленными фактами; 3) с помощью дополнительного собирания доказательств.

Фактические данные, являющиеся доказательствами, чаще других устанавливаются показаниями свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и подсудимых. Объективность показаний – явление редкое.

Ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы. Это является одним из основных положений уголовного процесса. Определение значимости любого факта, содержащегося в показаниях, зависит от конкретных обстоятельств расследуемого дела. Данные, содержащиеся в показаниях, и сами показания оцениваются судом, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами на основе внутреннего убеждения. Ни одно из доказательств не может существовать изолированно, вне системы доказательств, находящихся в различных связях друг с другом.

Наиболее тщательно анализируются в обвинительной речи прокурора материалы дела, в котором обвинение основано на косвенных доказательствах. Здесь должны быть связаны воедино все разрозненные факты, которые создавали бы цепь улик, объективно устанавливающие виновность подсудимого.

Иногда прокурор вместо этого просто пересказывает материалы дела, воспроизводит их некритически. Он забывает, что он не рассказчик, а государственный обвинитель. От него требуется не пересказ, а отбор материала и квалифицированный его разбор.

Неправильно и под предлогом ясности дела и очевидности виновности обвиняемого уклоняться от разбора доказательств, заменять его банальными утверждениями, что виновность доказана полностью прошедшими перед судом доказательствами.

Иногда еще можно встретить такое стандартное обоснование обвинения: «виновность подсудимого полностью доказана показаниями свидетелей и потерпевшего, заключением эксперта и вещественными доказательствами». Такой сверхкраткий «анализ» ничего не дает и никому не нужен.

В обвинительной речи прокурор обязан проанализировать все имеющиеся доказательства в отношении каждого пункта обвинения, эпизода и каждого обвиняемого. «Правильное разрешение уголовного дела, определение наиболее целесообразных форм и средств правового воздействия на виновного невозможно без глубокого и всестороннего изучения личности подсудимого, выяснения всего комплекса социально значимых внутренних и внешних его свойств и качеств: характера, воли, интеллекта, потребностей, способностей, темперамента, наклонностей, эмоциональной зрелости и др.».

Перед тем как высказывать соображения о мере наказания, прокурор обосновывает в речи правомерность квалификации преступления, т. е. проводит тщательный юридический анализ состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны): на что было направлено преступление, какое действие или бездействие совершено обвиняемым, каковы их последствия, имеется ли причинная связь между совершенными действиями и наступившим

результатом, вменяемость субъекта преступления, его возраст, форма вины.

Заключительный аккорд основной части обвинительной речи - изложение соображения по поводу применения уголовного закона, о мере наказания и разрешения вопросов, связанных с возмещением причиненного ущерба. Эта часть выступления провозглашается от имени государства и должна прозвучать как приговор.

Судебная практика свидетельствует, что здесь допускаются следующие ошибки:

1) прокурор требует меру наказания более строгую в расчете на то, что суд ее смягчит;

2) прокурор (из-за недостаточной подготовки) требует применить наказание, расходясь с действующим законодательством;

3) требует наказания, явно не соответствующего тяжести совершенного преступления или личности обвиняемого, лицу, совершившему незначительное преступление, второстепенному участнику при отсутствии вредных последствий и т. д.;

4) допускает ошибки в определении вида исправительно-трудовой колонии.

Прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный потерпевшим гражданский иск. В обвинительной речи он утверждает, установлен ли факт нанесения материального ущерба, кому этот ущерб нанесен и в каком размере, а также подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск.

Заключительная часть речи – самая короткая по времени по сравнению со вступительной частью и тем более с основным содержанием. Она должна быть лаконичной, выразительной, эмоционально-возвышенной, эффектной, органически связанной со всеми предшествующими частями речи. Образцом в этой части может служить

заключительная часть речи А.Ф. Кони по делу подсудимого Емельянова, обвинявшегося в утоплении из ревности своей жены:

Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное. Нахожу, что, постановив жестокий приговор над своей бедной и ни в чем не повинной женой, он со всей строгостью привел его в исполнение. Если вы вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю... что подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно. Менее суровый, но, без сомнения, более справедливый, чем тот, который он сам произвел над своей женой.

Заклучительная часть обвинительной речи – это выводы, вытекающие из всего того, что было до этого сказано. Заклучительная часть – это не краткое повторение речи. Здесь государственный обвинитель формулирует итоги судебного процесса, указывает на уроки, которые должны быть сделаны, на меры, которые необходимо предпринять для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления, подчеркивает значение ожидаемого приговора.

Композиция защитительной речи

Структурно защитительная речь состоит из введения, главной части, которая включает анализ фактических обстоятельств дела и юридической стороны предъявленного обвинения, и заклучительной части.

Большое значение в речи защитника имеют ее обрамляющие части: вступление и заключение. Весьма важно правильно начать речь. Это трудно уже потому, что начало не должно отличаться ударностью, бить на эффект. Начало требует простоты и естественности тона. Ф.М. Достоевский рекомендует начинать публичную речь как можно проще и естественнее, разговорнее. Именно так приступает к своему слову адвокат Фетюкович, защищающий Дмитрия Карамазова.

Начал он чрезвычайно прямо, просто и убедительно, без малейшей заносчивости, без малейшей попытки на красноречие, на патетические нотки, на звенящие чувством словечки. Но в самой простоте выступления уже чувствовался мастер. И всем стало ясно, что «оратор вдруг может подняться до истинно патетического и ударить по сердцам с неведомою силой». Это особая, сложная, глубокая, творческая простота, не имеющая ничего общего с обыкновенной будничной» тусклой или вялой речью.

Основная задача защитника во вступительной части речи – снять эмоциональное впечатление от только что прозвучавшей речи прокурора и убедить суд и всех присутствующих в зале судебного заседания в правильности своего видения фактов и их трактовки, обоснованности предлагаемого решения. Так, В.Д. Спасович по делу Дементьева начал речь словами: «Защита не станет обращаться к чувству судей, играть на нервах», а Н.П. Карабчевский по делу Имтенецкого говорил: «Сообразно этому взгляду на мою задачу я поступлю иначе, чем поступили мои противники. Я не буду убегать от фактов и укрываться от них в область красноречивых восклицаний, загадочных прорицаний и эффектных тирад». Эти приемы знаменитых адвокатов обезоруживают процессуального противника, косвенно отрицательно оценивают обвинение.

Ф.Н. Плевако, выступая по делу князя Грузинского, в начальной стадии защитительной речи раскрыл процесс подготовки речи:

Как это обыкновенно делают защитники, я по настоящему делу прочитал бумаги, беседовал с подсудимым и вызвал его на искреннюю исповедь души, прислушался к доказательствам и составил себе программу, заметки, о чем, как, что и зачем говорить перед вами. Думалось и догадывалось, о чем будет говорить прокурор, на что будет особенно ударять, где в нашем деле будет место горячему спору,

и свои мысли держал я про запас, чтобы на его слово был ответ, на его удар – отражение.

Но вот теперь, когда прокурор свое дело сделал, вижу я, что мне мои заметки надо бросить, программу изорвать. Я такого содержания речи не ожидал... я, бросив задуманное слово, попытаюсь ответить прокурору так, как меня наталкивает сердце, возбужденное слышанным...

Иногда во вступлении оратор отмечает общественное значение рассматриваемого дела, в другом случае определяет программу речи, намечает «стратегию и тактику защиты» (В.С. Соркин). Так, по делу Криуна – капитана затонувшего теплохода «Владимир» – защитительную речь Н.П. Карабчевский начал следующими словами:

Общественное значение и интерес процесса о гибели «Владимира» выходит далеко за тесные пределы этой судебной залы, картина исследуемого нами события так глубока по своему содержанию и так печальна по последствиям, что да позволено будет мне хотя на минуту забыть о тех практических целях, которые преследует каждая из сторон в настоящем процессе. Нам предстоит не легкая и притом не механическая, а чисто творческая работа – воссоздать эту картину в том виде, в каком она отвечает действительным, а не воображаемым обстоятельствам дела.

Иногда защитник использует вступление к своей речи для изложения предпосылок, обосновывающих стратегию защиты.

Какое бы вступление ни избрал судебный оратор, важно помнить, что:

- 1) в нем должен отразиться тот конфликт, на котором строится судебная речь;
- 2) оно должно быть связано с главной частью, служить отправной точкой для исследования обстоятельств дела;
- 3) не должно быть длинным;

4) стилистически должно гармонировать с основной частью.

Основное содержание защитительной речи составляют анализ собранных по делу доказательств, их правильная юридическая оценка, характеристика личности подзащитного.

Содержание основной части защитительной речи определяется стратегическим тезисом защиты. Каждый тезис подтверждается тактическими приемами, наиболее оправдывающими замысел защиты.

Так, оспаривая, взрывая обвинение в целом, доказывая невиновность обвиняемого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого, защитник может использовать:

- 1) прием внешней на первых порах солидаризации с государственным обвинителем;
- 2) прием открытого противопоставления позиций;
- 3) прием эмоционального воздействия.

Для судебного красноречия конца XIX и начала XX в. характерны мастерское владение словом, умелое исследование материалов дела и тонкий психологический анализ. Основная задача судебного оратора того времени – расположить к себе слушателей, при помощи эмоционального воздействия настроить их так, чтобы они больше подчинялись влиянию речи и порывам чувств, чем требованиям рассудка. Истинность и действительность в этом случае не совпадали.

Если защитник оспаривает обвинение в отношении его отдельных частей, то может воспользоваться приемом, который называется *приемом скрытой аргументации*. Он достигается употреблением в речи словосочетаний типа: «Все известно, что...», «Как известно...», «Само собой разумеется, что...», «Бесспорно, что...». «Высокий потенциал их речевого воздействия объясняется тем, – пишут авторы монографии «Культура парламентской речи», – что они скрывают реальное положение дел, апеллируют к якобы ранее доказанным истинам».

При оспаривании правильности квалификации, доказывании необходимости изменения предъявленного обвинения на статью УК, влекущую более легкое наказание, защита может прибегнуть к анализу душевного состояния обвиняемого, пытаясь доказать, что преступление совершено в невменяемом либо аффектном состоянии, либо использовать прием смягчения вины за счет соучастников.

При оспаривании правильности квалификации защитник может воспользоваться приемом, при котором вина обвиняемого перекладывается на соучастника, если преступление совершено группой, и особенно на отсутствующего, не привлеченного по какой-либо причине к ответственности. Но здесь должно быть соблюдено чувство меры. «Совершенно недопустимо такое положение, – предостерегал Е.А. Матвиенко, – когда защитники превращаются в пристрастных и односторонних обвинителей, пытаются любой ценой переложить вину со своего подзащитного на других подсудимых или уменьшить ее за счет отягчения ответственности других».

Допустим и прием, при котором защитник использует обстоятельства, положительно характеризующие подзащитного и отрицательно потерпевшего. Но и здесь необходим такт. Нельзя все списывать на мертвых потерпевших по принципу «сам виноват». Если по ходу дела необходимо показать неприглядную роль потерпевшего, то следует это сделать тактично, с оговорками, как, например, поступил С.А. Андреевский при защите Андреева, обвинявшегося в убийстве жены: «Тяжело говорить о мертвых. Гнусно было бы лгать на них, потому что они возразить не могут. Но так как «мертвые срама не имут», то высказывать о них правду не только возможно, но даже и необходимо, потому что каждый умерший есть поучение для живых».

В том случае, если в качестве стратегий защиты избрана демонстрация меньшей степени вины и ответственности подзащитного, могут быть использованы два следующих приема.

Во-первых, когда нет доказательств, подтверждающих невиновность подзащитного, всегда найдутся обстоятельства, которые можно употребить в пользу клиента, «смягчить краски картины, нарисованной прокурором, пользуясь тем же самым фактическим материалом, но придавая ему несколько иное объяснение».

Во-вторых, при характеристике личности подсудимого эффективно используется описание детства подзащитного, его учеба, семья и окружение, воспитание, его психологические качества, что в результате превращается в *argumentum ad hominem*, запрещаемый логикой, но широко используемый в адвокатской деятельности.

Начинающему защитнику мы могли бы предложить следующие советы:

1. Соглашайтесь с обобщенными выводами процессуального оппонента, позитивно оцените аргументы, отличающиеся правдивостью. Это будет способствовать вашему контакту и демонстрировать вашу объективность.

2. Не спорьте против несомненных доказательств и верных положений.

3. Не опровергайте невероятного либо основанного на действующем законодательстве.

4. Аргументы партнера дробите на более мелкие, извлекайте максимум информации из недостаточно защищенных. Если целостная позиция обвинения представляется монолитом, то его разрушение и дифференциация на аргументы частного характера позволяют войти в глубь концепции и разрушить ее изнутри.

5. Не оставляйте без возражения сильных доводов обвинения. Возражая на них, не развивайте их и не повторяйте те соображения, которыми эти доводы подкрепляются. Повторение усиливает впечатление от них.

6. Используйте системный анализ аргумента с публичной демонстрацией его преимуществ и слабых сторон: «Вы совершенно правы в своих оценках, предложенных для анализа доказательств, но...». После этого вся позитивная оценка позиции оппонента размывается более вескими доказательствами или логическими приемами, которыми, как утверждают Г.А. Зорин и В.С. Соркин, можно разрушить и доброкачественную систему обвинения.

7. Не доказывайте, когда можно отрицать.

8. На словесные утверждения отвечайте фактами.

9. Следите за тональностью речи. Судебному оратору часто не хватает рассудительности, терпения, уважительности. Быть более терпимым – это значит быть более принципиальным и сильным.

10. Судебные прения есть сотрудничество, а не конфликт и поэтому профессиональный спор нужно вести не ради победы, а ради истины.

В заключительной (просительной) части речи защитник выражает главную идею защитительной речи, подводит итоги анализа обстоятельств дела, формулирует выводы, обращается к суду с просьбой о вынесении определенного приговора, о мере наказания в отношении подзащитного. Заключительная часть должна быть краткой, четкой, образной и выразительной. Иногда бывает уместно более эмоциональное завершение речи.

Современная судебная речь в аспекте использования языковых единиц резко отличается от речей русских дореволюционных судебных ораторов. Для нее менее характерны формы эмоционально-психологического воздействия, значительно реже используются эмоционально-риторические структуры, преобладают формы логического развертывания, так как доказательственная сторона приобретает неизмеримо большее значение, чем психологический анализ, а эмоциональное воздействие на судей подчиняется строгой логике рассужде-

ний. Юристы обращают внимание на то, что в современной судебной речи различные точки зрения высказываются без излишних эмоций. У судебных ораторов наших дней не тот общественно-политический фон и не та аудитория, которые были у русских адвокатов второй половины XIX в. Сейчас упрощенный процесс судопроизводства: большинство дел рассматривается единолично судьей у себя в кабинете на рабочем месте и не только без состава суда присяжных, но и без народных заседателей. Но даже в тех «нашумевших» процессах, которые прошли в судах за последние годы, речи прокуроров и адвокатов могли бы прозвучать так, чтобы оставить заметный след в юридической риторике.

Структура речи в классической риторике

В классической риторике особое внимание уделялось умению строить рассуждение и доказывать свои мысли. Искусство строить рассуждение – формулировать и доказывать основную мысль своего сочинения – необходимо во всех видах речи (торжественной, эпидейктической, эристической).

Классическая риторика предлагает некую жесткую, застывшую форму рассуждения. Ее можно использовать как учебный образец – упражнение, формирующее дисциплину мысли и речи. Н.Ф. Кошанский пишет об этом следующее: «Древние считали этот вид упражнений столь важным, что называли его потребностью, необходимостью» (Общая риторика. – СПб., 1844. – С. 50). В русской риторике использовался специальный термин, обозначавший такую речь-рассуждение, – «хрия».

«О, проклятые хрии и формы риторические!» – вот крик души русского гимназиста, запечатленный в воспоминаниях замечательного

историка С.М. Соловьева о риторическом учении в 30–40-е годы XIX в. Автор, видно, немало от него пострадал, но и приобрел. Недаром древние говорили: *mathemata – pathemata* (греч.) – учение есть страдание. И в русский язык вошло и стало общеизвестным выражение изречение Исократ: *Корень учения горек, но плод его сладок.*

«Хрия есть слово, которое изъясняет и доказывает краткую нравоучительную речь, или действие какого великого человека» – так определяет хрию М.В. Ломоносов (Краткое руководство к красноречию... СПб., 1810, с. 238). В хрии мы имеем «не предмет для описания, не происшествие для рассказа, а одну мысль, или Предложение (тезис), которую вы или доказать должны, как справедливую, или отвергнуть, как ложную», – говорит Н.Ф. Кошанский (Общая риторика. – СПб., 1844. – С. 50).

В строгой хрии содержание располагается в восьми последовательных частях. Их приводит в своей риторике Ломоносов, эти же восемь частей хрии фигурируют в учебных руководствах по риторике вплоть до начала нашего столетия. Назовем их, как они названы в «Кратком руководстве к красноречию...», а примеры приведем из сборника «Стилистические задачи для гимназии при Историко-филологическом институте в Санкт-Петербурге» (сост. И. Гаврилов, 1874).

Схема хрии может быть и более свободной: слегка меняется последовательность ее частей; некоторые из них могут быть вообще опущены. Например, «приступ» как похвала или описание каково-нибудь мудреца или исторического деятеля могут заменяться разъяснением темы, рассуждением по поводу самой ее формулировки. Могут отсутствовать отдельные части (свидетельство, противное, пример, подобие). В качестве примеров можно приводить образцы античной классики, например, текст речи-рассуждения, принадлежащий

знаменитому Луцию Анею Сенеке Младшему – римлянину, известному философу и ритору, наставнику императора Нерона.

Кроме того, существует и так называемая **«обратная хрия»**, в которой расположение идей идет от частного к общему, от доводов к тезису. «В простом рассуждении предлагается прямо истина и постепенно доказывается, объясняется..., – пишет Кошанский, – в искусственной сперва привлекают читателя (слушателя) приступом; потом предлагают (причины, аргументы), далее посредством искусной связи приводят нечувствительных к своей истине, которую не может не признать он, если согласится на предыдущее» (Общая риторика, с. 61). «Своя истина» и есть настоящий тезис, доказываемый в речи-рассуждении.

Основные приемы введения и заключения

Как следует построить введение, чтобы сразу привлечь внимание аудитории? Никогда не начинайте речь с шаблонных, избитых фраз и выражений, стремитесь максимальной оригинальности, новизне, неожиданности, интриге. Вот что писал А.Ф. Кони: «Первые слова лектора должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны (должны отвлечь, зацепить внимание). Этих зацепляющих «крючков» – вступлений может быть очень много: что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь странность, не идущая ни к месту, ни к делу (но на самом-то деле связанная с речью), неожиданный и неглупый вопрос и т.п. Чтобы открыть (найти) такое начало, надо думать, взвесить всю речь и сообразить, какое из указанных начал и однородных с ними... может подойти и быть в тесной связи хоть с какой-нибудь стороной речи. Эта работа целиком творческая».

Различают следующие приемы введения к речи:

Обращение (формы обращения зависят от обстановки, состава аудитории, цели речи).

Прием сопереживания заключается в привлечении яркого эпизода, факта, приковывающего внимание слушателей и заставляющего переживать вместе с оратором.

Прием парадоксальной ситуации.

Апелляция к непосредственным интересам слушателей.

Постановка проблемного вопроса.

Апелляция к событиям, времени, месту (например, знаменитый русский хирург Н.В. Склифосовский начал свой курс лекций по анатомии в Московском университете вступительным словом о Пушкине, открытие памятника которому в Москве всколыхнуло все русское общество).

Апелляция к авторитетам (цитирование).

Апелляция к известным источникам информации, книгам, документам.

Апелляция к личности оратора (шутливое замечание в свой адрес; рассказ о прошлых сомнениях по поводу тех или иных проблем).

Конец – разрешение всей речи. «Конец речи должен закруглить ее, т.е. связать с началом», – писал А.Ф. Кони в «Советах лекторам», – ... конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали, что дальше говорить нечего».

Заканчивать речь нужно также решительно, как и начинать. Затягивание речи – очень большой недостаток. Неприемлема и другая крайность: обрывать речь на полуслове.

Завершающая стадия выступления имеет огромное значение. Вспомним закон края: последнее запоминается лучше, остается в памяти прочнее. Отсюда огромное значение, которое имеет завершающая стадия выступления. Ф. Снелл справедливо считает, что

«удавшимся можно считать то публичное выступление, после которого аудитория твердо знает, что нужно делать с полученной информацией». Поэтому результат выступления должен быть ясен в конце.

Лучше не говорить: *«А теперь я сделаю заключение»* или *«Теперь я перехожу к завершающей части своей лекции»*, концовка должна быть и так очевидна, без специальных вводных слов.

Приемы заключения:

- 1) **краткое повторение основных проблем или доводов речи;**
- 2) **обобщение сказанного в речи;**
- 3) **постановка задач;**
- 4) **указание перспектив;**
- 5) **иллюстративная концовка** (яркий пример, цитата, развернутая метафора). А.Ф. Кони так закончил свое слово о Гончарове: *«На новом кладбище Александро-Невской лавры течет речка, один из берегов которой круто подымается вверх. Когда почил Иван Александрович Гончаров, когда с ним произошла всем нам неизбежная обыкновенная история, его друзья... выбрали место на краю этого крутого берега, и там покоится теперь автор Обломова... на краю обрыва...»*;
- 6) **лозунг** используется в политических речах (в нем кратко, сжато, лаконично формулируется задача, призыв к осуществлению действия; произносится пафосно, с большим эмоциональным подъемом).

Цитата, крылатое выражение, народная мудрость. Данная концовка хорошо воспринимается в недостаточно подготовленной аудитории, среди неспециалистов.

Обращение к слушателям. Выступление завершается пожеланием слушателям хорошо провести выходные, праздники, поздравить их с чем-то. Такая концовка уместна в незначительных по важности

выступлениях, т.к. в этом случае аудитории запоминает скорее самого оратора, чем его речь.

Благодарность за внимание. Это традиционная концовка. Несколько менее традиционной ее может сделать небольшое расширение – если оратор не просто произнесет дежурную фразу «*Благодарю за внимание*», но и скажет несколько слов, положительно характеризующих данную аудиторию, ее уровень, отметит интересные вопросы, которые задавались, т.е. сделает аудитории комплимент.

Например: *«Итак, я заканчиваю. Я хотел бы поблагодарить вас за внимание, за интересные вопросы. В вашей аудитории мне очень приятно выступать»* или *«Благодарю за внимание. Мне было очень приятно выступать в вашей внимательной и доброжелательной аудитории»*.

А теперь о том, как не нужно заканчивать публичное выступление.

Не рекомендуется заканчивать шуткой, не относящейся к делу, – это вызывает у слушателей недоумение, эффект такого выступления исчезает.

Не следует извиняться: *я понимаю, мне не удалось обо всем рассказать, я вижу, насколько утомил вас и др.*

Не нужно ничего вспоминать дополнительно после того, как сформулировали вывод – все впечатление от речи исчезнет.

Нельзя обрывать речь без заключения и уходить.

Не следует оставлять аудиторию в настроении безнадежности и беспросветности в связи с нарисованными вами мрачными картинками, обязательно надо дать слушателям некоторую перспективу, наметить выход из положения и выразить уверенность в том, что худшее не произойдет. Завершать выступление нужно на оптимистической ноте.

Не рекомендуется завершать выступление фразой типа «*Вот и все*» или «*У меня все*», т.к. эта концовка ничего не выражает. Заканчивать речь лучше фразой, относящейся к содержанию выступления.

1. Методы изложения материала в главной части.

Существуют следующие методы изложения материала в главной части:

- 1) **индуктивный** – состоит в движении мысли от частного к общему, от единичных или частных факторов к обобщению. Метод широко используется в агитационных выступлениях. Еще Аристотель подчеркивал, что «индукция убедительна и проста и с точки зрения чувственного познания более выгодна и доступна»;
- 2) **дедуктивный** метод заключается в изложении от общего к частному. К дедуктивному методу прибегают тогда, когда хотят рассмотреть явление на основе уже известного положения или закона;
- 3) **метод аналогии** состоит в сопоставлении различных явлений, фактов, событий. Обычно параллель проводится, когда что-либо хорошо известно;
- 4) **концентрический** – расположение материала вокруг главной проблемы. Выступающий переходит от общего рассмотрения центрального вопроса к более конкретному и углубленному его анализу;
- 5) **ступенчатый** метод – последовательное изложение одного вопроса за другим. Рассмотрев какую-либо одну проблему, оратор больше не возвращается к ней;
- 6) **исторический** – изложение материала в хронологической последовательности, описание и анализ изменений, которые произошли в том или ином объекте с течением времени; ча-

ще всего используется в лекциях на исторические или биографические темы.

При этом важно использовать различные методы изложения материала в одном выступлении.

Самое трудное для оратора – найти правильное, нужное начало, поэтому остановимся на нем подробнее. А.Ф. Кони советовал подбирать такое вступление, которое бы «зацепило» слушателей, привлекло их внимание. Таким является вступление к речи Г.М. Шафира в защиту Е. Калинова:

«Когда Калинов рассказывал в судебном заседании о своей совсем небольшой жизни, всем нам врезались в память несколько слов, им произнесенных. «В 1947 году, – сказал Калинов, – я нашел свою мать». Да, именно так он и сказал: «Я нашел!» Простые, скупые слова, а сколько горя и трагизма скрывается за ними! И – это совершенно естественно – каждый из сидящих в этом зале хотел понять эти слова именно так, как они были произнесены. Хотелось представить себе и горе матери, разлученной с сыном, и горе ребенка, лишённого материнской ласки, заботы, любви, и трудные, мучительные поиски матерью сына, и помощь многих, многих советских людей в этом благородном деле и, наконец, радость долгожданной встречи, когда ласковые руки матери смогли прижать к себе своего сына, того, кому она дала жизнь. Так и только так хотели мы представить себе эту картину встречи... Но Евгений Калинов рассказал нам о другом. Не было поисков, не было мучений разлуки, не было радости встречи, не было слез счастья». Так адвокат указал на причины, приведшие к совершению преступления.

Во вступлении к обвинительной речи чаще всего дается общественная и моральная оценка совершенного преступления. «Общест-

венно-политическая оценка содеянного, – пишет В.И. Царев, – имеет своей задачей убедить суд и судебную аудиторию в общественной опасности преступления, справедливости привлечения подсудимого к уголовной ответственности». В каком объеме давать такую оценку происшедшего, определяется характером дела, условиями, в которых проходит судебный процесс. Общественно-политическая оценка обязательно увязывается со всеми материалами дела.

Можно начать речь с изложения фактических обстоятельств дела, как это сделал прокурор А.П. Бороданков: «Товарищи судьи! В поселке Стрельна в доме № 45 по Ленинградскому шоссе, недалеко от клуба, где сейчас проходит судебный процесс, семья слесаря Матвеева вечером после работы смотрела телевизионную передачу. Вся семья была в сборе. Тут же находилась пришедшая в гости к своей дочери Серафима Ивановна Овчинникова, работавшая уборщицей танцевального павильона в поселке Стрельна. Неожиданно раздался выстрел, которым через окно была убита Серафима Ивановна. Находившиеся в комнате люди пытались бежать, но раздался еще один выстрел, которым были ранены дочь Овчинниковой, Анна, и ее свекор, Матвеев Николай Матвеевич.

Спустя час после этого события органы милиции задержали мужа убитой и на квартире задержанного изъяли двуствольное охотничье ружье, в котором находились две стреляные гильзы. В результате расследования установлено, что убийство было совершено Овчинниковым». Это может быть констатация факта преступления, соединенная с эмоциональной оценкой: «Жители Иланска были потрясены событием, которое произошло 11 декабря 1971 года. На улице города в 10 часов вечера были зверски убиты двое молодых людей – Подопригора Саша, 16 лет, и Тинько Валерий, 19 лет. Как же это произошло?».

Начало выступления с изложения обстоятельств дела вводит присяжных заседателей и слушающих процесс граждан в обстановку происшедшего, вызывает интерес, психологически подготавливает их к правильному восприятию юридической квалификации преступления. У судей не только вызывает эмоциональное отношение к сообщаемому, но и будит мысль, заставляя еще раз вспомнить все подробности совершения преступления.

Во вводной части может быть намечена программа речи. Очень точно сформулированную программу представил И.М. Кисенишский в речи по делу Маркова: «Если попытаться в общем виде сформулировать те задачи, которые ставит перед собой защита бывшего капитана парохода «Адмирал Нахимов» Маркова в настоящем процессе, то это, во-первых, исследование всех существенных обстоятельств дела в свете высказанных только что соображений о необходимости выяснения всего комплекса причин и обстоятельств, приведших к аварии. Во-вторых, выяснение конкретной персональной причастности Маркова к возникновению катастрофы, к ее последствиям, к гибели столь большого количества людей. В-третьих, установление характера, пределов и степени его виновности в случившемся в сравнении со степенью виновности других участников процесса». Спокойный, нейтральный тон вступления позволяет в дальнейшем усилить экспрессивное звучание речи.

Нежелательно давать искусственно интригующее вступление; особенно опасно начинать речь в патетическом тоне, потому что удержать этот тон на протяжении всего выступления невозможно. Неудачным является введение к обвинительной речи по делу Киселева, преданного суду за изготовление браги. Почему неудачным? Казалось бы, в нем дана общественно-политическая оценка совершенного деяния, как полагалось в советский период, и этим самым оно логически и психологически подготавливает слушателей к восприятию инфор-

мации. Но произнесенному в патетическом тоне вступлению должна соответствовать вся речь, то есть она должна быть тоже торжественной, строгой, официальной. Речь же по делу Кителева не соответствует этим требованиям. И поэтому начало кажется искусственным. К тому же оно копирует вступительную часть к опубликованной речи заместителя прокурора Октябрьского района г. Красноярска Ю.С. Павлючка по делу Шамшатов, обвиняемого в преступлении, предусмотренном частью второй ст. 206 УК РСФСР. Сравните: «Товарищи судьи! Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно проявляют заботу об охране здоровья и жизни, здоровья и достоинства советского человека, об общественной безопасности всех граждан. Именно этим прежде всего объясняется издание указа Президиума Верховного Совета от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство». Хулиганство является одним из наиболее омерзительных преступлений, проявлением явного неуважения к обществу, грубым нарушением общественного порядка. Опасность хулиганства заключается и в том, что оно нередко становится основой для других более тяжких преступлений; наряду с мерами общественного воздействия, к тем лицам, которые злостно нарушают общественный порядок, должны применяться меры государственного принуждения.

Товарищи судьи! Дело, по которому вам предстоит вынести приговор, является, на мой взгляд, не совсем обычным. Когда весь советский народ, воодушевленный решениями 24 съезда Коммунистической партии и последующих пленумов ЦК КПСС, строит коммунистическое общество, когда уважение к праву и закону стало для подавляющего большинства людей личным убеждением, подсудимый Шамшатов встал на путь пьянства и в конце концов оказался на скамье подсудимых за совершение злостного хулиганства».

Может возникнуть вопрос: а разве нельзя этого делать? заимствовать вступления из чужих судебных речей? Можно. Можно и нужно молодому, начинающему оратору учиться на хороших судебных выступлениях. Можно использовать чужую понравившуюся фразу, но творчески, в своем тексте. А лучше всего говорить по-своему. Запомните доброе напутствие М.И. Калинина: «Если ты говоришь, то говори свое. Слова будут другие, а суть одна и та же. Смотришь, и люди будут прислушиваться немного внимательнее». Иначе появится привычка почти бездумно повторять из процесса в процесс чужие слова, фразы, мысли, как это случилось с адвокатом, постоянно использующим одно и то же вступление об «инженерах человеческих душ», взятое из речи М.С. Драбкина, и это красивое начало стало штампом в речи адвоката.

Общение должно начинаться содержательным словом, воплощенным в нужную форму, как это довольно часто делали дореволюционные русские судебные ораторы. Приведем примеры вступлений к защитительным речам Н.П. Карабчевского (первый текст) и С.А. Андреевского (второй текст) по делу Мироновича, обвинение которого было построено на косвенных уликах. Первый текст: «Господа присяжные заседатели! Страшная и многоголовая гидра – предубеждение, и с нею прежде всего приходится столкнуться в этом злополучном деле. Злополучном с первого судебного шага, злополучном на всем дальнейшем протяжении процесса. Преступление, зверское, кровавое, совершенное почти над ребенком, в центре столицы, на фешенебельном Невском, всех, разумеется, потрясло, всех взволновало. Этого было уже достаточно, чтобы заставить немного потерять голову даже тех, кому в подобных случаях следовало бы призвать все свое хладнокровие. Ухватились за первую пришедшую в голову мысль, на слово поверили пронизательности первого полицейского чина, проникшего в помещение гласной кассы ссуд и увидевшего жертву...». Вторым

текст: «Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Процесс, действительно знаменитый, ждет, чтобы вы сказали о нем свое слово – на этот раз, вероятно, последнее. В этом важном и запутанном процессе мы вовсе не желали бы уйти в благоприятные для нас потемки, чтобы в них найти выигрыш дела. Нет! Мы желали бы предложить вам честное пособие нашего опыта, дать вам в руки ясный светильник, с которым бы вы вместе с нами обошли все дебри следственного производства и вышли бы из него путем правды. Не следует забывать, что дело об убийстве Сарры Беккер останется историческим в судебных летописях; оно получит свою славу как важное искушение для судебной власти впасть в ошибку. Осуждение же невинного или одна только возможность его есть уже общественное несчастье, которое следует изучить и отметить, чтобы погрешности, которые его вызвали, больше не повторялись. Поэтому, я надеюсь, вы будете к нам внимательны». Прямое обращение к суду с требованием внимания является одним из ораторских приемов поддержания внимания у слушателей. Об этом писал и П.С. Пороховщиков в книге «Искусство речи на суде».

ГЛОССАРИЙ

Академическое красноречие – род речи, имеющий место в академической сфере общения, формирующий научное мировоззрение, отличающийся глубокой аргументированностью и научной культурой.

Аллегория – иносказание, выражение отвлеченного, абстрактного понятия через конкретный образ.

Аллюзия – особый прием текстообразования, заключающийся в соотнесении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или историческим.

Аргумент (довод) – релятивная речевая единица, положение, выдвигаемое в поддержку тезиса и обладающее доказательной силой для тех, кому адресована аргументация.

Аргументация – ментально-коммуникативная деятельность, направленная на поиск доводов, подтверждающих то или иное положение.

Гипербола – стилистическая фигура, оборот речи, состоящий в преувеличении того или иного явления для создания более яркого, экспрессивного образа (*безбрежное море*).

Градация – стилистическая фигура, оборот речи, состоящий в постепенном усилении или ослаблении признака, качества с целью усиления эффективности речи (*пришел, увидел, победил*).

Демонстрация (способ доказательства) – способ логической связи между тезисом и аргументами, цепь умозаключений на данную тему, изложенных в логически последовательной форме.

Дискурс – коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникативной ситуации посредством вербальных текстов или других знаковых комплексов в определенной коммуникативной ситуации и определенных социокультурных условиях общения.

Духовное красноречие – род речи, функционирующий в духовной, церковно-богословской среде, преследующий цели морального воспитания и наставления (проповедь) или выражения религиозных чувств (панегирическое, торжественное красноречие).

Инверсия – изменение прямого, обычного порядка слов в предложении с целью актуализации определенного компонента высказывания (*Белеет парус одинокий*).

Интонация – мелодика речи, движение голоса по тону, понижение или повышение голоса.

Ирония – стилистический прием, основанный на употреблении слова или выражения с оценкой, противоположной той, что явствует из контекста; завышение оценки с целью ее понижения.

Каламбур – языковая игра, остроумное высказывание, основанное на одновременной реализации в слове прямого и переносного значений слов, а также на совпадении звучания слов с разными значениями.

Композиция текста – закономерное, мотивированное содержанием и замыслом речи расположение всех частей публичного выступления, целесообразное их соотношение, система организации речевого материала; состоит из пяти частей: зачин, введение, основная часть, заключение, концовка.

Метафора – один из наиболее известных разновидностей тропов, перенос наименования с одной реалии на другую на основании замеченного между ними сходства; употребление слова или выражения в переносном смысле по сходству (*говор волн, волны молодежи*).

Метонимия – троп, основанный на пространственно-временной смежности двух понятий (*лес поет, зал поет*).

Оксюморон – стилистический прием, состоящий в подчеркиваемом соединении противоположностей, несоединимых понятий, например *холодный труп, ледяной кипяток*.

Ораторская речь – особая форма эмоционально-интеллектуального творчества, приспособленная к обстановке общественно-бытового или гражданского действия, предназначенная для сценического представления, имеющая художественную и эстетическую направленность.

Персонификация – перенесение свойств и функций живого лица на неодушевленный (неживой) объект.

Речевое общение – мотивированный живой процесс взаимодействия между участниками коммуникации, протекающий на основе обратной связи в конкретных видах речевой деятельности.

Речевое событие – основная единица речевой коммуникации, интегрирующая в своем составе дискурс и речевую ситуацию.

Речевой акт – основная единица речевого поведения, реализующая определенную интенцию (речевое намерение) говорящего и служащая для достижения коммуникативных целей.

Речевой жанр – относительно устойчивая и нормативная форма высказывания, в которой каждое высказывание подчиняется законам целостной композиции и типам связи между предложениями-высказываниями.

Риторика – филологическая наука, объектом которой является теория красноречия, ораторского искусства, а также дисциплина, изучающая основы публичной аргументации, в широком смысле – отношение мысли к слову.

Риторический вопрос – утверждение, выраженное в форме вопроса, экспрессивное утверждение или отрицание.

Риторический канон – пять важнейших составных частей классической риторики, описывающих процесс вербализации мысли, воплощение ее в слово; классическая риторика содержала пять важнейших составных частей: 1) инвенция (изобретение речи); 2) диспо-

зиция (расположение речевого материала); 3) элокуция (стилистическое оформление речи, ее выражение); 4) память; 5) произнесение.

Род красноречия – область ораторского искусства, характеризующаяся наличием определенного объекта речи, специфической системой его разбора и оценки.

Силлогизм – единство двух суждений (аргументов, посылок), на основании которого выводится умозаключение.

Синекдоха – перенос наименования с целого на часть, а также указание на единичный предмет на основании множества, употребление формы единственного числа вместо множественного.

Софизм – умышленно ложное построение умозаключения, основанное на двусмысленности понятий; случайная, непредумышленная логическая ошибка.

Софистика – рассуждение, основанное на преднамеренном нарушении законов логики, законов правильного мышления.

Социально-политическое красноречие – род речи, имеющий место в социально-политической сфере общения, выступления на социально-политические, политико-экономические, этико-нравственные темы, агитационные, митинговые, парламентские речи.

Спор – публичное обсуждение проблем, интересующих участников обсуждения в результате столкновения различных точек зрения в процессе аргументативной деятельности доказательства и опровержения.

Сравнение – стилистический прием, слово или выражение, заключающее уподобление одного предмета другому, одной ситуации другой.

Судебное красноречие – род речи, имеющий место в суде, призванный оказать целесообразное и эффективное воздействие на судей и присутствующих в зале суда граждан.

Тезис – положение (утверждение), нуждающееся в доказательстве.

Топика – общие места в речи, в системе доказательства. В риторике Древнего мира – учение о разработке общих закономерностей, основных положений при подготовке выступления, общих приемов подхода к теме.

Троп – языковая единица, имеющая второй план, смещенное значение, слово или фраза, употребленные в переносном значении, например, метафора, метонимия, аллегория, гипербола и др.

Уловка в споре – нечестный, nepозволительный прием ведения спора, с помощью которого участники спора хотят сделать свою позицию более выгодной и затруднить положение оппонента.

Фигура – необычный оборот речи, отступление от нейтрального способа изложения, усиливающее эмоциональное, эстетическое воздействие речи, например, инверсия, анафорам, антитеза и др.

Энтимема – внутренний (скрытый) силлогизм, такое использование аргумента (рассуждения), недостающая часть которого легко восстанавливается.

Эпитет – стилистический оборот речи, образное определение, которое ярко и эмоционально подчеркивает наиболее важные и существенные признаки предмета (*шелковые кудри, чистое поле, парус одинокий*).

Эристика – искусство ведения спора, направленное на победу в споре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ПРИМЕРНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ.....	6
ЗАДАНИЯ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ.....	13
ПЕРЕЧЕНЬ ТЕМ РЕФЕРАТОВ.....	69
ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ К ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ (ЗАЧЁТУ).....	69
ПРИМЕРНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ К ЗАЧЁТУ.....	79
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ТЕМАМ ЛЕКЦИЙ.....	154
<i>Тема 1. Риторика как наука об ораторском искусстве.</i> Специфика судебного красноречия.....	154
<i>Тема 2. Специфика речевого поведения юриста.</i> Основы речевого этикета.....	187
<i>Тема 3. Коммуникативные качества речи.</i> Культура устной речи юриста.....	224
ГЛОССАРИЙ.....	310

**Грибанская Елена Эдуардовна,
Бурдина Елена Александровна**

РИТОРИКА ДЛЯ ЮРИСТОВ

Учебно-методическое пособие

Компьютерная верстка *Е.А. Попова*
Редактор и корректор *К.М. Карасева*

Подписано в печать с оригинал-макета 14.10.08.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,36. Тираж 110 экз.

Отпечатано в НИиРИО
БФ МосУ МВД России:
241050, г. Брянск, пер. Советский, д. 2-а.
Тел.: 66-32-72. E-mail: bfmosu@mail.ru